

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
2017 г. Том 8. № 1

Московский государственный психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology and Education

2017 г. Том 8. № 1

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

Международный научный журнал

Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ

Главный редактор

Наталия Толстых

Ответственный секретарь

Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына,
В.А. Лабунская, А.П. Оконешникова, Н.К. Радина, Т.Г. Стефаненко,
О.Е. Хухлаев, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия), Е.И. Головаха (Украина),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель

Александр Донцов

Заместитель председателя

Наталия Толстых

Заместитель председателя

Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, В.Н. Куницына, Т.Г. Стефаненко, Т.И. Шульга (Россия),
Е.И. Головаха (Украина), В. Дуаз (Швейцария), Ф. Зимбардо (США),
И. Маркова (Великобритания), Л.А. Пергаменщик (Беларусь),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Время как интегрирующий фактор семьи в зарубежных исследованиях
М.В. Городилина 5

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Взаимосвязь базовых человеческих ценностей и электорального поведения
А.Н. Татарко 17
- Социально смелая личность в реальном общении
и интернет-коммуникации: анализ представлений людей разного возраста
А.В. Погодина, К.С. Есаулова 38
- Социально-психологические факторы удовлетворенности
отношениями в молодых супружеских парах
О.А. Сычев 56
- Индивидуальный стиль саморегуляции как ресурс стрессоустойчивости
у замещающих родителей
А.А. Алдашева, М.Е. Зеленова, О.В. Рунец 75
- Языковая компетентность, развитие группы и социометрический
статус иностранных студентов в российском вузе
(на примере исследования китайских студентов)
М.Ю. Чибисова, Е.А. Верченева 93
- Самоотношение и отношения со значимыми взрослыми
как факторы удовлетворенности жизнью у подростков
Л.А. Головей, М.В. Данилова, Ю.Ю. Данилова 108

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА

- Отношение молодежи к своему здоровью и к донорству крови
О.Б. Крушельницкая, Т.Ю. Маринова, А.В. Милёхин 126
- Управление талантами: чему учить сотрудников сегодня,
чтобы выжить завтра
А.Ю. Бухарина 144

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Комплексное исследование жизнеспособности человека и семьи:
теория, эмпирика, перспективы. Рецензия на монографию А.В. Махнача
«Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая
парадигма» М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.
Е.А. Рьельская 163

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

Time as an integrating factor in a family in foreign researches

M.V. Gorodilina 5

EMPIRICAL RESEARCH

The relationship of basic human values and voting behavior

A.N. Tatarko 17

Socially bold personality in the real communication
and Internet communication: the analysis of representations
of people of the different age

A.V. Pogodina, K.S. Esaulova 38

Sociopsychological factors affecting the relationship satisfaction
in young married couples

O.A. Sychev 56

Individual Self-Regulation styles as the source of stress resistance
in foster parents

A.A. Aldasheva, M.E. Zelenova, O.V. Runets 75

Language competency, group development and sociometric status
of foreign students in Russian higher education institutions
(a case study of Chinese students)

M.Yu. Chibisova, E.A. Verchenova 93

Self-relation and relations with significant adults as factors
of satisfaction with life in adolescents

L.A. Golovey, M.V. Danilova, Y.Y. Danilova 108

APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Young people's attitudes towards their health and blood donation

O.B. Krushelnitskaya, T.Y. Marinova, A.V. Milekhin 126

Talent management: what to teach employees today to survive tomorrow

A.Y. Bukharina 144

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

The Integrative Research of the Resilience of a Person and the Family:
the Theory, Experience, Perspectives. Review of the monograph
by A.V. Makhnach «The Resilience of a Person and the Family:
Socio-Psychological Paradigm». Moscow: Publ.

«Psychology Institute of Russian Academy of Sciences», 2016. 459 p.

E.A. Rylskaya 163

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Время как интегрирующий фактор семьи в зарубежных исследованиях

М.В. ГОРОДИЛИНА*,
ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия, marina.gorodilina@yandex.ru

В статье дается обзор зарубежных исследований семейных отношений в памяти членов семьи как социальной группы, представленной как межличностными отношениями нуклеарной семьи, так и межпоколенными связями, что определяет механизм и становление семейной идентичности. Семья рассматривается как сложное единство «систем во времени». Описывается зарубежный опыт изучения представлений о времени семьи посредством анализа семейных нарративов, а также автобиографического материала. Приводятся методы исследования времени семьи и включенности каждого в активное со-конструирование текстов истории семьи, имеющих социальнопсихологическое значение семейных практик и ритуалов, которые используют специалисты при работе с семьями. Проанализированы методики: «Опросник семейных практик» («The family routines inventory») Э. Дженсен, Ш. Джеймс, Т. Бойс и С. Хартнет; «Опросник семейных ритуалов» («The family ritual questionnaire») Б. Физ и К. Кляйн; «Опросник времени семьи» («Family time questionnaire») А. Эллингтон.

Ключевые слова: семья, группа, внутрисемейные отношения, межпоколенные отношения, система во времени, память семьи, семейные практики, идентичность.

Для цитаты:

Городиллина М.В. Время как интегрирующий фактор семьи в зарубежных исследованиях // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 5–16. doi:10.17759/sps.2017080101

* Городиллина Марина Валерьевна — аспирант кафедры социальной педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО МПГУ), Москва, Россия, marina.gorodilina@yandex.ru

Актуальность исследований семейных отношений объясняется поисками оснований их социально-психологической стабильности, психологической безопасности личности, активного вклада каждого в процессы становления семейной идентичности. В зарубежной литературе последних десятилетий можно выделить две активно обсуждаемые тенденции, объясняющие социально-психологические особенности функционирования семей в современную эпоху и особенности становления семейной идентичности каждого ее члена.

С одной стороны, ряд авторов обращают внимание на обособленность и изолированность, нестабильность и хрупкость межличностных отношений во многих современных семьях [1; 2; 3; 15]. Развод как следствие распада семьи как социальной группы часто дается в качестве иллюстрации основных особенностей современной семьи американскими исследователями: эфемерность, уменьшение, высокий темп, пронизанность процессами приватизации, сентиментализации и демократизации, стремление к автономии и обесценивание преемственности, предпочтение опыта «здесь и сейчас» [11].

Другие исследователи акцентируют внимание на вопросах преемственности в семьях [6]. Розалина Коста считает, что ценность семьи и родства не исчезли, как считают авторы обратной концепции, а продолжают существовать, меняя устаревшие социальные категории, привнося новый терминологический аппарат, добавляя новые концепции в эту область [9]. Связано это с тем, что современные модели отношений не всегда поддаются описанию с помощью старых категорий и «... любая попытка втиснуть эти новые формы в старые конструкторы неизбежно

приведет к искажению реальности описываемого феномена» [3, с. 3].

Семья как «система во времени»

Дороти Жером [18] описывает семью как «систему во времени», которая:

- имеет *изменяющуюся* структуру в результате ухода старшего поколения и появления нового;
- развивается с течением времени в параллели с изменением социальных и культурных условий;
- имеет свою собственную внутреннюю культуру, *выработанную и поддерживаемую* поколениями.

Индивидуальное бытие членов семьи теснейшим образом переплетено в рамках семейной жизни; данное взаимовлияние меняет членов семьи с течением времени.

Д. Жером исследует связь между исторической преемственностью (семья как система во времени, сохраняющая паттерны семейной жизни; семейные «мифы» и обычаи внутри семьи), семейным единством (степенью межличностного взаимодействия, общих взглядов и чувств) и развитием в течение жизненного цикла (психологическая потребность в идентичности, причастности и индивидуальном росте). Исследование базировалось на биографических и автобиографических материалах семейной истории, устных историй, различного типа документов из жизни и фокусировалось на особых событиях, взаимоотношениях, индивидуальных случаях.

Индивидуальный случай рассматривается как репрезентация социального опыта других людей (в зависимости от того, насколько он репрезентативен) и как аспект социальной реальности сам

по себе. Индивидуальная биография, согласно Д. Жером, может свидетельствовать о влиянии социальных сил на индивидуальное сознание и о последствиях социализации.

Д. Жером использовала для анализа автобиографии людей, написанные ими в разные возрастные периоды своей жизни, и обнаружила в них ярко выраженную временную перспективу. Исследуемые демонстрировали ощущение прохождения времени и имели представление о времени как о чем-то, чем можно распоряжаться. У них была проявлена временная осведомленность — чувство прохождения времени, чувство, что они являются частью живой, изменяющейся с течением времени, системы. На рис. изображено представление о собственном месте в семье в разные периоды жизни.

Со временем поколения сменяют друг друга. По мере взросления человек постепенно переходит из позиции самого молодого члена семьи в раннем возрасте до позиции самого старшего — в позднем возрасте. Семья раскрывается как закрытая группа людей, происходящая от

единого предка. Несколько поколений могут сосуществовать в течение продолжительного периода времени. Знание об умерших родственниках обеспечивает сильное чувство исторической глубины рода. Ряд респондентов, отрезанных от семьи, продемонстрировали потребность восстановления связей с людьми, которые могут обеспечить чувство сопричастности к семейной истории.

История семьи и семейные истории

Наиболее близкой к теме семейной истории является нарративная психология и ее метод исследования нарративов (повествований, рассказов). Нарративный подход активно используется в социальной работе, в работе с сообществами и группами, и в частности, в работе с семьями.

Данный подход эффективен в работе с семьей и ее историями, поскольку позволяет учесть особенности и самобытность семьи как закрытого сообщества, выявить ее ключевые жизненные собы-

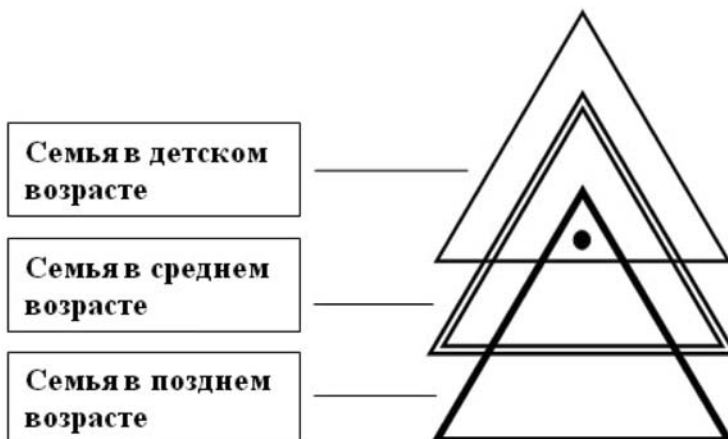

Рис. Изменение места человека в системе семьи с течением времени

тия и переживания. Анализируются как сами события («кто сделал», «что сделал», «в каких обстоятельствах» и т. д.), так и их значение (смыслы, ценности, желания, ожидания, жизненные принципы и т. д.). Изучение семейных историй качественным методом имеет явные преимущества перед количественным методом: события изучаются не изолировано от общего контекста и предшествующей информации, а взаимосвязано, позволяя выявить их значение в жизни семьи.

Важно отметить, что, согласно теории нарративов, семейная история является именно отражением субъективного видения жизни, но не реальной, объективной ситуации во всей ее полноте.

Ценную идею формулирует Уильям Борден, говоря о человеке как творце своей жизни и о преломлении временного пространства в его психике. У. Борден считает, что каждый человек становится историком самого себя, развивая внутреннюю непротиворечивую интерпретацию жизненного цикла таким образом, что прошедший, настоящий и будущий опыт является конгруэнтным [5].

Также и Бертрам Кёлер рассматривает нарратив как наиболее внутренне согласованное толкование полученного прошлого, переживаемого настоящего и ожидаемого будущего [8].

Используя нарративный метод исследования семейной идентичности, Патриция Бёлей изучила преемственность особенностей «родительства» в роду [4]. В рассказах участников исследования не раз встречались отсылки к их собственному семейному опыту, который они получили в детстве и который повлиял на их представления о семейной жизни. Кроме того, выяснилось, что многие планы, надежды и ожидания от своих детей в будущем исходили у участников от их

собственных убеждений и ценностей, которые они черпали из семейно-родственно-родового опыта. Таким образом, Бёлей подтвердила идею о том, что существует единое пространство представлений о семейной жизни, которое передается из поколения в поколение с течением времени. Аккумулировались эти представления, согласно анализу семейных повествований, в семейной «философии», ценностях и убеждениях; сохранялись — за счет налаженных коммуникаций в семье (в особенности — межпоколенческих), культурных связей и традиций.

П. Бёлей отмечает, что временной аспект является связующим, интегральным элементом жизненного цикла семьи.

Результатом налаженных коммуникаций в семье, обмена историй, аккумуляции, интеграции и передачи истории семьи и ее членов из поколения в поколение является сохранение и поддержание семейной идентичности. Именно совместное со-конструирование истории в сообществе приводит к единству во взглядах, ценностях и коллективным действиям, базирующимся на едином восприятии вещей. П. Бёлей называет это единым «сознанием» семьи, которое разделяется посредством внутренних коммуникаций и формирует семейное «самоопределение».

Важно отметить, что контексту семейной истории сопутствует и соответствующий эмоциональный фон. Согласно опросу участников исследования, многие события фиксировались в ментальной хронологии их жизни за счет эмоциональной насыщенности этих событий или определенного эмоционального значения. В целом, согласно рассказам, родительские пары стремились передать позитивный семейный опыт

и предупредить семейные разногласия. Кроме того, формулируя ожидания от будущего, многие родители высказали надежды, что их дети «будут вспоминать свое детство как счастливое время», будут жить в согласии друг с другом, преодолев соперничество, и смогут развить «чувство» семьи.

При составлении хронологии участники исследования уделяли большое внимание описанию структуры семьи, т. е. выстраиванию «семейного древа» с указанием времени рождения членов семьи, последовательности событий в их жизни. Это помогало им структурировать свой рассказ о семье и выстроить пространственно-временную связность истории.

Время семьи в традициях и коммуникациях

В своем исследовании надежд, желаний, ожиданий от «времени семьи» (или «времени, проведенного семьей вместе») («family time»), Керри Дейли было выявлено -, что больше всего члены семьи хотели, чтобы время семьи для них было источником воспоминаний, носило позитивный характер и включало единение, и тем более ценились семейные встречи, чем более спонтанными они были [10]. Респонденты считали своим долгом передать традиции своих родителей своим детям. Таким образом, время, проведенное с семьей, превращалось в передачу памяти семейного опыта, в рассказ о семейном прошлом. Исследуемые также отметили, что именно позитивные детские воспоминания о проведенном вместе с семьей времени способствуют тому, что они хотят продолжить эту добрую традицию со своими нынешними детьми.

Дж. Гиллис считает, что именно способность к поддержанию «мифа о семейном прошлом» служит текущим запросам и будущим устремлениям семьи [16].

Лонгитюдное исследование 192 семей Центра исследования семей Пенсильванского университета выявило, что чем больше совместного времени члены семьи проводят друг с другом, тем более теплые, близкие и заботливые отношения устанавливаются между ними [7]. Р. Ларсон и М. Ричардс считают, что именно ежедневное взаимодействие членов семьи развивает способность к пониманию чувств, заключенных в словах, в те моменты, когда «их сознания встречаются», когда устанавливаются духовная близость и единение [19].

Как отмечает ряд авторов, необходимость обоих супругов проводить время на работе и сильная занятость приводят к тому, что у людей остается мало времени, чтобы провести его с семьей.

Ускоряющийся темп жизни современных семей — одна из обсуждаемых проблем в области психологии семьи. Автор социальной теории семьи и времени, Керри Дейли, выделяет три доминантных характеристики семейного времени на современном этапе: разнообразие, ускорение и контроль [11]. Тесно связанную с характеристикой разнообразия характеристику ускорения К. Дейли связывает с ускорением темпа современной жизни и говорит о том, что семьи стали уделять больше внимания стратегиям по управлению временем. К. Дейли считает, что попытки «контролировать время» посредством использования современных стратегий менеджмента становятся разрушительным элементом для эмоционального благополучия семьи. Техники тайм-менеджмента основаны на допущении, что мы можем использовать

время более эффективно и что стремление идти в ногу с сегодняшним миром требует более рационального использования времени. Но данное ускорение противоречит спокойному, размеренному духу семейной жизни и уединенности. Новая парадигма, по мнению К. Дейли, должна включать в себя фундаментальные изменения, которые заключаются в переходе от традиционного тайм-менеджментовского менталитета к сдерживанию возрастающего темпа жизни и изменению ценностей, которые позволяют вернуть ее в спокойный ритм.

В связи с ускорением темпа современной жизни, согласно Розалине Коста, происходит сокращение, упрощение и даже исчезновение ритуалов в семье [9]. Проблема постоянства ритуалов и деритуализации жизни семьи, в первую очередь, связана со структурной изоляцией нуклеарной семьи и распадом родственных связей в условиях модернизации [21], а кроме того, — с влиянием процессов сентиментализации, приватизации и индивидуализации, которые уменьшают возможность семейных ритуалов, так как связи в расширенных семьях становятся слабее. Кроме того, ускоряющийся темп жизни современных семей, постоянный «недостаток времени» усложняют возможность совместного времяпрепровождения, что так необходимо для существования ритуалов [11].

В то же время, по мнению Элизабет Плек, когда люди чувствуют, что проводят намного меньше времени вместе, чем хотелось бы, у них появляется обширное разнообразие специальных поводов для семейных встреч [22]. Например, в исследовании Р. Коста разведенные супруги воспринимали дни рождения своих детей как особые дни, в которые они должны быть вместе со своими детьми [9].

Совместному семейному проведению времени способствует возрастающее количество коммерческих предложений по проведению совместного досуга, а также общественные праздники, сопровождающиеся не только личными встречами, но и общением с помощью ИКТ. Появляются новые ритуалы, которые встраиваются в систему старых ритуалов и которые вместе трансформируются в новые формы, с новыми значениями, объединяя традиции и новации [9].

Согласно С. Волин и Л. Беннет, семейные ритуалы конструируют семью через их позитивные функции, а именно, через их роль в социализации, в определении границ семьи, в повышении чувства сопричастности, создании чувства единства и семейной идентичности. Авторы выделяют три различные категории семейных ритуалов: семейные праздники, традиции и паттерны семейного взаимодействия [23].

Ритуал, согласно Дэвиду Моргану, являясь одним из видов семейных практик, представляет собой мощный теоретический и концептуальный инструмент, способный ухватить течение, изменчивость и значения в современных семьях [20]. Реализовать это, считает Д. Морган, возможно путем фокусировки исследования на взаимодействии в семье, изучения моментов повседневной жизни, а также эпизодических событий как интерактивных и значимых процессов, находящихся в культуре и биографии исследуемых лиц.

В соответствии с идеей Джона Гиллис, культурная история жизни семьи предполагает исследование «молчаливых языков» пространства и «скрытых намерений» времени, которые ускользают от нашего внимания, когда мы рассматриваем семью слишком бук-

важно, игнорируя ее символические измерения [16].

Р. Коста разрабатывала идею о том, что семейные ритуалы могут быть использованы как способ отображения современной семьи через время, пространство и эмоции [9]. Семейные ритуалы Р. Коста определяет как все предписанные практики, вытекающие из семейного взаимодействия, ориентирующиеся на определенную цель и содержащие символическое, особое значение. Исследователем было выявлено, что семейные ритуалы меняются с течением времени; разведенные родители часто переоценивали значимость моментов и событий в их практике, а также проявляли большую гибкость в выборе символов, символических действий и использовании времени, обеспечивая сильное чувство семейной идентичности. Р. Коста делает вывод, что в ситуации неопределенности и нестабильности семьи ритуалы укрепляют ее, выстраивая особое время и пространство единого взаимодействия и переживания.

Таким образом, семейное время может способствовать единению семьи, созданию коммуникативного пространства для передачи семейной истории, опыта, традиций, убеждений и ценностей. В условиях ускорения темпа современной жизни и занятости количество времени, проведенного семьей вместе, уменьшается. Как следствие, происходит сокращение, упрощение ритуалов в семье. Вместе с тем, ряд авторов утверждают, что в семьях появляются регулярные практики, новые формы коммуникации с помощью современных информационно-коммуникационных технологий, специальные поводы для встреч и условия для совместного проведения времени. Для исследования времени семьи, традиций, практик и ри-

туалов зарубежными исследователями был создан ряд опросников.

Методы исследования времени семьи, семейных ритуалов и практик

Розалина Коста использовала метод интервью и метод полуструктурированного интервью в своем исследовании семейных ритуалов с дальнейшим контент-анализом полученной информации [9]. Р. Коста делала акцент на разделении содержания эпизодического (ситуативного) и семантического характера контента. Эпизодический контент связан с конкретными условиями (времени, места, событий, участников, ситуации), в то время как семантический контент является более абстрактным, обобщенным, внеконтекстуальным и не зависящим от конкретных ситуаций и событий. Контент-анализ был выполнен посредством использования качественного анализа данных в программе NVivo производства QSR International.

Дороти Жером использовала автобиографический материал из Британского Архива Социальных Наблюдений (Mass Observation Archive) чтобы исследовать социальные силы, влияющие на индивидуальный опыт и сознание людей [18]. Автобиографический метод, по мнению Д. Жером, не так директивен, как метод интервью, и позволяет респондентам в наиболее свободной форме описать свою семейную жизнь.

Эрик Дженсен, Шерман Джеймс, Томас Бойс и Сью Хартнет создали «Опросник семейных практик» («The family routines inventory»), который позволяет измерить 28 позитивных, устойчивых семейных практик (заведен-

ного порядка, установленного режима) [17]. Данные практики представляют собой наблюдаемое повторяющееся поведение, которое включает взаимодействие двух или более членов семьи и которое происходит с предсказуемой частотой в повседневной жизни семьи. Данный опросник включает в себя 10 блоков семейных практик и соответствующих утверждений.

1. Практики в рабочие дни: «у родителей каждый день есть время на то, чтобы просто пообщаться со своими детьми», «родители играют с детьми после возвращения с работы» и др.;

2. Практики в выходные дни и свободное время: «всей семьей отправляются в какое-либо место каждую неделю», «в семье существует особое «время семьи», которое они проводят вместе дома за каким-либо занятием» и др.;

3. Практики детей: «родители читают или рассказывают истории детям каждый день», «каждый ребенок имеет некоторое время для самостоятельной игры каждый день» и др.;

4. Практики родителей: «родители регулярно занимаются определенным совместным хобби или спортом»;

5. Практики перед сном: «у детей есть особые просьбы (рассказать сказку, поцеловать на ночь и пр.) или порядок дел каждый день перед сном» и др.;

6. Практики совместного питания: «вся семья ужинает вместе», «по крайней мере, несколько членов семьи завтракают вместе» и др.;

7. Практики в расширенных семьях: «по меньшей мере, один родитель общается со своими родителями регулярно», «семья постоянно навещает своих родственников»;

8. Практики ухода и возвращения домой: «семья совершает определенные дей-

ствия каждый раз, встречая родителя(ей) после работы» и др.;

9. Дисциплинарные практики: «родители совершают определенные действия каждый раз, когда их дети «переходят черту»»;

10. Практики, касающиеся уборки: «дети регулярно убираются дома».

Позитивные семейные практики, с точки зрения авторов, повышают жизнеспособность человека, привнося стабильность и целостность в стрессовые периоды, а также делает семью более сплоченной и крепкой.

Барбара Физ и Кристин Кляйн создали «Опросник семейных ритуалов» («The family ritual questionnaire»), который включает в себя 56 утверждений [14; 24]. Данные утверждения подразделяются на 7 блоков по 8 утверждений в каждом, на которые испытуемый должен дать один из трех ответов («не согласен», «скорее согласен», «согласен»):

1. Ужин. В данном блоке предлагается представить себе обычный ужин с семьей дома и дать оценку утверждениям: «в нашей семье каждый должен был быть дома к ужину», «в нашей семье было не важно ужинать вместе» и др.

2. Выходные. Респондент должен представить себе, как в его семье проходят обычные выходные, и дать оценку утверждениям: «в нашей семье горячо обсуждались планы на выходные», «в нашей семье мы чувствовали, насколько это важно — проводить время вместе по выходным» и др.

3. Отпуск. Представив классический отпуск со своей семьей, испытуемый должен оценить следующие утверждения: «в нашей семье отпуск был чем-то большим, чем просто поездка: это было время семейного единения», «в нашей семье во время отпуска не было никакой

рутины: это время было для чего-то нового» и др.

4. Ежегодные праздники. В данном блоке подразумеваются такие ежегодные праздники, как дни рождения, юбилей и пр. Утверждения: «в нашей семье мы чувствовали, что ежегодные праздники важны», «в нашей семье было мало ежегодных праздников» и др.

5. Особые семейные праздники, такие как свадьбы, выпускные и другие семейные сборы. Утверждения: «особые праздники имели большое значение для семьи», «в нашей семье каждый откладывал все дела, чтобы попасть на особое семейное торжество» и др.

6. Религиозные праздники (например, Рождество, Пасха и др.), которые празднуются в семье. Утверждения: «в нашей семье религиозные праздники достаточно рутинны: каждый знает, что будет происходить», «в нашей семье религиозные праздники отмечают из года в год» и др.

7. Культурные и этнические традиции. В данный блок входят такие культурные и этнические традиции, как, например, крестины, поминки, похороны и др. Утверждения: «в нашей семье данные события имели особое значение и смысл», «в нашей семье у каждого была определена роль в данных культурных мероприятиях» и др.

В конце каждого блока опрашиваемому предлагается описать дополнительные факты, соответствующие блоку (например, описать конкретные семейные традиции, особые семейные праздники, как проходят их выходные, отпуск, семейные ужины и пр.).

Посредством «Опросника семейных ритуалов» Эсель Юн изучила несколько периодов жизни человека. Испытуемым предлагалось оценить интерес к блокам

семейных ритуалов в прошлом, настоящем и предполагаемом будущем и их значимость, чтобы определить, насколько семейные ритуалы влияют на личностные характеристики человека [24]. Кроме того, посредством дополнительного опроса старших поколений в семье изучалась степень преемственности семейных ритуалов младшими поколениями.

Изучая семейные условия, в которых происходит становление личности, Александра Эллингтон изучала качество и количество времени, проведенного в кругу семьи, и степень семейной сплоченности «Опросник времени семьи» («Family time questionnaire») Александра Эллингтон включает в себя 23 утверждения о совместной деятельности родителей и детей, которые необходимо оценить по степени согласия с ними («никогда», «редко», «время от времени», «часто», «всегда») [13]. Оцениваются такие виды совместной деятельности, как: прогулки в парке, чтение книг, походы по магазинам, детским центрам отдыха, игры на свежем воздухе, совместный активный отдых, отпуск, внеклассные занятия, настольные игры, просмотр телевизора, приготовление пищи, совместные завтраки, обеды и ужины, уборка после еды, уборка по дому, а также совместное проведение времени без какой-либо конкретной деятельности. Кроме того, оцениваются такие виды совместного взаимодействия, как: совместное решение проблем, открытое выражение чувств, рассказ родителями сказок и историй своим детям, религиозные практики, совместная образовательная деятельность, пение песен и пр.

Степень семейной сплоченности оценивалась по шести параметрам по 10-бальной шкале, где 1 — «совсем не согласен», 10 — «совершенно согласен».

1. Совместное проведение времени и совместные занятия.
2. Согласие друг с другом.
3. Позитивная коммуникация (частое общение, умение слушать и разделять чувства друг друга).
4. Решение проблем позитивным способом.
5. Выражение благодарности друг другу.
6. Эмоциональное благополучие.

Методика семейной сплоченности принадлежит Нику Стиннет и использовалась им на протяжении 25-летней практики на более чем 14 тысячах семей [13]. Модель семейной сплоченности, согласно Н. Стиннет и Дж. Дефрейн, включает в себя шесть главных компонентов: согласие; признательность и любовь; позитивную коммуникацию; совместное проведение времени; духовное благополучие; способность справляться со стрессами и кризисами [12].

Заключение

Обзор и анализ зарубежных исследований показал, что семья изучается как сложная «система во времени», имеющая внутреннюю культуру, выработанную и поддерживаемую поколениями. В ряде исследований озвучиваются проблемы нарушения преемственности семейных традиций,

ритуалов и практик, приводящие к нарушению стабильности и целостности семей, к дезадаптации в кризисные периоды, к снижению психологического благополучия ее членов.

Ключевые жизненные события семьи и переживания аккумулируются в коллективной памяти семьи и передаются посредством историй. В рамках одного из подходов, семейные истории определяются как субъективные интерпретации семейного опыта и его значения. Кроме того, нарратив рассматривается как наиболее внутренне согласованное толкование свершившегося прошлого, переживаемого настоящего и ожидаемого будущего. Анализ семейных историй позволяет выявить ключевые убеждения семьи, которые транслируются из поколения в поколение и составляют семейную идентичность.

В проанализированных статьях, книгах и диссертациях поднимаются вопросы влияния социальных сил на индивидуальное сознание. Изучается, каким образом время семьи представлено в памяти человека и какую роль совместное время с семьей играет в передаче знания о семейном прошлом.

Представленные в статье методы изучения семейного времени, ритуалов и практик позволяют выявить ключевые направления семейного взаимодействия, в рамках которого происходит становление и социализация личности.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. *Bauman Z.* Liquid love: on the frailty of human bonds. Cambridge: Polity Press, 2003. 162 p.
2. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* The normal chaos of love. Cambridge: Polity Press, 1995. 240 p.
3. *Beck-Gernsheim E.* Reinventing the family: In search of new lifestyles. Cambridge: Polity Press, 2002. 184 p.
4. *Bolea P.S.* Transitions to parenthood: a narrative study of intergenerational issues and family identity: diss. ... Doctor of Philosophy. East Lansing, Michigan, USA, 1996. 113 p.

5. *Borden W.* Narrative perspectives in psychosocial intervention following adverse life events // *Social Work*. 1992. Vol. 37. Iss. 2. P. 135–141. doi:10.1093/sw/37.2.135
6. *Brannen J., Nielsen A.* Individualization, choice and structures: a discussion of current trends in sociological analysis // *The Sociological Review*. 2005. Vol. 53. Iss. 3. P. 412–428. doi: 10.1111/j.1467-954X.2005.00559.x
7. *Crouter A.C., Head M.R., McHale S.M., Tucker C.J.* Family time and the psychosocial adjustment of adolescent siblings and their parents // *Journal of Marriage and Family*. 2004. Vol. 66. Iss. 1. P. 147–162. doi: 10.1111/j.0022-2445.2004.00010.x-i1
8. *Cohler B.J.* Personal narrative and the life course // *Life-span development and behavior*. Vol. 4 / P. Bates, O. Brim (Eds.). N. Y.: Academic Press, 1982. P. 205–241.
9. *Costa R.P.* Family rituals: mapping the postmodern family through time, space and emotion // *Journal of comparative family studies*. 2013. Vol. 44. Iss. 3. P. 269–289.
10. *Daly K.J.* Deconstructing family time: from ideology to lived experience // *Journal of Marriage and Family*. 2001. Vol. 63. Iss. 2. P. 283–294. doi: 10.1111/j.1741-3737.2001.00283.x
11. *Daly K.J.* *Families and Time*. Thousand Oaks: Sage Publications, 1996. 200 p.
12. *DeFrain J.* Strong families // *Family Matters*. 1999. № 53. P. 6–13.
13. *Ellington A.S.* The role of family time on a young child's overall development: thesis ... Master of Science. University of Alabama, USA, 2011. 86 p.
14. *Fiese B.H., Kline C.A.* Development of the Family Ritual Questionnaire: Initial reliability and validation studies // *Journal of Family Psychology*. 1993. Vol. 6. Iss. 3. P. 290–299. doi: 10.1037/0893-3200.6.3.290
15. *Giddens A.* *The transformation of intimacy: sexuality, love and eroticism in modern societies*. Cambridge: Polity Press, 2013. 220 p.
16. *Gillis J.R.* *A world of their own making. Myth, ritual, and the quest for family values*. Cambridge: Harvard University Press, 1996. 336 p.
17. *Jensen E.W., James S.A., Boyce W.T., Hartnett S.A.* The family routines inventory: development and validation // *Social Science & Medicine*. 1983. Vol. 17. Iss. 4. P. 201–211. doi: 10.1016/0277-9536(83)90117-X
18. *Jerrome D.* Time, change and continuity in family life // *Ageing and Society*. March. 1994. Vol. 14. Iss. 1. P. 1–27. doi: 10.1017/S0144686X00000039
19. *Larson R., Richards M.H.* *Divergent realities: The emotional lives of mothers, fathers, and adolescents*. N. Y.: Basic Books, 1994. 333 p.
20. *Morgan D.H.J.* *Rethinking family practices*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. 200 p. doi: 10.1057/9780230304680
21. *Parsons T., Bales R.F.* *Family, socialization and interaction process*. Glencoe, IL: Free Press, 1956. 422 p.
22. *Pleck E.H.* *Celebrating the family ethnicity, consumer culture, and family rituals*. Cambridge: Harvard University Press, 2000. 338 p.
23. *Wolin S.J., Bennett L.A.* Family rituals // *Family Process*. 1984. Vol. 23. Iss. 3. P. 401–420. doi: 10.1111/j.1545-5300.1984.00401.x
24. *Yoon Y.* The role of family routines and rituals in the psychological well being of emerging adults: thesis ... Master of Science. University of Massachusetts Amherst, USA, 2012. 90 p.

Time as an integrating factor in a family in foreign researches

M.V. GORODILINA*,
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia,
marina.gorodilina@yandex.ru

The article provides an overview of foreign researches examining family relationships as presented in the family members' memory. The researches regard the family as a social group represented by the nuclear family's interpersonal relationships, as well as inter-generational relationships, which determines the mechanism and the establishment of its identity. The family is considered a complex unity of "systems in time". The article describes foreign experience of studying the concepts of family time by analyzing family narratives and autobiographical material. The methods professionals use to study the family time and the involvement of everyone in active construction of family history texts, family practices and rituals of socio-psychological value, are explained in the article. The methodologies of the following questionnaires were analyzed: "The family routines inventory" by E.W. Jensen, S.A. James, W.T. Boyce and S.A. Hartnett; "The family ritual questionnaire" by B.H. Fiese and C.A. Kline; "Family time questionnaire" by A.S. Ellington.

Keywords: *family, group, family relationships, inter-generational relations, nuclear family, the system in time, family memory, family practices, family identity.*

For citation:

Gorodilina M.V. Time as an integrating factor in a family in foreign researches. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 5–16. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080101

* *Gorodilina Marina V.* — graduate student of Social Pedagogy and Psychology Chair, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia, *marina.gorodilina@yandex.ru*

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Взаимосвязь базовых человеческих ценностей и электорального поведения

А.Н. ТАТАРКО*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия, tatarako@yandex.ru

Существуют исследования, показывающие на примере различных стран, что базовые индивидуальные ценности могут предсказывать политическое поведение, в частности, предпочтения в процессе голосования за различные политические партии и коалиции. В нашей работе мы задаемся вопросом о том, какие ценности были связаны с результатами голосования россиян на выборах президента РФ в марте 2012 г. Эмпирическое исследование основано на результатах репрезентативного опроса в двух федеральных округах России (N=2061), проведенного вскоре после выборов (июль 2012 г.). Анкета включала методику Ш. Шварца для оценки базовых человеческих ценностей (PVQ-R), а также респондентов спрашивали, за какого из пяти кандидатов в президенты РФ они отдали свой голос. Далее, при помощи мультиномиальной логистической регрессии, были выявлены взаимосвязи базовых ценностей респондентов и их предпочтений по итогам голосования. Исследование показало, что, во-первых, основной ценностной оппозицией, связанной с результатами выборов, является «сохранение»–«открытость к изменениям». Во-вторых, голосование за большинство кандидатов (за четырех из пяти) связано с ценностями блока «сохранение», что может говорить об отсутствии принципиальных различий в базовых ценностях, транслируемых данными российскими политиками.

Ключевые слова: базовые ценности, голосование, выборы, политическое поведение.

Для цитаты:

Татарко А.Н. Взаимосвязь базовых человеческих ценностей и электорального поведения // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 17–37. doi:10.17759/sps.2017080102

* Татарко Александр Николаевич — доктор психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, tatarako@yandex.ru

Введение

Выборы президента — важное событие в политической жизни государства. Посредством голосования люди выражают свой выбор и влияют на политическую жизнь общества. Поэтому изучение различных, в том числе и психологических, факторов, направляющих выбор людей, представляется чрезвычайно важным. В России выборы президента 2012 г. сопровождалась протестными акциями, повышением мер безопасности и общей политической напряженностью [8]. Очередные выборы президента, которые состоятся в 2018 г., все ближе. В этой связи, ретроспективный взгляд в прошлое и анализ того, какими ценностями руководствовались россияне, голосуя за того или иного кандидата, представляется чрезвычайно актуальным.

Существующие модели электорального поведения, как правило, опираются, прежде всего, на демографические характеристики избирателей, их политические представления, а также учитывают различные институциональные факторы [20]. В зарубежной науке принято выделять четыре основных теоретико-методологических подхода к изучению электорального поведения, основанных на осмыслении практики свободных выборов в устоявшихся демократиях: социологический, социально-психологический, когнитивный, а также подход, в основе которого лежит теория рационального выбора [7]. В рамках социально-психологического подхода в качестве решающего фактора голосования исследователи чаще всего рассматривают *психологическую* связь избирателя с той или иной партией, его преданность и симпатию. Сторонники данного подхода считают, что главным агентом социализации является семья как фильтр, через который пропускается информация, относящаяся к кандидатам — политикам, партиям и общественным группам. По мнению ученых, склонность к поддержке определенной партии вырабатывается у индивида в процессе ранней социализации [7]. Обратим внимание на то, что семья также передает индивиду в процессе трансмиссии и базовые ценности, которые далее направляют его поведение. О связи ценностей с политическим поведением много писал Г.Г. Дилигенский еще в начале 1990-х гг. [4]. Работая в русле социально-психологического подхода, мы искали ответ на вопрос — какие именно из базовых ценностей россиян связаны с их конкретными предпочтениями на выборах президента РФ? Вопрос интересен не только с точки зрения выявления ценностно-мотивационной основы политического выбора россиян, но и потому что каждая из базовых ценностей связана с широким кругом установок, представлений, видов поведения. И если мы поймем, какими ценностями россияне руководствуются при голосовании за того или иного кандидата в президенты Российской Федерации, то мы поймем, во-первых, какие установки, представления, виды поведения характерны для людей, стремящихся привести к власти того или иного политика. И, во-вторых, к каким ценностям людей апеллируют сами политики, поскольку отклик в электорате политические кандидаты находят, когда апеллируют к тем ценностям, которые важны для их потенциальных избирателей [19; 20].

Новизна данной работы имеет два аспекта. *Во-первых*, данная работа является первым эмпирическим исследованием, направленным на выявление базовых ценностей россиян, связанных с их по-

литическим выбором по итогам реально прошедших выборов. *Во-вторых*, в данном исследовании, впервые при изучении политического поведения, используется уточненная теория базовых человеческих ценностей Ш. Шварца, включающая не 10, а 19 ценностей [13; 33].

Ценности и политическое поведение

В политической науке существовали различные модели, объясняющие участие людей в выборах. Основные из них следующие [приводится по: 20]: ресурсная модель (в ней акцентируется внимание на образовании и доходе); мобилизационная модель (согласно которой политические кандидаты или партии мобилизуют людей на политическую активность); модель конкуренции избирателей (в ней анализируются эффекты социально-демографических характеристик электората и связанные с ними долгосрочные политические изменения); модель гражданских добродетелей или ценностей (в ней рассматривается политическое участие как аспект гражданского мышления или социального капитала). Модели, разработанные для объяснения экономического поведения человека, были успешно применены в политической сфере. Первым, кто использовал экономическую теорию в политических науках и предложил «гипотезу о рациональных политических выборах», был Э. Даунс [5]. Его гипотеза основывается на том, что избиратель принимает участие в выборах, если его польза превышает понесенные издержки.

Все эти модели хорошо объясняют отдельные аспекты поведения избирателей, однако они не учитывают индивиду-

альные и психологические особенности избирателей. Индивидуальные характеристики избирателей стали объектом пристального изучения сравнительно недавно, но исследователи уделяют все большее внимание индивидуальным детерминантам выбора, а не групповой принадлежности избирателя [3; 11; 17; 18; 20; 22; 23]. В нашем исследовании мы сосредоточимся на роли ценностей.

Вопрос о существовании и силе связи ценностей с политическим поведением уже ставился в исследованиях, и было показано, что существует связь между базовыми ценностями людей и их политическим выбором. Данная связь была подтверждена в различных культурных контекстах и на примере разных политических систем [15; 23; 28; 35]. В своих работах исследователи высказывают предположение, что люди выражают наиболее важные для них ценности посредством политического выбора, следовательно, ценности людей влияют на их политический выбор [19; 31]. Также в существующих исследованиях рассматриваются психологические механизмы, посредством которых индивидуальные ценности влияют на политическое поведение. Во-первых, базовые ценности приводят к формированию определенных политических ценностей личности, которые, в свою очередь, оказывают прямое влияние на политическое поведение [25; 35]. Во-вторых, ценности, которые являются абстрактными принципами, отражают базовые потребности людей [15; 16], соответственно, эти потребности побуждают людей сделать тот или иной политический выбор.

Наше исследование носит разведывательный характер, мы не высказываем конкретных предположений, относительно того, какие именно базовые цен-

ности россиян были связаны с их предпочтениями в ходе президентских выборов 2012 г. Мы, опираясь на вышеуказанные теоретические основания и исследования, исходим из того, что такие связи должны быть, а выявление того, какие именно это были связи, составляет цель нашего исследования. Поскольку мы основывались на уточненной теории базовых человеческих ценностей Ш. Шварца, ниже кратко рассмотрим основные положения этой теории и содержание каждой из 19 базовых ценностей.

Теория базовых человеческих ценностей (Ш. Шварц)

К индивидуальным базовым ценностям относятся наши базовые принципы, наши верования относительно того, что является желаемым и важным. То есть каждая ценность руководит нашим поведением свойственным ей образом вне зависимости от ситуации [14]. В том числе она направляют и наше политическое поведение. Ш. Шварц разработал две теории базовых ценностей — для уровня культуры (культурные ценности) [28] и для уровня отдельного индивида (индивидуальные ценности) [29; 30]. Поскольку в данном исследовании мы рассматриваем индивидуальное поведение — голосование — то в качестве базовой теории мы останавливаемся на теории индивидуальных ценностей. В теории базовых ценностей Ш. Шварца ценности определяются как мотивационные, надситуативные цели, служащие руководящими принципами в жизни людей [27]. В первоначальной версии теория описывала 10 базовых человеческих ценностей, но относительно недавно Ш. Шварц разработал

уточненную теорию базовых индивидуальных ценностей [32]. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца включает 19 ценностей и призвана обеспечить большие эвристические и предсказательные возможности по сравнению с исходной теорией десяти ценностей. Уточненная теория опирается на ключевое положение теории ценностей о том, что они формируют круговой мотивационный континуум. Уточненная теория совместима с первоначальной структурой из десяти более широких конструкторов, так как эти 19 ценностей охватывают тот же мотивационный континуум, что и исходные десять. В табл. 1 представлены 19 ценностей уточненной теории и дается определение каждой из них в терминах мотивационных целей.

Взаимосвязи между ценностями могут быть представлены в качестве двумерной структуры, включающей 4 типа ценностей более высокого порядка (мета-ценности). Первое измерение представляет собой оппозицию «Открытость к изменениям» (комбинация ценностей самостоятельности и стимуляции) — «Сохранение» (комбинация ценностей безопасности, конформности и традиции). Это измерение отражает конфликт между акцентом на независимости собственных мыслей, действий, ориентацией на изменения, с одной стороны, и добровольным самоограничением, сохранением традиционных практик и защиты — с другой. Второе измерение представляет собой оппозицию «Самопреодоление» (комбинация ценностей благожелательности и универсализма) — «Самоутверждение» (комбинация ценностей власти и достижения). Это измерение отражает конфликт между принятием других людей как равных, заботой об их благополучии

Таблица 1
 Девятнадцать ценностей уточненной теории [приводится по: 13]

Ценностные ориентации высшего порядка (ценностные приоритеты)	Ценность	Концептуальное определение точки зрения мотивационной цели	
Открытость к изменениям	Самостоятельность – Мысли	Свобода развивать собственные идеи и способности	
	Самостоятельность – Поступки	Свобода определять собственные действия	
Самоутверждение	Стимуляция	Стремление к возбуждению, новизне и перемена	
	<i>Гедонизм</i> ¹	Стремление к удовольствию и чувственному удовлетворению	
	Достижение	Достижение успеха в соответствии с социальными стандартами (нормами)	
	Власть – Доминирование	Влияние посредством осуществления контроля над людьми	
Сохранение	Власть – Ресурсы	Влияние посредством контролирования материальных и социальных ресурсов	
	<i>Репутация</i>	Защита и влияние посредством поддержания публичного имиджа и избежания унижения	
	Безопасность – личная	Безопасность непосредственного окружения	
	Безопасность – общественная	Безопасность и стабильность общества в целом	
	Традиция	Поддержание и сохранение культурных, семейных или религиозных традиций	
	Конформизм – Правила	Соблюдение правил, законов и формальных обязательств	
	Конформизм – межличностный	Избегание причинения вреда или огорчения другим людям	
	<i>Скромность</i>	Признание незначительности существования одного человека в круговороте жизни	
	Самопреодоление	Универсализм – Забота о других	Стремление к равенству, справедливости и защите всех людей
		Универсализм – Забота о природе	Сохранение природной среды
Универсализм – Толерантность		Принятие и понимание тех, кто отличается от тебя	
Благожелательность – Забота		Преданность группе и благополучие ее членов	
	Благожелательность – Чувство долга	Стремление быть надежным и заслуживающим доверия членом группы	

¹ Курсивом выделены ценности, которые не вошли ни в одну из 4-х мета-ценностей, но на мотивационном континууме находятся рядом с некоторыми из ценностей, вошедших в структуру 4-х мета-ценностей.

чи, с одной стороны, и ориентацией на собственный успех и доминирование — с другой. Ценности «Гедонизм», «Репутация» и «Скромность» по итогам многомерного шкалирования не вошли ни в один из этих четырех типов ценностей более высокого порядка.

Уточненная теория базовых ценностей была проверена в российских условиях. Конфирматорный факторный анализ и многомерное шкалирование показали наличие 19 ценностей. Порядок ценностей, предсказанный в теории, в целом подтверждается результатами многомерного шкалирования.

Методика исследования

Участники исследования. Социально-психологический опрос проводился в двух федеральных округах России — Северо-Кавказском и Центральном. Выборка была репрезентативной по отноше-

нию к населению двух данных округов, общий объем выборки составил 2058 человек. Из них 1 024 интервью проведено в Центральном федеральном округе и 1 034 интервью в Северо-Кавказском федеральном округе. Выборка включала 49,4% мужчин и 50,6% женщин.

Возраст респондентов варьировался от 18 до 60 лет, медиана — 39 лет, среднее значение — 35,6, стандартное отклонение — 11,4. То есть все респонденты являлись достигшими того возраста, в котором они в РФ обладают избирательным правом. В табл. 2 можно видеть процентное распределение респондентов по уровню образования.

При отборе формировалась многоступенчатая (3 ступени) территориальная случайная вероятностная выборка населения. Выборка строилась независимо в каждом из федеральных округов, но при этом использовался один и тот же дизайн (принципы построения) выборки. В каждом федеральном округе были использо-

Таблица 2

Распределение респондентов в соответствии с уровнем образования

Образование	%
Основное общее образование (8 классов школы по старой системе, 9 классов — по новой)	3,6
Законченное среднее общее образование (10 классов школы по старой системе, 11 классов — по новой)	14,6
Начальное профессиональное образование с неполным средним образованием (ФЗУ, ПТУ, РУ, СПТУ, не дающие среднего образования)	2,7
Начальное профессиональное образование с полным средним образованием (ПТУ, СПТУ, дающие среднее образование)	5,3
Среднее профессиональное образование (техникум, училище, колледж)	31,6
Незаконченное высшее образование	8,3
Высшее образование — диплом бакалавра	5,7
Высшее образование — диплом специалиста	26,3
Высшее образование — диплом магистра	1,3
Ученая степень I ступени — кандидат наук	0,3
Ученая степень II ступени — доктор наук	0,1

ваны следующие единицы отбора на каждом этапе построения выборки:

- ПЕО (первичные единицы отбора) — избирательные участки (всего 100);
- ВЕО (вторичные единицы отбора) — домохозяйства;
- Единицы отбора на третьем этапе выборки — конкретные респонденты, проживающие в отобранном домохозяйстве (таблицы Киша).

Опрос проведен Центром Сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) по заказу Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Экспертного института НИУ ВШЭ.

Инструментарий исследования

Ценности. Респонденты заполняли русскую версию обновленного опросника «Ценностный портрет личности» (Portrait Values Questionnaire — Refined), который включает в себя 57 пунктов [32]. Данный опросник адаптирован на российской выборке и имеет хорошие характеристики валидности и надежности [33].

Электоральное поведение. Для оценки электорального поведения респонденту задавался вопрос о том, принимал ли он участие в выборах 2012 г. и если принимал, то за кого из кандидатов в президенты он проголосовал. Приведем формулировку вопроса с вариантами ответов.

«Голосовали ли вы на выборах президента России 4 марта этого года, и если да, за кого из кандидатов вы проголосовали?»

1) Владимир Жириновский; 2) Геннадий Зюганов; 3) Сергей Миронов; 4) Михаил Прохоров; 5) Владимир Путин; 6) Унес(ла)/испортил(а) бюллетень; 7) Не ходил(а) на выборы.

Результаты исследования

При обработке данных мы использовали мультиномиальную логистическую регрессию, поскольку зависимая переменная была номинальной и имела 6 значений (пять — имена кандидатов в президенты и шестой вариант — «не ходил (ла) на выборы»). В качестве эталонной переменной мы выбрали вариант ответа «не ходил (ла) на выборы». То есть мы смотрели, какими ценностями руководствовались те, кто пошел на выборы и проголосовал за определенного кандидата относительно тех, кто на выборы не пошел.

Показателем качества логистической регрессии является R — квадрат Наделькеркеса. Этот коэффициент варьирует от 0 до 1, но это не совсем то же самое, что R -квадрат в линейной регрессии. R -квадрат Наделькеркеса используется для оценки конкурентоспособности модели. В качестве еще одного показателя качества модели использовался тест отношения правдоподобия «хи-квадрат».

Показатели качества представленной модели вполне удовлетворительные: R^2 Наделькеркеса = ,12; тест отношения правдоподобия $\chi^2 = 182,7$ ($p < 0,01$).

Как следует из табл. 3, голосование за В. Путина, позитивно связано с ценностями «Традиция» (,29**) и «Конформизм — межличностный» (,24*). Таким образом, голосование за действующего президента оказалось связанным с ценностями блока «Сохранение».

С голосованием за кандидата от коммунистической партии связаны позитивно ценности «Безопасность — общественная» (,58**), которые также относятся к блоку «Сохранение». То есть люди, голосующие за Г. Зюганова, мотивированы безопасностью, и это — общественная безопасность, т. е. эти люди чувствуют

Таблица 3
Мультиномиальная логистическая регрессия с вариантом ответа «не ходил (ла) на выборы»
в качестве эталонной переменной

Ценностные приоритеты	Предикторы (ценности)			Путин			Зюганов		
	В	Ст. ошибка	Отношение шансов (95% доверительный интервал)	В	Ст. ошибка	Отношение шансов (95% доверительный интервал)	В	Ст. ошибка	Отношение шансов (95% доверительный интервал)
Открытость к изменениям	SDT	,05	,11	,95 (.76–1,18)	-,17	,20	,84 (.56–1,25)		
	SDA	-,01	,10	,99 (.81–1,21)	,20	,19	1,22 (.84–1,78)		
	ST	-,13	,08	,88 (.74–1,04)	,02	,16	1,01 (.74–1,38)		
	HE	,01	,07	1,01 (.86–1,16)	-,11	,14	,88 (.67–1,17)		
	AC	-,095	,09	,91 (.76–1,08)	-,18	,17	,834 (.598–1,163)		
	POD	-,01	,06	,98 (.87–1,11)	,01	,11	1,00 (.8031,26)		
Самоутверждение	POR	,11	,07	1,11 (.96–1,29)	-,02	,14	,97 (.73–1,28)		
	FAC	-,05	,11	,94 (.75–1,18)	-,27	,20	,76 (.51–1,13)		
	SEP	-,06	,11	,93 (.75–1,16)	-,01	,21	,98 (.65–1,48)		
	SES	,13	,09	1,14 (.95–1,36)	,58**	,19	1,79 (1,23–2,58)		
	TR	,29***	,09	1,33 (1,12–1,59)	,22	,17	1,24 (.89–1,74)		
	COR	,09	,08	1,10 (.93–1,30)	,05	,15	1,05 (.77–1,44)		
Сохранение	COI	,24**	,09	1,26 (1,06–1,51)	,12	,16	1,12 (.81–1,56)		
	HUM	-,14	,09	,86 (.72–1,02)	-,11	,16	,89 (.64–1,23)		
	UNN	,11	,13	1,12 (.85–1,46)	-,25	,25	,773 (.474–1,262)		
	UNC	-,16	,13	,84 (.64–1,10)	,12	,25	1,12 (.68–1,85)		
	UNT	-,14	,10	,86 (.70–1,05)	-,36*	,18	,69 (.49–,98)		
	BEC	-,03	,08	,96 (.82–1,13)	-,02	,15	,97 (.72–1,31)		
Самопреодоление	BED	,03	,09	1,03 (.86–1,23)	-,22	,16	,80 (.58–1,10)		

Таблица 3
(продолжение)

Ценностные приоритеты	Предикторы (ценности)			Прохоров			Жириновский		
	В	Ст. ошибка	Отношение шансов (95% доверительный интервал)	В	Ст. ошибка	Отношение шансов (95% доверительный интервал)	В	Ст. ошибка	Отношение шансов (95% доверительный интервал)
Открытость к изменениям	SDT	,17	,25	1,19 (.72–1,95)	,10	,24	1,10 (.68–,79)		
	SDA	,03	,23	1,03 (.65–1,62)	,14	,23	1,15 (.73–,82)		
	ST	,05	,19	1,05 (.71–1,54)	-,14	,19	,86 (.59–1,26)		
	HE	,06	,18	1,06 (.74–1,52)	,26	,18	1,30 (.90–,86)		
	AC	-,11	,20	,89 (.59–1,31)	-,30	,20	,73 (.49–1,09)		
Самоутверждение	POD	-,23	,13	,79 (.60–1,03)	-,08	,14	,91 (.69–1,20)		
	POR	,38*	,18	1,45 (1,01–2,09)	,23	,17	1,26 (.89–,79)		
	FAC	-,31	,21	,72 (.47–1,11)	-,43*	,22	,65 (.42–1,01)		
	SEP	-,32	,21	,72 (.47–1,10)	-,24	,22	,78 (.51–1,21)		
	SES	,28	,20	1,33 (.89–1,96)	,34*	,20	1,40 (.94–2,09)		
Сохранение	TR	,15	,19	1,16 (.80–1,69)	-,17	,18	,83 (.58–1,20)		
	COR	-,34*	,17	,71 (.50–,99)	,00	,18	1,0 (.69–1,4)		
	COI	,10	,18	1,11 (.77–1,60)	-,20	,19	,81 (.55–1,18)		
	HUM	-,12	,18	,87 (.61–1,26)	,21	,20	1,24 (.84–1,84)		
	UNN	,25	,28	1,29 (.74–2,25)	,21	,28	1,24 (.71–2,15)		
Самопреодоление	UNC	-,24	,28	,78 (.44–1,37)	-,56**	,27	,57 (.34–,97)		
	UNT	-,27	,20	,75 (.51–1,13)	,20	,22	1,22 (.78–1,90)		
	BEC	-,09	,17	,91 (.647–1,28)	,22	,18	1,25 (.86–1,81)		
	BED	,04	,19	1,04 (.71–1,53)	-,28	,19	,75 (.51–1,09)		

Таблица 3
(продолжение)

Ценностные приоритеты	Предикторы (ценности)	Миронов		
		В	Ст. ошибка	
Открытость к изменениям	SDT	,31	,32	
	SDA	,08	,32	
	ST	,40	,28	
	HE	,44	,28	
	AC	,43	,29	
	POD	,16	,21	
Самоутверждение	POR	,67**	,27	
	FAC	-,62*	,32	
	SEP	-,48	,24	
	SES	,71**	,32	
Сохранение	TR	,03	,29	
	COR	,46	,30	
	COI	-,34	,27	
	HUM	,05	,28	
	UNN	-,05	,42	
	UNC	-,30	,38	
Самопреодоление	UNT	,71*	,36	
	BEC	,00	,26	
	BED	-,49	,25	
			Отношение шансов (95% доверительный интервал)	
				,72 (.38–1,38)
				1,08 (.57–2,06)
				1,49 (.85–2,61)
				1,53 (.82–1,66)
				,58 (.32–1,04)
				1,17 (.77–1,77)
				1,96 (1,16–3,2)
				,54 (.29–1,01)
				,59 (.35–,97)
				2,03 (1,09–3,78)
				1,03 (.58–1,84)
				1,59 (.88–2,86)
				,71 (.41–1,21)
				1,05 (.60–1,86)
				,94 (.43–2,16)
				,74 (.35–1,56)
				2,03 (.99–4,14)
				1,00 (.59–1,70)
				,60 (.36–,99)

Примечание: SDT – Самостоятельность – Мысли; SDA – Самостоятельность – Поступки; ST – Стимуляция; HE – Гедонизм; AC – Достижение; POD – Власть – Доминирование; POR – Власть – Ресурсы; FAC – Регуляция; SEP – Безопасность – Личная; SES – Безопасность – Общественная; TR – Традиция; COR – Конформизм – Правила; COI – Конформизм – Межличностный; HUM – Скромность; UNN – Универсализм – Забота о природе; UNC – Универсализм – Забота о других; UNT – Универсализм – Толерантность; BEC – Благожелательность – Забота; BED – Благожелательность – Чувство долга. «*» – $p < .05$; «**» – $p < .01$; «***» – $p < .001$.

угрозу общественному укладу. Также предпочтение Г. Зюганова отрицательно связано с ценностями «Универсализм — Толерантность» (-,36*), эти ценности входят в блок «Самопреодоление».

Далее рассмотрим результаты оценки взаимосвязи ценностей с результатами голосования за М. Прохорова. В данном случае, мы видим тенденцию, противоположную тенденции при голосовании за В. Путина и Г. Зюганова: ценности из блока «Сохранение» (в данном случае это «Конформизм — Правила» (-,34*)) отрицательно связаны с голосованием за данного кандидата. Такая связь указывает на то, что, голосование за М. Прохорова — это скорее голосование против ценностей «Сохранение», чем голосование за что-то иное, т. е. это своеобразная форма протеста. Также обращает на себя внимание то, что голосование за данного кандидата позитивно связано с ценностью «Власть — Ресурсы», которая входит в блок «Самоутверждение» (,38*).

Рассмотрение ценностей, которые связаны с голосованием за В. Жириновского, во-первых, показывает, что это также ценности, относящиеся к блоку «Сохранение», в частности, такая ценность, как «Безопасность — общественная» (,34*). С голосованием с предпочтением данного кандидата отрицательно связаны также ценности «Репутация» (-,43*) и «Благожелательность — Забота» (-,56*), последняя ценность относится к блоку «Самопреодоление».

Рассмотрим, какие ценности связаны с голосованием за С. Миронова, за которого проголосовали 2,2% респондентов в нашей выборке. Прежде всего обратим внимание на то, что, как и во всех предыдущих случаях, это ценности блока «Сохранение», в частности, ценность «Безопасность — общественная»

(,71). Голосование за данного кандидата связано отрицательно с ценностью «Репутация» (-,62), как и в случае с голосованием за В. Жириновского, и позитивно — с ценностью «Власть — Ресурсы» (,67**), как в случае с М. Прохоровым. При этом также есть высокая позитивная связь с ценностями «Универсализм — Толерантность» (,71*). Данная ценность характеризует стремление к равенству, принятию, т. е. очень близка к тому, что декларировала партия «Справедливая Россия», лидером которой является С. Миронов. Таким образом, можно заметить, что по своей ценностной структуре небольшой электорат С. Миронова довольно размыт, но, как и в четырех предыдущих случаях, ценности блока «Сохранение» неизбежно фигурируют среди тех ценностей, которые побуждают людей голосовать за данного кандидата.

Обсуждение результатов исследования

Результаты проведенного исследования позволяют сказать, что определенные ценности россиян связаны с их политическими предпочтениями, в частности, с итогами голосования за определенных кандидатов в президенты. Люди не голосуют и ведут себя политически пассивно, если их личные ценности не конгруэнтны ценностям, которые выражают политические партии или политические деятели [20]. Если ценности, которые транслируются политическими партиями или кандидатами, конгруэнтны ценностям людей, то люди склонны отдавать таким кандидатам свои голоса. Если наблюдается отрицательная связь голосования за кандидата с какой-либо ценностью, значит неприемлемость данной ценности, ее

отвержение побуждают людей голосовать за данного кандидата, так как они видят сходство с его взглядами в плане отвержения данной ценности. При позитивной связи, наоборот, важность данной ценности для людей побуждает их голосовать за данного политического кандидата, и делают они это постольку, поскольку воспринимают данного кандидата как человека, способного удовлетворить их потребности, связанные с данными ценностями.

Опираясь на полученные результаты, можно сказать, что, голосуя за кандидата от действующей власти, имеющей центристскую ориентацию (В. Путина), люди голосуют, прежде всего, за сохранение текущей политической ситуации, к тому же это люди, ценящие межличностную конформность.

Люди, голосующие за коммунистического лидера Г. Зюганова, прежде всего, испытывают потребность в безопасности. Эта ценность также входит в блок «Сохранение» наряду с ценностями «Традиция» и «Конформизм — межличностный», связанными с голосованием за В. Путина. Отрицательная связь с ценностью «Универсализм — Толерантность» позволяет предположить, что люди, голосующие за данного кандидата, не отличаются высокой терпимостью к разнообразию взглядов, мнений, в том числе и в политике.

Рискнем предположить, что голосование за «правого оппозиционного» кандидата М. Прохорова означало, что люди голосовали не столько «за» него, сколько «против» действующей власти и тех, кто ее поддерживает. С голосованием за М. Прохорова оказалась отрицательно связанной ценность «Конформизм — Правила» (соблюдение правил, законов и формальных обязательств), которая входит в блок «Сохранение». Обращает на себя внимание и тот факт, что предпочтение М. Про-

хорова позитивно связано с ценностью «Власть — Ресурсы», связь, казалось бы, парадоксальная для «правого» кандидата. Однако подобные результаты имели место и в зарубежных исследованиях, на что обращал внимание Г.Г. Дилигенский: «Парадоксальным образом правые сторонники свободы оказываются адептами жесткого порядка, дисциплины, беспрекословного подчинения начальству...» [4, с. 170].

Респонденты, голосовавшие за патриотически настроенную оппозицию (В. Жириновского), имеют несколько эгоистически направленную мотивацию (отрицательная связь с ценностью «Универсализм — Забота о других»), и ориентированы на безопасность общества (ценность «Безопасность — общественная»).

Результаты исследования указывают на то, что за С. Миронова голосуют респонденты, у которых в приоритете находится, скорее, забота о других, нежели стремление к материальному достатку и наслаждению. Однако не стоит упускать из виду, что желание оказывать влияние (позитивная связь с ценностью «Власть — Ресурсы») им тоже не чуждо.

Таким образом, видно, что несмотря на то, что в выборах участвовало пять политических кандидатов, голосование за четырех из них (кроме М. Прохорова) преимущественно продиктовано ценностями блока «Сохранение» и, отчасти, «Самоутверждение», что в плане политической ориентации означает ориентацию на консерватизм. Удивительно, но выходит, что четыре из пяти политических кандидатов, несмотря на разнообразие идей, политических программ, транслируют весьма схожие ценности, входящие в одни и те же ценностные блоки. Исключением был М. Прохоров, но он не профессиональный политик, а бизнесмен и был совершенно новой фигурой на поли-

тической арене, и те ценности, которые определяли выбор людей, голосующих за него, были принципиально иными.

Политические ценности россиян, начиная с 2000-х гг., характеризуются консерватизмом. Еще в 2000-х гг. российские социологи, изучающие ценности россиян, отмечали, что идеалом большинства россиян является «социальное государство», в основе которого лежит идея солидарности как «общее благо», а индивидуальная свобода второстепенна [6; 9], хотя, российское общество стратифицировано и многие представители среднего класса в большей степени открыты идеям индивидуальной свободы. По данным социологических исследований, кризис 1998 г. привел к началу 2000-х к консолидации общества по ряду социальных представлений об устройстве общества:

- необходимо усиливать роль государства как в экономике, так и во всех сферах общества (80%);

- надо наводить порядок, даже если потребуется «твердая рука» (68%);

- следует жить своим умом, а не полагаться на «цивилизованный Запад» (73%) [2, с. 39].

Эти изменения в представлениях не могли не качнуть маятник базовых ценностей россиян к ценностям «Иерархии» и «Сохранения». В начале 2000-х россияне стали возвращаться к полузабытым традиционным ценностям и произошло взаимное наложение традиционных и новых ценностей, что привело к формированию сложной и внутренне противоречивой ценностной амальгамы [12], которая не могла не повлиять в том числе и на электоральное поведение. При ответе на закрытый вопрос «Как вы думаете, под какими лозунгами сейчас могло бы скорее всего объединиться российское общество?» (можно было выбрать 5 вари-

антов из 23-х) наибольший процент получили такие варианты как «стабильность» (44,3%), «законность и порядок» (37,4%), «сильная держава» (35,1%), «социальная защита населения» (27,1%) [10, с. 223].

Исследование политических ценностей россиян при помощи метода незавершенных предложений (нужно было продолжить предложение: «Идеальное государство — это...») показало, что самыми часто упоминаемыми политическими ценностями россиян (приводится в порядке убывания по значимости) являются следующие [1]:

- верховенство закона, законность;
- государственный патернализм и забота о человеке;
- стабильность;
- безопасность;
- материальный достаток.

Актуальные ценности у разных групп российского населения различаются, хотя в целом три ведущие ценности: верховенство закона, государственный патернализм и стабильность — одинаково актуальны для всех групп.

Таким образом, мы видим, что россияне преимущественно ориентируются на консервативные ценности — ценности безопасности, сохранения, традиции, сильной власти. Именно эти ценности направляют их политический выбор, и те политики, которые умело апеллируют к ним, скорее всего найдут ту или иную степень поддержки. Вероятно, что большинство российских политиков независимо от политической ориентации идут именно по этому пути — предлагают людям консерватизм в той или иной форме. Однако в обществе всегда есть определенная часть «модернистов», которые хотят изменений и ориентированы либо на ценности «Открытости изменениям», либо на отрицание ценностей блока «Сохранение».

Заключение

Данное исследование является вкладом в понимание того, каким образом люди осуществляют политический выбор. Базовые ценности влияют на политические предпочтения людей в процессе осуществляемого ими выбора. Содержание данных ценностей позволяет понять, почему люди делают тот или иной выбор, какими наиболее общими потребностями они мотивированы. Поскольку люди голосуют за тех политиков, с которыми они ценностно конгруэнтны, по выбору людей мы можем судить о том, какие ценности выражают политические кандидаты в президенты. Самой важной находкой исследования было то, что мы обнаружили, что выбор президента, который делали россияне в 2012 г., обобщенно говоря, был связан с предпочтением ценностей одного из полюсов ценностной оппозиции «Сохранение» — «Открытость изменениям». Эти результаты отчасти соответствуют тем данным, которые получены в других странах [15; 21; 24]. Однако специфика состояла в том, что с ценностями «Сохранение» (иногда с небольшим дополнением ценностей «Самоутверждение») было связано предпочтение большинства (4 из 5) политических кандидатов. С ценностями «Открытость к изменениям» выбор россиян был связан только в случае одного из пяти кандидатов и то — косвенно (была обнаружена отрицательная связь с ценностями блока «Сохранение»). Соответственно, мы можем заключить, что, несмотря на различия в политических позициях, взглядах, программах, большинство кандидатов в президенты Российской Федерации транслировали ценности «Сохранение» и «Самоутверждение». Результаты выборов показыва-

ют, что в настоящее время политический выбор россиян продиктован именно этими блоками ценностей, но в том случае если мотивация политического выбора россиян изменится, а состав кандидатов останется прежним, то явка на выборы снизится.

Хотелось бы заметить, что существуют исследовательские работы, которые показывают, что не только ценности влияют на политический выбор, но и сам политический выбор влияет на ценности человека [34]. Эта точка зрения была доказана в эмпирическом лонгитюдном исследовании Дж. МакКанна [26]. Данное исследование даже показало, что выбор людей сильнее влияет на их ценности в последующем, чем ценности на политический выбор. То есть люди своим поведением формируют свои ценности. МакКанн [26] получил довольно интересные данные — он обнаружил, что люди, которые голосуют за определенного кандидата в процессе выборов, в последующем постепенно меняют свои базовые политические ценности, делая их более соответствующими той партии или кандидату, которого они выбрали. Соответственно, люди не только выражают свои ценности посредством голосования, но и голосование формирует и закрепляет данные ценности. Таким образом, если в основе главного политического выбора людей в 2012 г. лежали такие ценности, как «Традиция» и «Конформизм — межличностный», то к выборам 2018 г. эти ценности могут сильнее укрепиться в сознании людей, и поддержка действующей политической власти и политического курса на фоне произошедших политических событий, несмотря на экономические санкции со стороны многих западных стран, будет только сильнее.

Финансирование

Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богдан И.В.* Политические ценности в современной России: когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2014. Т. 7. №. 3. С. 24–34.
2. *Бызов Л.Г.* Кризис идентичности современного российского общества и мотивация социально-политического выбора // Вестник московского университета. 1999. №. 4. С. 26–69.
3. *Грошев И.В.* Индивидуально-личностные и гендерно-половые особенности детерминации голосования избирателей в условиях дефицита информации о кандидатах // Экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 1. С. 98–118.
4. *Дилigenский Г.Г.* Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. 304 с.
5. *Индина Т.А., Моросанова В.И.* Рациональность принятия решений (на материале политического голосования избирателей) // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 1. С. 52–71.
6. *Лебедев И.А.* Политические ценности как сложный и многомерный объект // Вестник Моск. ун-та. 1999. Сер. 12. № 2. С. 38–49.
7. *Малашенко И.В.* Изучение электорального поведения населения: сравнительный анализ зарубежных и отечественных теорий // Вестник Брянского государственного университета. История. Право. Литературоведение. Языкознание. 2014. № 2. С. 89–93.
8. *Паин Э., Гудков Л.* Протестные митинги в России конца 2011–начала 2012 гг.: запрос на демократизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. 2012. Т. 112. №. 2. С. 73–86.
9. *Петухов В.В.* Политические ценности и поведение среднего класса // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 23–32.
10. Путеводитель по выборам: политическая Россия-2007 / Под ред. В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2007. 448 с.
11. *Собкин В.С., Мнацаканян М.А.* Отношение к политическим лидерам современных старшеклассников (по материалам психосемантического исследования) // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 41–59.
12. *Фёдоров В.В.* Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян. М.: Праксис. 2010. 384 с.
13. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
14. *Bardi A., Schwartz S.H.* Values and behavior: Strength and structure of relations // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29. № 10. P. 1207–1220.

15. *Barnea M., Schwartz S.H.* Values and voting // *Political Psychology*. 1998. Vol. 19. № 1. P. 17–40.
16. *Braithwaite V.* Harmony and Security Value Orientations in Political Evaluation // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997. Vol. 23. № 4. P. 401–414.
17. *Caprara G.V.* The personalization of modern politics // *European Review*. 2007. Vol. 15. № 2. P.151–164.
18. *Caprara G.V., Zimbardo P.* Personalizing politics // *American Psychologist*. 2004. Vol. 59. № 7. P. 581–594. doi: 10.1037/0003-066X.59.7.581
19. *Caprara G.V., Schwartz S.H., Capanna C., Vecchione M., Barbaranelli C.* Personality and politics: Values, traits, and political choice // *Political psychology*. 2006. Vol. 27. № 1. P. 1–28.
20. *Caprara G.V., Vecchione M., Schwartz S. H.* Why People Do Not Vote: The Role of Personal Values // *European psychologist*. 2012. Vol. 17. № 4. P. 266–278. doi: 10.1027/1016-9040/a000099
21. *Conover P.J., Feldman S.* The origins and meaning of liberal/conservative self-identifications // *American Journal of Political Science*. 1981. Vol. 25. № 4. P. 617–645. doi: 10.2307/2110756
22. *Devos T., Spini D., Schwartz S.H.* Conflicts Among Human Values and Trust in Institutions // *British Journal of Social Psychology*. 2002. Vol. 41. № 4. P. 481–494. doi: 10.1348/014466602321149849
23. *Feldman S.* Values, ideology, and structure of political attitudes // *Oxford Handbook of Political Psychology* / In D.O. Sears L. Huddy, R. Jervis (Eds). N. Y.: Oxford University Press. 2003. P. 477–508.
24. *Jacoby W.G.* The structure of ideological thinking in the American public // *American Journal of Political Science*. 1995. Vol. 39. № 2. P. 314–335. doi: 10.2307/2111615
25. *Leimgruber P.* Values and votes: the indirect effect of personal values on voting behavior // *Swiss Political Science Review*. . 2011. Vol. 17. № 2. P. 107–127. doi: 10.1111/j.1662-6370.2011.02009.x
26. *McCann J.A.* Electoral choices and core value change: The 1992 presidential campaign // *American Journal of Political Science*. 1997. Vol. 41. № 2. P. 564–583.
27. *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. 1992. Vol. 25. № 1. P. 1–65.
28. *Schwartz S.H.* Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values // *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications* / U. Kim, H.C. Triandis, C. Kagitcibasi, S.-C. Choi, G. Yoon (Eds.). Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. P. 85–119.
29. *Schwartz S.H.* Are there universal aspects in the content and structure of values? // *Journal of Social Issues*. 1994. Vol. 50. № 4. P. 19–45. doi: 10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x
30. *Schwartz S.H.* Basic human values: Theory, measurement, and applications // *Revue Française de Sociologie*. 2006. Vol. 47. № 4. P. 249–288.
31. *Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M.* Basic personal values, core political values and voting: A longitudinal analysis // *Political Psychology*. 2010. Vol. 31. № 3. P. 421–452. doi: 10.1111/j.1467-9221.2010.00764.x

32. *Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lonnqvist J., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M.* Refining the Theory of Basic Individual Values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103. № 4. P. 663–688. doi: 10.1037/a0029393
33. *Schwartz S.H., Butenko T.* Values and behavior: Validating the refined value theory in Russia // *European Journal of Social Psychology*. 2014. Vol. 44. № 7. P. 799–813. doi: 10.1002/ejsp.2053
34. *Sturgis P.* Party allegiance and core political value change [Электронный ресурс] // ESRC Research Methods Programme Working Paper. 2003. URL: <http://eprints.surrey.ac.uk/1865/1/fulltext.pdf> (дата обращения: 10.02.2016).
35. *Vecchione M., Caprara G., Dentale F., Schwartz S.H.* Voting and values: Reciprocal effects over time // *Political Psychology*. 2013. Vol. 34. № 4. P. 465–485. doi: 10.1111/pops.12011

The relationship of basic human values and voting behavior

A.N. TATARKO*,
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
tatarko@yandex.ru

The present study is aimed at investigating the relations between the basic individual values of Russians and their political behavior, which based on electoral behavior and electoral attitudes. In our study we use a method based on the theory of basic human values in order to understand by which universal human values Russians are guided and driven when choosing a particular candidate for the presidency of the Russian Federation. An empirical study based on the results of a representative survey in two Federal districts of Russia, held shortly after the elections. The empirical analysis showed basic values of respondents are related to their political preferences. The study showed that, firstly, the main opposition of values associated with the results of the election, is "conservation" — "openness to change". Secondly, voting for most candidates is associated with the values of "conservation", which indicates the absence of significant differences in the values transmitted by Russian policies. This paper considers which of the values are prompted the electorate to vote for each of the candidates (Putin, Zuganov, Prokhorov, Zhirinovsky, and Mironov).

Keywords: basic human values, voting, conservation.

Financing

The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) and supported within the framework of a subsidy granted to the HSE by the Government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program.

REFERENCES

1. Bogdan I.V. Politicheskie cennosti v sovremennoj Rossii: kognitivnye, jemocional'nye i povedencheskie aspekty [Political values in modern Russia: cognitive, emotional and behavioral aspects]. *Problemyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie [Problem analysis and state government planning]*, 2014. Vol. 7, no. 3, pp. 24–34.
2. Byzov L.G. Krizis identichnosti sovremennogo rossijskogo obshhestva i motivacija social'no-politicheskogo vybora [The identity crisis of modern Russian society and motivation of social-political choice]. *Vestnik moskovskogo universiteta [The Moscow University Bulletin]*, 1999, no. 4, pp. 26–69.

For citation:

Tatarko A.N. The relationship of basic human values and voting behavior. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 17–37. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080102

* Tatarko Aleksandr N. — Doctor of sciences (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, tatarko@yandex.ru

3. Groshev I.V. Individual'no-lichnostnye i genderno-polovye osobennosti determinacii golosovanija izbiratelej v uslovijah deficita informacii o kandidatah [Individually-personal and gender-sexual peculiarities voting determination of electors in candidates information deficit conditions]. *Ekspierimental'naâ psihologiâ [Experimental Psychology]*, 2013. Vol. 6, no. 1, pp. 98–118. (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Diligenskij G.G. Social'no-politicheskaja psihologija [The Social and political psychology]. Moscow: Nauka, 1994. 304 p.
5. Indina T.A., Morosanova V.I. Racional'nost' prinjatija reshenij (na materiale politicheskogo golosovanija izbiratelej) [Rationality in Decision-Making, Based on a Political Voting Paradigm]. *Ekspierimental'naâ psihologiâ [Experimental Psychology]*, 2009. Vol. 2, no. 1, pp. 52–71. (In Russ., abstr. in Engl.)
6. Lebedev I.A. Politicheskie cennosti kak slozhnyj i mnogomernyj ob#ekt [Political values as a complex and multidimensional object]. *Vestnik Mosk. un-ta [The Moscow University Bulletin]*, 1999. Ser. 12, no. 2, pp. 38–49.
7. Malashenko I.V. Izuchenie Jelektoral'nogo povedenija naselenija: sravnitel'nyj analiz zarubezhnyh i otechestvennyh teorij [The study of electoral behavior of the population: a comparative analysis of foreign and domestic theories]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Pravo. Literaturovedenie. Jazykoznanie [Bullitein of Bryansk state University. History. Law. Literature study. Linguistics]*, 2014, no. 2, pp. 89–93.
8. Pain Je., Gudkov L. Protestnye mitingi v Rossii konca 2011–nachala 2012 gg.: zapros na demokratizaciju politicheskikh institutov [Protest rallies in Russia in late 2011 and early 2012: the request for the democratization of political institutions]. *Vestnik obshhestvennogo mnenija [Bulletin of public opinion]*, 2012. Vol. 112, no. 2, pp. 73–86.
9. Petuhov V.V. Politicheskie cennosti i povedenie srednego klassa [Political values and behavior of the middle class]. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological research]*, 2000, no. 3, pp. 23–32.
10. Putevoditel' po vyboram: politicheskaja Rossija-2007 [Elections guide: political Russia-2007]. In V. Fedorov (ed). Moscow: VCIOM, 2007. 448 p.
11. Sobkin V.S., Mnatsakanyan M.A. Otnoshenie k politicheskim lideram sovremennyh starsheklassnikov (po materialam psihosemanticheskogo issledovanija) [Perception of Political Leaders in Modern School Students (A Psychosemantic Research)]. *Sotsial'naia psihologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 41–59. doi:10.17759/sps.2015060404. (In Russ., abstr. in Engl.)
12. Fjodorov V.V. Russkij vybor . Vvedenie v teoriju jelektoral'nogo povedenija rossijan [Russian choice. Introduction to the theory of electoral behavior of Russians]. Moscow: Praksis. 2010. 384 p.
13. Shvarc Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaja teorija bazovyh individual'nyh cennostej: primenenie v Rossii [Refined theory of basic human values: validation in Russia]. *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki [Psychology. Journal of Higher school of Economics.]*, 2012. Vol. 9, no. 2, pp. 43–70.
14. Bardi A., Schwartz S.H. Values and behavior: Strength and structure of relations. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003. Vol. 29, no. 10, pp. 1207–1220.
15. Barnea M., Schwartz S.H. Values and voting. *Political Psychology*, 1998. Vol. 19, no. 1, pp. 17–40.

16. Braithwaite V. Harmony and Security Value Orientations in Political Evaluation. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1997. Vol. 23, no. 4, pp. 401–414.
17. Caprara G.V. The personalization of modern politics. *European Review*, 2007. Vol. 15, no. 2, pp. 151–164.
18. Caprara G.V., Zimbardo P. Personalizing politics. *American Psychologist*, 2004. Vol. 59, no. 7, pp. 581–594. doi: 10.1037/0003-066X.59.7.581
19. Caprara G.V., Schwartz S.H., Capanna C., Vecchione M., Barbaranelli C. Personality and politics: Values, traits, and political choice. *Political psychology*, 2006. Vol. 27, no. 1, pp. 1–28.
20. Caprara G.V., Vecchione M., Schwartz S.H. Why People Do Not Vote: The Role of Personal Values. *European psychologist*, 2012. Vol. 17, no. 4, pp. 266–278. doi: 10.1027/1016-9040/a000099
21. Conover P.J., Feldman S. The origins and meaning of liberal/conservative self-identifications. *American Journal of Political Science*, 1981. Vol. 25, no.4, pp. 617–645. . doi: 10.2307/2110756
22. Devos T., Spini D., Schwartz S.H. Conflicts Among Human Values and Trust in Institutions. *British Journal of Social Psychology*, 2002. Vol. 41, no. 4, pp. 481–494. doi: 10.1348/014466602321149849
23. Feldman S. Values, ideology, and structure of political attitudes. In D.O. Sears, L. Huddy R. Jervis (Eds.). *Oxford Handbook of Political Psychology*. New York: Oxford University Press. 2003, pp. 477–508.
24. Jacoby W.G. The structure of ideological thinking in the American public. *American Journal of Political Science*, 1995. Vol. 39, no. 2, pp. 314–335. doi: 10.2307/2111615
25. Leimgruber P. Values and votes: the indirect effect of personal values on voting behavior. *Swiss Political Science Review*, 2011. Vol. 17, no. 2, pp. 107–127. doi: 10.1111/j.1662-6370.2011.02009.x
26. McCann J.A. Electoral choices and core value change: The 1992 presidential campaign. *American Journal of Political Science*, 1997. Vol. 41, no. 2, pp. 564–583.
27. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*, 1992. Vol. 25, no. 1, pp. 1–65.
28. Schwartz S.H. Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values. In Kim U., Triandis H.C., Kagitcibasi C., Choi S.-C., Yoon G. (Eds.). *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications*. Thousand Oaks, CA: Sage. 1994, pp. 85–119.
29. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the content and structure of values? *Journal of Social Issues*, 1994. Vol. 50, № 4, P. 19–45. doi: 10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x
30. Schwartz S.H. Basic human values: Theory, measurement, and applications. *Revue Française de Sociologie*, 2006. Vol. 47, no. 4, pp. 249–288.
31. Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M. Basic personal values, core political values and voting: A longitudinal analysis. *Political Psychology*, 2010. Vol. 31, no. 3, pp. 421–452. doi: 10.1111/j.1467-9221.2010.00764.x
32. Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lonnqvist J., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. Refining

- the Theory of Basic Individual Values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2012. Vol. 103, no. 4, pp. 663–688. doi: 10.1037/a0029393
33. Schwartz S.H., Butenko T. Values and behavior: Validating the refined value theory in Russia. *European Journal of Social Psychology*, 2014. Vol. 44, no. 7, pp. 799–813. doi: 10.1002/ejsp.2053
34. Sturgis P. Party allegiance and core political value change [Elektronnyi resurs]. *ESRC Research Methods Programme Working Paper*. 2003. URL: <http://eprints.surrey.ac.uk/1865/1/fulltext.pdf> (Accessed 10.02.2016)
35. Vecchione M., Caprara G., Dentale F., Schwartz S.H. Voting and values: Reciprocal effects over time. *Political Psychology*, 2013. Vol. 34, no. 4, pp. 465–485. doi: 10.1111/pops.12011

Социально смелая личность в реальном общении и интернет-коммуникации: анализ представлений людей разного возраста

А.В. ПОГОДИНА*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, allavan@yandex.ru

К.С. ЕСАУЛОВА**,
ФГБУ «Центр развития образования и международной деятельности»
(«Интеробразование»), Москва, Россия, kira_esaulova@mail.ru

В статье рассматриваются результаты исследования, предметом которого были представления респондентов разных возрастных групп о социально смелой личности. При этом респонденты, обязательной характеристикой которых являлось присутствие в интернет-среде и участие в различных социальных сетях, оценивали социально смелую личность в таких контекстах общения, как реальное общение и интернет-коммуникация. Исследование имело целью определение структурных и содержательных особенностей эмоционально-смысловых представлений о феномене социально смелой личности в зависимости от контекста общения, а также выявление возрастной специфики представлений у молодых респондентов (19–35 лет), респондентов среднего возраста (36–55 лет) и пожилых участников исследования (от 56 до 70 лет). Показано, что понятие «социально смелая личность в реальном общении» имеет высокую семантическую значимость, ярко выраженную позитивную эмоциональную окрашенность и сходную факторную структуру для респондентов всех возрастных групп. Понятие «социально смелая личность в интернет-коммуникации», имея высокую семантическую значимость в восприятии молодых респондентов, перемещается в зону умеренной семантической значимости в представлениях участников среднего и старшего возраста. В представлениях респондентов всех

Для цитаты:

Погодина А.В., Есаулова К.С. Социально смелая личность в реальном общении и интернет-коммуникации: анализ представлений людей разного возраста // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 38–55. doi:10.17759/sps.2017080103

* *Погодина Алла Васильевна* — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой психологии управления, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, allavan@yandex.ru

** *Есаулова Кира Сергеевна* — заместитель генерального директора, ФГБУ «Центр развития образования и международной деятельности» («Интеробразование»), Москва, Россия, kira_esaulova@mail.ru

возрастных групп привлекательность «социально смелой личности в интернет-коммуникации» ниже в сравнении с «социально смелой личностью в реальном общении». Подробно проанализирована возрастная специфика социальных представлений о социально смелой личности в реальном и виртуальном общении.

Ключевые слова: социальная смелость, социально смелая личность, общение, контекст общения, интернет-коммуникация.

Во все времена жизнь человека в обществе зачастую предполагает проявление смелости, умение рисковать, преодолевать свои страхи, принимать ответственные решения, совершать поступки. Однако на протяжении истории человечества к феномену смелости и смелой личности относились довольно неоднозначно. Так, в высказываниях великих людей мы можем встретить самые разные оценки: с одной стороны, «Смелость — начало победы» (Плутарх); «Обычно счастье покровительствует смелым и предприимчивым (Д. Юм); с другой стороны, «Настоящая смелость редко обходится без глупости» (Ф. Бэкон); «Излишняя смелость — такой же порок, как и излишняя робость» (Б. Джонсон). Отметим, что социально смелая личность оценивалась в контексте реального общения и взаимодействия с другими людьми или социальными группами.

XX век был ознаменован возникновением нового контекста реализации личностью своей социальной смелости. В сферу общения, в повседневную жизнь людей активно внедрился Интернет и интернет-коммуникации. Посредством интернета как канала коммуникации стало происходить как личное, так и деловое общение людей. Многие социальные процессы находят свое отражение в виртуальном пространстве, взаимодействие индивидов в Интернете происходит чуть ли не чаще, чем в реальности (общение в социальных сетях, на форумах, личная и

деловая переписка по электронной почте и т. д.). Как канал коммуникации, Интернет имеет множество преимуществ, среди которых оперативность, информативность, доступность, возможность оставаться анонимным. Современные люди рассматривают Интернет как среду, предоставляющую разнообразные возможности не только для поиска информации, решения профессиональных вопросов, но и для общения и установления новых контактов. При этом следует отметить, что в интернет-среду и интернет-коммуникации включаются самые различные возрастные группы, от молодых людей до людей пожилого возраста.

Во второй половине прошлого века в отечественной психологии появилось новое направление — психология компьютеризации. В рамках этого направления стали рассматриваться такие проблемы, как психологическая природа общения, опосредованного компьютером; личностная, эмоциональная и мотивационная регуляция деятельности в условиях опосредствования компьютером; психологические последствия компьютеризации; психологические исследования посредством Интернета. Также изучались психологические особенности сообществ, которые образуются в интернет-среде, коммуникации в компьютерных сетях, общение в интернет-играх. Исследованиями различных психологических аспектов компьютеризации занимались Аветисова А.А., Арестова О.Н.,

Бабаева Ю.Д., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е., Митина О.В., Петренко В.Ф., Смыслова О.В., Тихомиров О.К. и другие отечественные психологи. Особое внимание уделялось осмыслению и изучению проблемы информационной среды как нового ресурса для формирования идентичности личности (Белинская Е.П., Жичкина А.Е., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Солдатова Г.В. и др.).

Современная информационная среда дает личности новые возможности персонализации. В условиях усложняющейся коммуникации важно понять, как проявляет себя социально смелая личность не только в реальном общении, но и в новых контекстах интернет-среды. С этой целью нами было проведено эмпирическое исследование, результаты которого излагаются в данной статье.

Наш исследовательский интерес заключался в изучении представлений современных людей, являющихся участниками интернет-среды и интернет-коммуникаций, о феномене социально смелой личности, которая реализует свою смелость как в реальном общении, так и в виртуальном контексте интернет-коммуникации. При этом особый интерес представляло изучение специфики представлений о социально смелой личности у людей разных возрастных групп — от молодых людей, для которых интернет является естественной, перманентной средой жизни практически с момента их рождения, до пожилых людей, включившихся в интернет-среду на заключительном этапе жизненного цикла.

Цель, гипотеза, методика исследования

Целью нашего исследования явилось определение структурных и содер-

жательных особенностей эмоционально-смысловых представлений разных возрастных групп о социально смелой личности в различных контекстах общения, а именно: в реальном общении и интернет-коммуникации.

В качестве *гипотезы* было выдвинуто предположение о том, что эмоционально-смысловые представления респондентов разных возрастов о социально смелой личности, реализующей себя в различных контекстах общения (реальное общение и интернет-коммуникация), будут достаточно близкими по факторной структуре и семантической наполненности. Вместе с тем представления будут иметь возрастную специфику на уровне отдельных семантических характеристик.

Выборку испытуемых составили люди, зарегистрированные в различных социальных сетях, проживающие в Москве и Московской области. По возрастным характеристикам респонденты были распределены по следующим группам: в первую группу входили респонденты в возрасте от 19 до 35 лет; во вторую группу — в возрасте от 36 до 55 лет; в третью группу — в возрасте от 56 до 70 лет. В каждой возрастной группе были обследованы по 80 человек. Общее количество респондентов, принявших участие в исследовании, составило 240 человек.

Методика исследования. Для определения семантического содержания понятия «социально смелая личность» использовалась методика «Личностный дифференциал». Респондентам предлагалось оценить данное понятие в двух контекстах общения: «социально смелая личность в реальном общении» и «социально смелая личность в интернет-коммуникации». Методика сформирована путем выборки слов современного русского языка, описывающих социально-психо-

логические черты личности, и позволяет изучить внутреннюю факторную структуру «модели личности», которую можно рассматривать как социальные представления, существующие в культуре и развивающиеся у каждого человека в процессе социализации в результате усвоения социального и языкового опыта.

Напомним, что в методике подобраны черты личности, в наибольшей степени характеризующие три классических фактора семантического дифференциала: оценки, силы и активности. *Фактор оценки (О)* интерпретируется как уровень привлекательности, симпатии, которым обладает один человек в восприятии другого. *Фактор силы (С)* выявляет отношения доминирования – подчинения, как эти отношения воспринимаются субъектом оценки. *Фактор активности (А)* интерпретируется как экстравертированность–интровертированность личности в восприятии субъекта оценивания. Положительные значения (+) свидетельствуют о высоком уровне активности, общительности, импульсивности личности. Отрицательные значения (–)

указывают на интровертированность, пассивность, спокойные эмоциональные реакции личности.

Основными задачами эмпирического исследования являются:

- 1) определение возрастных особенностей представлений о социально смелой личности в контексте реального общения;
- 2) определение возрастных особенностей представлений о социально смелой личности в контексте интернет-коммуникации;
- 3) выявление внутригрупповых особенностей представлений о социально смелой личности в зависимости от контекста общения.

Результаты исследования и их обсуждение

Обратимся к результатам исследования семантического содержания понятия «*социально смелая личность в реальном общении*» в представлениях респондентов разных возрастных групп. Результаты оценивания представлены в табл. 1.

Таблица 1

Среднегрупповые показатели по шкалам личностного дифференциала у разных возрастных категорий относительно понятия «социально смелая личность в реальном общении» (в баллах)

№	Шкалы личностного дифференциала	Фактор	Возрастные группы, лет					
			19–35		36–55		56–70	
			m	s ²	m	s ²	m	s ²
1	Обаятельный–непривлекательный	О	2,3	1,02	2,6	0,45	2,1	1,15
2	Сильный–слабый	С	2,5	0,53	2,3	1,07	2,8	0,36
3	Разговорчивый–молчаливый	А	2,4	1,05	2,6	0,42	2,8	0,39
4	Добросовестный–безответственный	О	2,6	0,39	2,2	1,20	2,4	1,03
5	Упрямый–уступчивый	С	2,3	1,02	2,1	1,10	2,8	0,36
6	Открытый–замкнутый	А	2,4	1,00	2,2	1,10	2,3	1,00

№	Шкалы личностного дифференциала	Фактор	Возрастные группы, лет					
			19–35		36–55		56–70	
			m	s ²	m	s ²	m	s ²
7	Добрый—эгоистичный	О	2,5	0,58	2,4	0,98	2,1	1,18
8	Независимый—зависимый	С	2,8	0,42	2,4	1,00	2,9	0,24
9	Деятельный—пассивный	А	2,6	0,60	2,8	0,39	2,9	0,27
10	Отзывчивый—черствый	О	2,8	0,39	2,5	0,68	2,6	0,62
11	Решительный—нерешительный	С	2,8	0,39	2,4	1,10	2,8	0,42
12	Энергичный—вялый	А	2,7	0,52	2,4	1,10	2,9	0,24
13	Справедливый—несправедливый	О	2,6	0,623	2,8	0,365	2,7	0,491
14	Напряженный—расслабленный	С	-1,8	1,175	0,5	1,316	-2,4	1,053
15	Суетливый—спокойный	А	-1,5	1,013	0,2	1,959	-2,1	1,230
16	Дружелюбный—враждебный	О	2,8	0,365	2,5	0,658	2,6	0,623
17	Уверенный—неуверенный	С	2,9	0,268	2,7	0,466	2,8	0,390
18	Общительный—нелюдимый	А	2,8	0,390	2,4	1,104	2,6	0,572
19	Честный—неискренний	О	2,7	0,466	2,7	0,441	2,9	0,243
20	Самостоятельный—несамостоятельный	С	2,7	0,415	2,6	0,597	2,9	0,268
21	Раздражительный—невозмутимый	А	-2,6	0,597	-2,2	1,149	-2,8	0,339
	Факторы							
	Оценка	О	2,61	0,103	2,53	0,114	2,49	0,120
	Сила	С	2,03	0,106	2,14	0,136	2,09	0,091
	Активность	А	1,26	0,119	1,49	0,139	1,23	0,102

Примечание: m — групповое среднее арифметическое, s² — выборочная дисперсия.

Рассмотрим, как представляют себе социально смелую личность в контексте реального общения респонденты *возрастной группы 19–35 лет*.

Обращает на себя внимание, что «модель личности» в представлениях молодых участников составлена шкалами, которые относятся к факторам оценки и силы. Показатели шкал значительно удалены от нейтральной позиции и находятся в диапазоне от +2 до +3. Это свидетельствует, во-первых, о сильной выраженности факторов, составляющих семантическое пространство оцениваемого понятия; во-вторых, о позитивной

направленности факторов. Отметим, что в факторной структуре ведущее значение занимает фактор оценки. Значения личностных характеристик, включающихся в данный фактор, попадают в диапазон от +2,5 до +2,8, что говорит о высокой степени семантической значимости этих характеристик в представлениях респондентов. Также высокую степень выраженности имеют личностные характеристики, описывающие фактор силы. Фактор активности получил наименьшее значение в «модели личности», хотя так же, как и остальные факторы, имеет положительную направленность.

Молодые испытуемые считают, что социально смелая личность, которая реально взаимодействует с другими людьми, имеет высокий уровень привлекательности в восприятии других, вызывает симпатию у других людей. Социально смелая личность, по представлениям молодых респондентов, является носителем таких позитивных характеристик, как «отзывчивый» и «дружелюбный» (фактор оценки). Также в семантическое пространство этого понятия молодые люди включают такие характеристики, как «уверенный», «решительный» и «независимый» (фактор силы). Фактор активности представлен личностной характеристикой «общительный», получившей высокую семантическую значимость. Перечисленные характеристики имеют самую высокую степень семантической значимости в представлениях молодых участников исследования.

Обращает на себя внимание, что социально смелую личность в реальном общении молодые респонденты воспринимают как «невозмутимую», «расслабленную» и «спокойную».

В модели «социально смелой личности в реальном общении», которую составили представители *возрастной группы 36–55 лет*, также ведущее значение занимает фактор оценки. Однако обращает на себя внимание тот факт, что наибольшую семантическую значимость в их представлениях получили личностные характеристики, которые не занимают ведущих позиций в моделях других возрастных групп, а именно: «справедливый» и «обаятельный». Можно сказать, что респонденты среднего возраста подчеркивают прежде всего харизматичность социально смелой личности в контексте реального взаимодействия с другими людьми. Кроме того, социально смелая личность представляется им как «деятельная» и «уверенная».

Модель «социально смелой личности в реальном общении» представителей старшего возраста (*возрастная группа от 56 до 70 лет*) имеет факторную структуру, сходную с другими возрастными группами. На уровне шкал личностного дифференциала респонденты старшего возраста воспринимают социально смелую личность в контексте реального общения прежде всего как «честную» и «самостоятельную» (фактор оценки). Эти личностные характеристики получили у респондентов старшего возраста максимальную выраженность (+2,9) и стоят на ведущих позициях в семантической модели, в отличие от других возрастных групп. Помимо указанных характеристик, представители старшего поколения также оценивают социально смелую личность как «независимую» (фактор силы), «деятельную» и «энергичную» (фактор активности).

В представлениях респондентов старшего возраста выделяется наибольшее количество отличительных тенденций, касающихся портрета социально смелой личности. Именно представители этой возрастной группы наделяют социально смелую личность, реально взаимодействующую с другими людьми, наибольшей выраженностью многих личностных черт. По их мнению, социально смелая личность в реальном общении более сильная, разговорчивая, упрямая, независимая, деятельная, энергичная, спокойная, честная, самостоятельная и невозмутимая, в сравнении с представлениями двух других возрастных групп.

Статистический анализ содержания понятия «социально смелая личность в реальном общении» проводился с помощью критерия Стьюдента. Результаты статистического анализа (эмпирические значения *t*-критерия Стьюдента) приведены в табл. 2.

Эмпирические значения t -критерия Стьюдента по шкалам семантического дифференциала у разных возрастных категорий относительно понятия «социально смелая личность в реальном общении»

№	Шкалы личностного дифференциала	Фактор	Сравниваемые группы					
			М–С		М–П		С–П	
			t	Вывод	t	Вывод	t	Вывод
1	Обаятельный–непривлекательный	О	2,214		1,212		3,536	+
2	Сильный–слабый	С	1,412		2,834	+	3,729	+
3	Разговорчивый–молчаливый	А	1,474		2,978	+	1,987	
4	Добросовестный–безответственный	О	2,833	+	1,500		1,198	
5	Упрямый–уступчивый	С	1,227		3,797	+	5,167	+
6	Открытый–замкнутый	А	1,234		0,632		0,618	
7	Добрый–эгоистичный	О	0,716		2,695	+	1,827	
8	Независимый–зависимый	С	3,005	+	1,102		4,007	+
9	Деятельный–пассивный	А	1,800		2,884	+	1,102	
10	Отзывчивый–черствый	О	2,590		1,778		0,783	
11	Решительный–нерешительный	С	2,927	+	0,000		2,903	+
12	Энергичный–вялый	А	2,108		2,053		3,854	+
13	Справедливый–несправедливый	О	1,800		0,847		0,967	
14	Напряженный–расслабленный	С	13,03	+	3,595	+	16,85	+
15	Суетливый–спокойный	А	8,820	+	3,583	+	11,52	+
16	Дружелюбный–враждебный	О	2,653	+	1,800		0,790	
17	Уверенный–неуверенный	С	2,088		1,102		0,967	
18	Общительный–нелюдимый	А	2,927	+	1,824		1,382	
19	Честный–неискренний	О	0,001		2,125		2,164	
20	Самостоятельный–несамостоятельный	С	0,889		2,164		2,884	+
21	Раздражительный–невозмутимый	А	2,707	+	1,848		4,399	+
	Факторы							
	Оценка	О	1,646		2,437		0,793	
	Сила	С	2,079		1,152		1,073	
	Активность	А	4,023	+	0,543		4,682	+

Примечания. М – молодые испытуемые, С – испытуемые среднего возраста, П – пожилые испытуемые. Знаком «+» отмечены статистически значимые различия ($p < 0,01$). Критическое значение $t_{0,01} = 2,607$ соответствует вероятности $p < 0,01$ и числу степеней свободы $df = 158$.

Статистический анализ показал, что наибольшее количество значимых различий между шкалами личностного дифференциала обнаруживается при сравнении представлений респондентов молодого и среднего возраста и респондентов среднего и старшего возраста. Представления молодых и пожилых участников исследования имеют больше точек соприкосновения, чем представления респондентов среднего и пожилого возраста. Этот исследовательский факт представляется интересным и в какой-то степени опровергающим общепринятое мнение о существовании большого разрыва между полярными возрастными поколениями.

В ходе статистического анализа были выявлены следующие значимые различия (см. табл. 2). *Молодые участники* исследования значимо чаще, чем респонденты среднего возраста, оценивали социально смелую личность в контексте реального общения как более добросовестную, более независимую, более решительную, более дружелюбную и более общительную. В сравнении с респондентами 56–70 лет, молодые участники значимо чаще оценивают социально смелую личность как более добрую. Значимость характеристик, связанных с эмоциональной привлекательностью личности, объясняется, на наш взгляд, тем, что для молодых участников наиболее важными являются эмоциональные связи, возникающие во взаимодействии людей. И смелой, по их мнению, можно считать ту личность, которая может легко вызывать симпатию, налаживать контакты, которая воспринимается дружелюбной и привлекательной.

Для респондентов *среднего возраста* социально смелая личность в реальном общении является более обаятельной, чем для респондентов старшего возраста.

Представители *старшего возраста* значимо чаще, чем респонденты двух других групп, воспринимают социально смелую личность в реальном общении как более сильную, более упрямую, более расслабленную и спокойную. В сравнении с молодыми участниками, респонденты старшего возраста считают социально смелую личность в контексте реального общения более деятельной и разговорчивой, а в сравнении с участниками среднего возраста — более энергичной, самостоятельной и невозмутимой. Обращает на себя внимание, что люди старшего поколения социально смелой личностью считают ту личность, которая, прежде всего, способна совершать поступки, занимает во взаимодействии с другими людьми самостоятельную позицию, оставаясь при этом спокойной и невозмутимой.

Отдельно следует подчеркнуть следующий исследовательский факт. Представления респондентов среднего возраста значимо отличаются от представлений участников молодого и пожилого возраста по таким шкалам, как «независимый», «решительный», «напряженный», «спокойный» и «невозмутимый». В восприятии участников среднего возраста социально смелая личность в контексте реального общения является более зависимой, нерешительной, раздражительной, суетливой и напряженной, чем в восприятии респондентов других возрастных групп. Этот исследовательский факт возможно объяснить тем, что люди данной возрастной группы в реальной жизни лучше других понимают, какие последствия могут иметь проявления социальной смелости, с какими реальными сложностями и преградами может столкнуться смелая личность. Возможно, эта возрастная группа испытывает большее количество разнообразных социальных

страхов и переживает социальную нестабильность в большей степени, чем другие возрастные группы.

Следующей задачей исследования было определение возрастных особенно-

стей представлений респондентов разных возрастных групп о понятии «**социально смелая личность в интернет-коммуникации**». Результаты личностного дифференциала представлены в табл. 3.

Таблица 3

Среднегрупповые показатели по шкалам личностного дифференциала у разных возрастных категорий относительно понятия «социально смелая личность в интернет-коммуникации»

№	Шкалы личностного дифференциала	Фактор	Возрастные группы, лет					
			19–35		36–55		56–70	
			m	s ²	m	s ²	m	s ²
1	Обаятельный—непривлекательный	О	2,3	1,07	2,7	0,52	1,5	0,91
2	Сильный—слабый	С	2,4	1,18	2,1	1,21	1,9	1,18
3	Разговорчивый—молчаливый	А	2,4	1,15	2,7	0,49	2,9	0,27
4	Добросовестный—безответственный	О	2,4	0,62	2,1	1,21	1,8	1,10
5	Упрямый—уступчивый	С	2,4	1,15	2,3	1,20	2,9	0,24
6	Открытый—замкнутый	А	2,3	1,00	2,1	1,10	1,7	0,95
7	Добрый—эгоистичный	О	2,4	0,60	2,3	1,15	1,5	1,11
8	Независимый—зависимый	С	2,8	0,39	2,5	0,58	2,6	0,52
9	Деятельный—пассивный	А	2,8	0,31	2,8	0,39	2,9	0,24
10	Отзывчивый—черствый	О	2,8	0,42	2,5	0,66	2,1	0,98
11	Решительный—нерешительный	С	2,7	0,49	2,3	1,15	2,6	0,62
12	Энергичный—вялый	А	2,7	0,44	2,4	1,05	2,6	0,57
13	Справедливый—несправедливый	О	2,6	0,597	2,5	0,658	2,3	0,744
14	Напряженный—расслабленный	С	-0,7	1,808	-0,3	1,251	-1,4	1,154
15	Суетливый—спокойный	А	-1,5	0,987	0,2	2,035	1,1	1,686
16	Дружелюбный—враждебный	О	2,2	1,200	2,1	1,256	1,9	1,129
17	Уверенный—неуверенный	С	2,2	1,251	2,2	1,225	1,9	1,154
18	Общительный—нелюдимый	А	1,8	1,251	1,9	1,256	1,6	1,154
19	Честный—неискренний	О	2,2	1,175	2,1	1,230	1,3	1,428
20	Самостоятельный—несамостоятельный	С	2,4	1,028	2,2	1,225	1,2	1,605
21	Раздражительный—невозмутимый	А	0,6	1,939	0,3	1,782	1,1	1,762
	Факторы:							
	Оценка	О	2,41	0,125	2,33	0,136	1,77	0,144
	Сила	С	2,03	0,140	1,90	0,148	1,67	0,131
	Активность	А	1,59	0,137	1,77	0,147	1,99	0,130

Примечание: m — групповое среднее арифметическое, s² — выборочная дисперсия.

Наиболее высокие показатели в семантическом пространстве понятия «социально смелая личность в интернет-коммуникации» у респондентов *возрастной группы 19–35 лет* получили такие личностные характеристики, как «отзывчивый» и «справедливый» (фактор оценки), «независимый» и «решительный» (фактор силы), «деятельный» и «энергичный» (фактор активности). Факторы оценки и силы в структуре «социально смелой личности в интернет-коммуникации» находятся в зоне сильных значений, тогда как фактор активности имеет в представлениях респондентов меньшую семантическую значимость.

Таким образом, социально смелая личность в контексте интернет-среды воспринимается молодыми респондентами, прежде всего, привлекательной и сильной.

В соответствии с факторной структурой «социально смелой личности в интернет-коммуникации», полученной из представлений респондентов *возрастной группы 36–55 лет*, эту личность можно охарактеризовать как привлекательную, но не сильную и не активную, так как факторы силы и активности находятся в зоне слабых значений.

Портрет социально смелой личности в контексте интернет-коммуникации составлен из личностных характеристик, имеющих преимущественно позитивную семантическую направленность. Наибольшие показатели получили такие личностные характеристики, как «деятельный», «обаятельный» и «разговорчивый». Также отмечаются высокой семантической значимостью характеристики «независимый», «отзывчивый», «справедливый».

В эмоционально-смысловых представлениях респондентов *возрастной*

группы 56–70 лет поменялась факторная структура, в отличие от контекста реального общения. На первое место вышел фактор «активности». Факторы «оценки» и «силы» переместились из зоны сильных значений в зону слабых значений. В целом, все факторы, составляющие семантическое пространство социально-смелой личности в контексте интернет-коммуникации, находятся в зоне слабых значений.

Семантическое содержание оцениваемого понятия в этой возрастной группе описывается шкалами «разговорчивый» и «деятельный» (фактор «активности») и «упрямый» (фактор «силы»). Эти шкалы получили максимальные значения (+2,9). Также в портрет социально смелой личности в контексте интернет-коммуникации включены такие личностные характеристики, как «независимый», «решительный», «энергичный».

Статистический анализ проводился с помощью критерия Стьюдента. Результаты статистического анализа (эмпирические значения t -критерия Стьюдента) приведены в табл. 4.

Статистический анализ выявил наличие значимых различий как в факторной структуре оцениваемого понятия, так и на уровне отдельных шкал.

Прежде всего, обратим внимание на различия, выявленные в факторной структуре «социально смелой личности». В модели личности у респондентов старшего возраста значимо понизилась выраженность факторов «оценки» и «силы», в сравнении с двумя остальными возрастными группами. Это означает, что для представителей старшего поколения социально смелая личность в контексте интернет-коммуникации утрачивает привлекательность и склонность к доминированию. Вместе с тем пожилые

Эмпирические значения t -критерия Стьюдента по шкалам семантического дифференциала у разных возрастных категорий относительно понятия «социально смелая личность в интернет-коммуникации»

№	Шкалы личностного дифференциала	Фактор	Сравниваемые группы					
			М–С		М–П		С–П	
			t	Вывод	t	Вывод	t	Вывод
1	Обаятельный—непривлекательный	О	2,837	+	5,079	+	8,982	+
2	Сильный—слабый	С	1,738		2,911	+	1,158	
3	Разговорчивый—молчаливый	А	2,092		3,749	+	2,053	
4	Добросовестный—безответственный	О	1,985		4,090	+	1,768	
5	Упрямый—уступчивый	С	0,583		3,783	+	4,467	+
6	Открытый—замкнутый	А	1,234		3,849	+	2,498	
7	Добрый—эгоистичный	О	0,677		6,153	+	4,756	+
8	Независимый—зависимый	С	2,721	+	1,874		0,851	
9	Деятельный—пассивный	А	0,000		1,198		1,124	
10	Отзывчивый—черствый	О	2,590		5,306	+	2,798	+
11	Решительный—нерешительный	С	2,793	+	0,847		2,016	
12	Энергичный—вялый	А	2,196		0,889		1,403	
13	Справедливый—несправедливый	О	0,798		2,316		1,510	
14	Напряженный—расслабленный	С	2,046		3,638	+	6,344	+
15	Суетливый—спокойный	А	8,746	+	14,22	+	4,173	+
16	Дружелюбный—враждебный	О	0,571		1,758		1,158	
17	Уверенный—неуверенный	С	0,000		1,730		1,739	
18	Общительный—нелюдимый	А	0,565		1,153		1,728	
19	Честный—неискренний	О	0,577		4,990	+	4,389	+
20	Самостоятельный—несамостоятельный	С	1,192		6,615	+	5,316	+
21	Раздражительный—невозмутимый	А	1,391		2,325		3,801	+
	Факторы							
	Оценка	О	1,502		11,08	+	9,413	+
	Сила	С	2,140		6,131	+	3,867	+
	Активность	А	3,118	+	6,925	+	3,644	+

Примечания. М – молодые испытуемые, С – испытуемые среднего возраста, П – пожилые испытуемые. Знаком «+» отмечены статистически значимые различия ($p < 0,01$). Критическое значение $t_{0,01} = 2,607$ соответствует вероятности $p < 0,01$ и числу степеней свободы $df = 158$.

респонденты значимо чаще, чем представители других возрастных групп, отмечают активность личности в этом контексте общения. На это указывает значимое возрастание фактора «активности», по сравнению с другими возрастными группами. Однако следует отметить, что фактор «активности», тем не менее, у всех возрастных групп находится в зоне слабых значений.

Для респондентов *молодого возраста* социально смелая личность в контексте интернет-коммуникации является более «доброй», «отзывчивой» и «спокойной», чем для респондентов двух других возрастных групп. Эти различия являются значимыми.

Наиболее многочисленные отличительные тенденции наблюдаются в возрастных группах 19–35 и 56–70 лет. Так, молодым респондентам социально смелая личность в контексте интернет-коммуникации значимо чаще представляется более «сильной», «открытой» и «добросовестной», чем респондентам старшего возраста. Молодые респонденты воспринимают социально смелую личность в контексте интернет-коммуникации как более «самостоятельную» и «честную», чем участники старшего возраста. Кроме того, респондентам молодого возраста эта личность кажется более «обаятельной» и менее «раздражительной», чем людям старшего возраста. Значимые различия подтвердились в ходе статистического анализа.

Интересно отметить, что выявились значимые различия между возрастными группами 19–35 и 36–55 лет по шкалам «независимый» и «решительный». Молодые участники оценивают социально смелую личность в интернет-среде как более независимую и решительную, в отличие от респондентов среднего возраста,

оценки которых по этим шкалам ближе к оценкам представителей старшего возраста.

Респонденты *среднего возраста* значимо чаще, в сравнении с двумя другими возрастными группами, представляют социально смелую личность в контексте интернет-коммуникации «обаятельной». Обаятельность, по их мнению, является одной из ведущих характеристик социально смелой личности как в контексте интернет-взаимодействия, так и в реальном общении. Кроме того, обнаружилось значимые различия с представителями старшего возраста по шкалам «честный» и «самостоятельный». В оценках этих личностных характеристик респонденты среднего возраста ближе к молодым участникам.

Специфика представлений о социально смелой личности в контексте интернет-коммуникации у респондентов *старшего возраста* заключается в том, что они представляют эту личность более «упрямой», «суетливой», «раздражительной» и «расслабленной», чем респонденты других возрастных групп. То есть участникам старшего возраста представляется, что личность в интернет-взаимодействии утрачивает волевые качества и стремление к доминированию, становясь расслабленной, но при этом упрямой, а активность личности проявляется через суетливость и раздражительность. Кроме того, респонденты старшего возраста, по сравнению с молодыми участниками, значимо чаще воспринимают личность в интернет-среде как «разговорчивую». Характеристика «разговорчивый» также усиливает активность личности, по мнению пожилых респондентов.

Итак, для молодых участников исследования социально смелая личность в контексте интернет-коммуникации

является, прежде всего, эмоционально привлекательной; для представителей старшего возраста — активной, склонной к импульсивности и раздражительности. Респонденты среднего возраста не проявили четко выраженной специфики, примыкая то к молодой группе испытуемых, то к группе участников старшего возраста.

Также в задачи исследования входило выявление внутригрупповых особенностей представлений о социально смелой личности в зависимости от контекста общения. С этой целью нами сопоставлялись результаты исследования респондентов каждой возрастной группы.

Как показывает сравнительный анализ, у *молодых респондентов* произошли следующие изменения в представлениях: социально смелая личность в контексте интернет-коммуникации воспринимается менее привлекательной, чем в реальном общении, но более активной, чем в ситуации реального взаимодействия.

Независимо от контекста общения, модель «социально смелой личности» содержательно описывается молодыми респондентами сходными характеристиками: «отзывчивая», «независимая», «решительная», «энергичная». Эти шкалы получили в обеих моделях высокие показатели. Вместе с тем обращает на себя внимание, что молодые респонденты значимо чаще оценивают социально смелую личность в контексте интернет-коммуникации как менее дружелюбную, менее уверенную, менее общительную и менее честную, чем в реальном общении. Кроме того, они отмечают, что в интернет-коммуникации социально смелая личность становится менее расслабленной, т. е. происходит нарастание напряженности. Особо следует отметить полную смену семантической направленности шкалы

«раздражительный—невозмутимый»: невозмутимая социально смелая личность в реальном общении переходит в раздражительную социально смелую личность в контексте интернет-коммуникации.

Семантика понятия «социально смелая личность» в различных контекстах общения у *респондентов среднего возраста* также существенно меняется.

Для респондентов 36—55 лет социально смелая личность в интернет-коммуникации является менее привлекательной, менее доминантной и более импульсивной, чем социально смелая личность в реальном общении. Она воспринимается менее общительной и самостоятельной, а также менее справедливой и честной, чем социально смелая личность, которая проявляет себя в реальном взаимодействии. Обращает на себя внимание смена семантической направленности шкал «раздражительный—невозмутимый» и «напряженный—расслабленный». В восприятии респондентов среднего возраста социально смелая личность в интернет-коммуникации утратила силу, став расслабленной, но нарастила активность, став раздражительной.

В группе *респондентов старшего возраста* (56—70 лет) обнаружили самые существенные изменения в восприятии социально смелой личности, проявляющей себя в различных контекстах общения. Причем эти изменения касаются как факторной структуры личности, так и личностных характеристик. В портрете социально смелой личности в контексте интернет-коммуникации, составленном респондентами старшей возрастной группы, все шкалы, которые относятся к фактору оценки, значимо понижаются. Социально смелая личность в интернет-среде утрачивает свое обаяние и дружелюбие, становится менее добросовестной, спра-

ведливой и честной, обнаруживает тенденцию к эгоистичности и черствости.

Кроме того, по мнению респондентов старшего возраста, социально смелая личность в интернет-коммуникации теряет свою силу, становясь менее самостоятельной, менее независимой и уверенной. В восприятии испытуемых старшего возраста социально смелая личность остается расслабленной, ненапряженной, однако выраженность этой характеристики значимо ниже, чем у социально смелой личности в реальном взаимодействии. Также социально смелая личность в интернет-коммуникации становится менее энергичной, общительной и открытой. Последние характеристики относятся к фактору активности личности, и ожидается, что активность социально смелой личности в интернет-среде должна снижаться. Однако в восприятии респондентов социально смелая личность в интернет-среде наращивает свою активность за счет раздражительности и суетливости.

Выводы

Обобщая результаты содержательного и статистического анализа представлений респондентов разных возрастных групп о понятии «социально смелая личность» в различных контекстах общения, можно сделать следующие выводы.

1. Понятие «социально смелая личность в реальном общении» имеет высокую семантическую значимость, ярко выраженную позитивную эмоциональную окрашенность и сходную факторную структуру для респондентов всех возрастных групп.

2. Вместе с тем выявлена семантическая дифференциация этого понятия разными возрастными группами:

- Для респондентов *молодого возраста* наиболее важным является то обстоятельство, что социально смелая личность в реальном взаимодействии является эмоционально привлекательной, вызывает симпатию, является носителем позитивных личностных характеристик, связанных с эмоциональными отношениями.

- Специфика портрета социально смелой личности, составленного респондентами *среднего возраста*, заключается в значимом преобладании фактора «активности». При этом смелая личность представляется беспокойной, напряженной и склонной к раздражительности.

- Семантическая модель у представителей *старшего возраста* отличается большей дифференциацией личностных характеристик, значимо отличающихся от их степени выраженности в моделях других возрастных групп. Эта возрастная группа воспринимает социально смелую личность в реальном общении прежде всего как доминантную, оказывающую влияние на других людей. Активность личности описывается через такие характеристики, как энергичность, деятельность, разговорчивость и невозмутимость.

3. Понятие «социально смелая личность в интернет-коммуникации» имеет высокую семантическую значимость в восприятии молодых респондентов, в то время как в представлениях участников среднего и старшего возраста это понятие перемещается в зону умеренной семантической значимости.

4. Обнаружилось, что в представлениях респондентов всех возрастных групп произошло общее снижение привлекательности социально смелой личности в интернет-коммуникации, в сравнении с социально смелой личностью в реальном общении. При этом снижение привлека-

тельности в каждой возрастной группе произошло за счет определенных личностных характеристик. Так, у молодых респондентов (19–35 лет) социально смелая личность в интернет-коммуникации становится менее дружелюбной и честной, чем в реальном общении. Респонденты среднего возраста (36–55 лет) воспринимают социально смелую личность в контексте интернет-среды менее справедливой и честной, чем в реальном взаимодействии. В представлениях участников старшего возраста (56–70 лет) о социально смелой личности выраженность всех шкал привлекательности значимо понизилась, при этом пожилые респонденты оценивают привлекательность социально смелой личности в интернет-коммуникации как самую низкую, в сравнении с другими возрастными группами.

5. В модели «социально смелой личности в интернет-коммуникации» всех возрастных групп отмечено общее повышение фактора активности. Респондентам представляется, что в интернет-среде социально смелая личность становится более зависимой от внешних обстоятельств, более импульсивной, демонстрирует более интенсивные, беспокойные эмоциональные реакции.

6. Во всех возрастных группах социально смелая личность в интернет-коммуникации воспринимается раздражительной, тогда как в реальном общении – невозмутимой.

7. Обнаружилось заметное сходство в представлениях молодых и пожилых респондентов относительно некоторых шкал. По мнению представителей этих возрастных групп, социально смелая личность в реальном общении – «сильная», «расслабленная» и «невозмутимая», тогда как в интернет-коммуникации – «ме-

нее сильная», «менее расслабленная» и «раздражительная». Для респондентов среднего возраста социально смелая личность в обоих контекстах общения представляется более нервной, нестабильной и напряженной, чем участникам других возрастных групп.

8. В контексте реального взаимодействия социально смелая личность воспринимается самой спокойной респондентами старшего возраста, менее спокойной – молодыми респондентами и суетливой – участниками среднего возраста. В интернет-коммуникации семантическое содержание этой шкалы значимо меняется в представлениях респондентов старшего возраста: они воспринимают социально смелую личность самой суетливой. Респонденты среднего возраста не меняют своих представлений, считая, что социально смелая личность неспокойна в обоих контекстах общения. Тогда как молодые участники воспринимают социально смелую личность спокойной в обоих контекстах общения.

Итак, исследование показало, что эмоционально-смысловые представления людей разного возраста, включенных в интернет-среду, о социально смелой личности в различных контекстах общения являются семантически неоднозначными. С одной стороны, в представлениях обнаруживается социальный консенсус, проявляющийся в сходном толковании факторной структуры категорий «социально смелая личность в реальном общении» и «социально смелая личность в интернет-коммуникации» и их семантического содержания. В восприятии респондентов, независимо от возраста, социально смелая личность в контексте реального общения имеет более высокую семантическую значимость и позитивную семантическую направлен-

ность, представляется более «сильной» и «привлекательной», чем в контексте интернет-коммуникации. С другой стороны, имеют место значимые возрастные различия в семантическом содержании категории «социально смелая личность»

в разных контекстах общения, которые заключаются в том, что понижение или повышение того или иного фактора в структуре представлений происходит за счет определенных для каждой возрастной группы личностных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арестова О.Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е.* Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник МГУ. Серия 14, Психология. 1996. № 4. С. 14–20.
2. *Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Смылова О.В.* Интернет: воздействие на личность // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 11–40.
3. *Белинская Е.П.* Психология Интернет-коммуникации. М.: МПСУ; Воронеж: Модек, 2013. 192 с.
4. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Социальная психология личности. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 304 с.
5. *Войскунский А.Е.* Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 90–100.
6. *Войскунский А.Е., Митина О.В., Аветисова А.А.* Общение и «опыт потока» в групповых ролевых Интернет-играх // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 5. С. 47–63.
7. *Тихомиров О.К., Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е.* Общение, опосредствованное компьютером // Вестник МГУ. Серия 14, Психология. 1986. № 3. С. 31–42.

Socially bold personality in the real communication and Internet communication: the analysis of representations of people of the different age

A. V. POGODINA*,
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
allavan@yandex.ru

K.S. ESAULOVA**,
*The Federal State Budgetary Institution "Center of International Educational
Activities" (FSBI "Interobrazovanie"), Moscow, Russia,*
kira_esaulova@mail.ru

The article is concerned with the results of the study, subject of which is the submission of the respondents of the different age groups about the social and bold personality. Required property of the respondents was the presence in the Internet environment and participation in various social networks. They assessed social and bold personality in such contexts of communication, as real communication and Internet communication. Analyses were undertaken to determine the structural and content features of emotional and semantic representations of the phenomenon of the social and bold personality, depending on the context of communication, but also the detection of age-sensitive representations of the young respondents (19–35 years), middle-aged respondents (36–55 years) and older respondents (from 56 to 70 years). The concept of the "social and bold personality in real communion" is shown to have a high semantic relevance, strongly marked positive emotional coloration and a similar factor structure for respondents of all age groups. The concept of the "social and bold personality in on-line communication" with a high semantic significance in the perception of the young respondents moves into a zone of moderate and semantic importance in representations of the middle-aged and older respondents. In representations of the respondents of all age groups, the attractiveness of the "social and bold personality in Internet communication" is less than in comparison with the "social and bold personality in the real

For citation:

Pogodina A.V., Esaulova K.S. Socially bold personality in the real communication and Internet communication: the analysis of representations of people of the different age. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 38–55. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080103

* *Pogodina Alla V.* — Ph.D. (Psychology), Head of Management Psychology Chair, Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, allavan@yandex.ru

** *Esaulova Kira S.* — Deputy General Director, The Federal State Budgetary Institution "Center of International Educational Activities" (FSBI "Interobrazovanie"), Moscow, Russia, kira_esaulova@mail.ru

communication". The age-specific of the social representations about social and bold personality in the real and virtual communication has been analysed in detail.

Keywords: social boldness, social and courageous personality, communication, communication context, online communication.

REFERENCES

1. Arestova O.N., Babanin L.N., Voyskunskiy A.Ye. Kommunikatsiya v komp'yuternykh setyakh: psikhologicheskiye determinanty i posledstviya [Communication in computer networks: psychological determinants and consequences]. *Vestnik MGU. Series 14, Psikhologiya [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology]*, 1996, no. 4, pp. 14–20.
2. Babayeva YU.D., Voyskunskiy A.Ye., Smyslova O.V. Internet: vozdeystviye na lichnost' [Internet: impact on individuals]. In A.E. Voiskunskii (ed.). *Gumanitarnyye issledovaniya v Internete [Humanitarian research on the Internet]*. Moscow: Mozhaysk — Terra, 2000, pp. 11–40.
3. Belinskaya Ye.P. Psikhologiya Internet-kommunikatsii [Psychology of Internet communications]. Moscow: MPGU; Voronezh: Modek, 2013. 192 p.
4. Belinskaya Ye.P., Tikhomandritskaya O.A. Sotsial'naya psikhologiya lichnosti [Social psychology of personality]. Moscow: Akademiya, 2009. 304 p.
5. Voyskunskiy A.Ye. Aktual'nyye problemy psikhologii zavisimosti ot Interneta [Actual problems of addiction psychology of internet]. *Psihologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2004. Vol. 25, no. 1, pp. 90–100.
6. Voyskunskiy A.Ye., Mitina O.V., Avetisova A.A. Obshcheniye i "opyt potoka" v grup-povykh rolevykh Internet-igrakh [Communication and "flow experience" in the group role-playing online games]. *Psihologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*. 2005. Vol. 25, no. 5, pp. 47–63.
7. Tikhomirov O.K., Babayeva Yu.D., Voyskunskiy A.Ye. Obshcheniye, oposredst-vovannoye komp'yuterom [Communication, mediated by computer]. *Vestnik MGU. Series 14, Psikhologiya [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology]*, 1986, no. 3, pp. 31–42.

Социально-психологические факторы удовлетворенности отношениями в молодых супружеских парах

**О.А. СЫЧЕВ*,
ФГБОУ ВО АГППУ, Бийск, Россия, osn1@mail.ru**

Удовлетворенность отношениями в супружеской паре может рассматриваться как обобщенная их оценка, отражающая эмоциональный опыт взаимоотношений. Теоретический анализ показывает, что непосредственной психологической причиной негативных эмоциональных переживаний в отношениях является фрустрация психологических потребностей. Удовлетворение этих потребностей у супругов в свою очередь должно быть связано с индивидуальными особенностями проявления любви и привязанности. В соответствии с этими положениями была выдвинута гипотеза о том, что связь стиля привязанности с удовлетворенностью отношениями объясняется фрустрацией психологических потребностей, свойственной людям с ненадежными стилями привязанности. Для проверки данного предположения было обследовано 68 молодых пар, из которых 30 состоят в официальном браке и 38 — в фактическом. Удовлетворенность отношениями, измеренная с помощью «Шкалы оценки отношений» С. Хендрик, показала тесные связи как с оценкой удовлетворенности базовых потребностей (по «Шкале удовлетворения потребностей» Дж. Лагуардиа), так и с параметрами стиля привязанности (по «Опроснику привязанности к близким людям» Н.В. Сабельниковой и Д.В. Каширского). Результаты линейного структурного моделирования позволили сделать вывод о том, что обратная связь беспокойного стиля привязанности с удовлетворенностью отношениями полностью объясняется фрустрацией базовых потребностей (в первую очередь, потребности в связанности). Обратная связь избегающего стиля с удовлетворенностью отношениями более существенна, и она объясняется фрустрацией базовых потребностей лишь частично. Кроме того, было показано, что людям с избегающим стилем привязанности в супружеских отношениях свойственна фрустрация потребности в автономии.

Ключевые слова: стиль привязанности, базовые психологические потребности, теория самодетерминации, удовлетворенность отношениями, молодая семья.

Для цитаты:

Сычев О.А. Социально-психологические факторы удовлетворенности отношениями в молодых супружеских парах // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 56–74. doi:10.17759/sps.2017080104

* Сычев Олег Анатольевич — кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет (ФГБОУ ВПО АГППУ), Бийск, Россия, osn1@mail.ru

Удовлетворенность браком и супружескими отношениями неизменно привлекает к себе значительное внимание со стороны исследователей ввиду большого значения для развития отношений и стабильности семьи. Как в отечественной, так и в зарубежной литературе можно обнаружить немало различных мнений относительно психологической сущности этих явлений [1; 18], однако общим является представление о том, что удовлетворенность отношениями (и браком) представляет собой обобщенную оценку супружеских отношений. Из чего складывается подобная глобальная оценка, какие явления или характеристики отношений получают в ней обобщение?

В поисках ответа на этот вопрос имеет смысл обратиться к подходу С. Хендрик и К. Хендрик, кладущих в основу исследований удовлетворенности отношениями супругов «субъективный, аффективный опыт их переживаний удовлетворения и счастья в близких отношениях» [18, с. 58]. В их работах ясно прослеживается идея о том, что в основе удовлетворенности отношениями лежат чувства и переживания супругов [16; 18]. Представление об эмоциональной основе удовлетворенности супружескими отношениями выглядит вполне обоснованным, если принять во внимание ту важнейшую роль, которую играют в подобных отношениях эмоции и чувства, поскольку «... основным фактором, скрепляющим супружеские союзы, являются эмоциональные узы — любовь, эмоциональная привязанность» [4, с. 54]. На эмпирическом уровне роль эмоциональных факторов в благополучии брака наиболее ярко была продемонстрирована в исследованиях Дж. Готтмана [12]. Соотношение позитивных и негативных эмоциональных реакций в супружеском

взаимодействии у благополучных пар характеризуется существенным преобладанием позитивных эмоций. В стабильных парах с высокой удовлетворенностью браком число позитивных эмоциональных реакций превышает число негативных приблизительно в пять раз. В супружеских парах с низким уровнем удовлетворенности браком, где дело идет к разводу, число позитивных эмоциональных реакций оказывается примерно равным или даже меньшим по отношению к числу негативных эмоциональных реакций.

Принимая за основу, что удовлетворенность отношениями отражает в обобщенной форме эмоциональный опыт взаимоотношений, необходимо обратиться к анализу факторов, определяющих эмоциональные переживания в супружеских отношениях. Хотя детерминация эмоциональных явлений представляет собой сложную проблему, можно констатировать, что большинство исследователей разделяют представление о двойной обусловленности эмоций: потребностями и ситуацией [2]. С этой точки зрения, непосредственной психологической причиной снижения удовлетворенности отношениями являются негативные эмоциональные переживания, вызванные повторяющейся фрустрацией потребностей супругов в различных ситуациях супружеского взаимодействия.

Можно предполагать, что наиболее важной в контексте данной проблемы является потребность, лежащая в основе брака и близких отношений и получившая различные наименования в разных подходах: потребность в аффилиации (Г. Мюррей), потребность в привязанности (Э. Фромм), потребность в любви и принадлежности (А. Маслоу), потребность в связанности (Э. Деси, Р. Рай-

ан). Именно удовлетворение этой потребности должно в наибольшей мере определять степень удовлетворенности отношениями супругов. Вместе с тем, некоторое значение могут иметь и другие потребности, удовлетворение или фрустрация которых в супружеских отношениях вызывают позитивные или негативные переживания и в конечном итоге оказывают влияние на уровень удовлетворенности отношениями. Однако их исследование затрудняется тем фактом, что число разнообразных потребностей, описанных в различных психологических теориях, довольно велико. Поэтому разумно было бы сосредоточиться на нескольких наиболее существенных, универсальных психологических потребностях, проявляющихся в большинстве ситуаций и сфер жизни, в том числе и в супружеских отношениях.

Один из наиболее разработанных современных подходов, определяющих базовые психологические потребности, связан с теорией самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [10]. В контексте данного исследования важно, что в число базовых здесь входит потребность в связанности, т. е. потребность состоять в стабильных близких отношениях и быть значимым для других людей, получать от близких заботу и заботиться о них. Две другие базовые потребности, описанные в теории самодетерминации, — это потребность в автономии и потребность в компетентности. Потребность в компетентности выражается в желании успешно решать сложные проблемы за счет собственных усилий, в стремлении чувствовать себя успешным, способным и компетентным. Потребность в автономии означает стремление чувствовать себя самостоятельным и свободным субъектом, в то время как принуждение

со стороны других людей или ощущение контроля с их стороны фрустрируют эту потребность. Все три потребности проявляются в различных сферах жизни, хотя, очевидно, что потребность в компетентности более актуальна в «достиженческих» ситуациях, связанных с реализацией целенаправленной деятельности, в то время как потребность в связанности удовлетворяется в большей мере в ситуациях межличностных отношений.

Как и следовало ожидать, результаты исследований показывают, что удовлетворение этих трех потребностей в повседневной жизни способствует переживанию позитивных эмоций и поддержанию эмоционального благополучия [22]. Если удовлетворенность отношениями является обобщением эмоционального опыта взаимоотношений, то удовлетворение базовых потребностей в супружеских отношениях будет способствовать высокой удовлетворенности отношениями, что также подтверждается результатами исследований [19; 21]. Вместе с тем, эти результаты хорошо демонстрируют суммарный вклад психологических потребностей в удовлетворенность отношениями, однако не раскрывают самостоятельной роли каждой из них. Этот аспект проблемы также представляется важным ввиду того, что базовые психологические потребности, вероятно, могут быть в разной мере удовлетворены в супружеских отношениях в зависимости от некоторых индивидуальных особенностей супругов.

Среди индивидуальных особенностей, связанных с удовлетворением потребности в связанности в супружеских отношениях, в первую очередь заслуживают внимание те особенности, которые характеризуют проявления любви и привязанности, поскольку именно взаимная привязанность супругов является важнейшим условием

удовлетворения этой потребности. С точки зрения теории привязанности, в основе таких индивидуальных особенностей лежит рабочая модель объекта привязанности, складывающаяся в результате обобщения эмоционального опыта взаимодействия с родителем (или другим лицом, оказывающем заботу) в раннем детстве [6]. В зрелом возрасте этой моделью в значительной мере определяются ожидания относительно поведения партнера, его оценка и интерпретация, а также собственное поведение по отношению к объекту привязанности [9; 23]. При этом известно, что в некоторых случаях особенности рабочей модели проявляются в чрезмерной зависимости от объекта привязанности, наводящей на мысль о неудовлетворенной потребности в связанности. В других случаях, напротив, отмечается выраженное стремление к поддержанию дистанции и автономии [13]. Особенности рабочей модели и вытекающие из этих особенностей стили привязанности могут быть закономерно связаны с базовыми психологическими потребностями, так что необходимо глубже проанализировать природу подобной связи.

Рабочая модель привязанности образована из двух составляющих, которые в когнитивных терминах характеризуются как обобщенная модель себя и обобщенная модель другого [13]. В эмоционально-поведенческих терминах эти модели интерпретируют как *беспокойство* в межличностных отношениях, связанное с негативной оценкой себя и высокой чувствительностью к отвержению, и *избегание* близких отношений, обусловленное ожиданиями дискомфорта в общении и избеганием контакта ввиду негативной оценки другого. Обобщенные модели себя и другого могут быть позитивными и негативными, порождая в разных сочетаниях четыре стили привязанно-

сти: надежный, тревожно-озабоченный, или беспокойный (с высоким беспокойством), избегающе-отвергающий, или избегающий (с высоким избеганием), а также избегающе-опасающийся (при высоком уровне избегания и беспокойства) [3]. В эмпирических исследованиях подобную четырехтипную модель обычно не используют, ограничиваясь анализом двух параметров стили привязанности — беспокойства и избегания.

Люди с высоким беспокойством не испытывают уверенности в партнере и ожидают от него непредсказуемого и переменчивого поведения. Для устранения таких негативных ожиданий, вызывающих тревогу, они нуждаются в более ясных и частых подтверждениях любви, в сокращении дистанции и большей интимности. Очевидно, что внешние проявления этих особенностей выглядят так, будто у лиц с тревожным стилем привязанности менее удовлетворенная или более интенсивная потребность в связанности.

Параметр «избегание» отражает стремление избегать близкого контакта с людьми вследствие ожидания неприятных последствий, например, отвержения или осуждения [6]. Такие ожидания лежат в основе стремления лиц с избегающей привязанностью к поддержанию дистанции и автономии, к уходу от близкого контакта и самораскрытия. Противоречащие этим стремлениям попытки партнера сократить дистанцию путем вовлечения в эмоциональное общение или совместную деятельность могут восприниматься человеком с избегающей привязанностью как контролирующие и угрожающие его автономии. Внешние проявления таких особенностей могут выглядеть как следствие чрезмерно выраженной потребности в автономии.

Таким образом, есть основания предполагать связь стиля привязанности с удовлетворением определенных психологических потребностей супругов. Если удовлетворенность отношениями выступает как обобщение эмоционального опыта взаимоотношений, основанного на удовлетворении базовых потребностей, то можно предположить, что влияние стиля привязанности на удовлетворенность отношениями может полностью или частично объясняться связью стилей привязанности с фрустрацией базовых психологических потребностей.

Результаты предшествующих исследований свидетельствуют о том, что ненадежные стили привязанности, характеризующиеся высокой выраженностью беспокойства или избегания, действительно демонстрируют умеренную связь с низкой удовлетворенностью отношениями и другими показателями семейного благополучия [20], причем негативное влияние ненадежной привязанности на удовлетворенность отношениями возрастает по мере роста стажа отношений [14]. Также известно, что ненадежная привязанность сочетается с фрустрацией базовых потребностей в целом [19]. В то же время, роль отдельных базовых психологических потребностей в их взаимодействии со стилями привязанности в снижении удовлетворенности отношениями у лиц с различными стилями привязанности остается недостаточно изученной.

Рассматривая возможное влияние стиля привязанности на базовые потребности и удовлетворенность отношениями необходимо отметить также вероятное обратное влияние, когда определенный опыт отношений модифицирует стиль привязанности. Известно, что стиль привязанности к родителям оста-

ется довольно стабильным на длительных промежутках времени [24], однако в романтических отношениях взрослых он довольно изменчив [11], кроме того, наблюдаются различия в проявлении привязанности в различных отношениях [19]. Тем не менее, анализ динамики стиля привязанности в лонгитюдном исследовании позволил сделать вывод о том, что в основе стиля, скорее всего, лежит относительно стабильный «прототип», вокруг которого происходят ситуативные колебания оценок [11].

По нашему мнению, удовлетворение потребностей супругов отражает лишь конкретный и довольно ограниченный (особенно в случае молодой семьи) опыт их отношений. Если стиль привязанности выступает в качестве относительно стабильной личностной особенности, а удовлетворение потребностей — в качестве ситуативной и специфической для конкретных отношений и ситуаций, то более обоснованным представляется предположение о влиянии стиля привязанности на удовлетворение потребностей. Тем не менее, в длительной перспективе обратное влияние удовлетворения потребностей на стиль привязанности является вполне вероятным и нуждается в специальном исследовании. Учитывая такую сложность отношений между базовыми психологическими потребностями и стилями привязанности, на современном уровне понимания этой проблемы, по-видимому, предпочтительнее говорить об их взаимной связи вместо причинно-следственной зависимости.

Целью данного исследования стал анализ стиля привязанности и удовлетворения потребностей в единой системе факторов, определяющих удовлетворения потребностей супругов в молодых семьях. Гипотеза заключается в том, что

существует связь ненадежных стилей привязанности с низкой удовлетворенностью отношениями, которая частично или полностью объясняется фрустрацией базовых психологических потребностей. При этом для лиц с избегающим стилем привязанности характерно меньшее удовлетворение потребности в автономии.

Процедура и методы исследования

Для оценки удовлетворенности супругов отношениями друг с другом использовалась «Шкала оценки отношений» С. Хендрик [17] в адаптации О.А. Сычева [5]. Методика представляет собой однофакторную шкалу из семи вопросов, на каждый из которых требуется дать ответ по шкале от 1 до 5. Надежность шкалы в данном исследовании составила 0,81 (альфа Кронбаха).

Для диагностики стиля привязанности использовался «Опросник привязанности к близким людям» Н.В. Сабельниковой и Д.В. Каширского [3]. В основу этого опросника была положена методика «Опыт близких отношений» (ECR) К. Бреннана, С. Кларка и Ф. Шейвера и двухфакторная модель привязанности, в рамках которой стиль привязанности определяется сочетанием беспокойства по поводу отношений и избегания отношений привязанности [6; 7]. Опросник состоит из 30 утверждений, согласие с каждым из которых необходимо оценить по шкале от 1 до 7. Надежность шкал (коэффициент альфа Кронбаха) в нашем исследовании составила 0,82 для шкалы беспокойства и 0,83 для шкалы избегания.

Для оценки удовлетворения базовых потребностей был выполнен перевод методики «Шкала удовлетворения потреб-

ностей» (Need satisfaction scale), предложенной Дж. Лагуардиа с соавторами [19]. Методика включает 9 пунктов, по 3 на каждую из базовых потребностей: в автономии, компетентности и связанности. Степень согласия с каждым из утверждений оценивается по шкале от 1 до 5 (см. приложение). В ходе пилотажного исследования, направленного на оценку надежности и факторной структуры данной методики, было обнаружено, что пункты 1 и 3 из оригинальной шкалы плохо работают в русскоязычной версии, поэтому их формулировка была изменена (из прямых заданий они были переформулированы в обратной форме, так что фрустрация соответствующей потребности стала явной). Итоговый вариант методики приведен в приложении. В полном соответствии с теорией три шкалы методики тесно коррелируют между собой (r от 0,57 до 0,73). Трехфакторная структура хорошо подтверждается результатами конфирматорного факторного анализа (алгоритм MLR, $\chi^2 = 31,11$; $df = 23$; $p = 0,12$; CFI = 0,970; TLI = 0,952; RMSEA = 0,051; $N = 136$, в модель добавлена ковариация пунктов 1 и 9). Об удовлетворительной надежности шкал свидетельствуют значения коэффициентов альфа Кронбаха: 0,62 — для шкалы автономии, 0,78 — для шкалы компетентности, 0,76 — для шкалы связанности и 0,82 — для всей методики.

Выборку составили 68 бездетных молодых супружеских пар со средним стажем семейной жизни 2,02 года ($SD = 1,98$), большинство супругов обучаются в высших и средних специальных учреждениях г. Бийска. Из числа опрошенных пар 30 состоят в официальном браке и 38 — в фактическом, незарегистрированном, браке. Средний возраст женщин — 22,57 ($SD = 3,75$), средний возраст муж-

чин – 25,3 (SD = 4,76). Формирование выборки осуществлялось методом «снежного кома». Выбор для исследования бездетных молодых семей обусловлен тем, что в подобных семьях, по-видимому, еще сравнительно невелика роль факторов, связанных с материальным и бытовым неблагополучием, их отношения в меньшей мере отягощены грузом прошлых конфликтов. Следовательно, относительная значимость психологических факторов должна быть более существенна.

Статистический анализ полученных результатов проводился с использованием программ SPSS 23 и Mplus 7.4. Общие показатели по всем диагностическим шкалам вычислялись как средние значения. В ходе анализа применялись методы сравнительного, корреляционного, регрессионного анализа и линейное структурное моделирование.

Результаты

С помощью t-критерия Стьюдента для зависимых выборок было выполнено

сравнение средних значений по шкалам между мужчинами и женщинами внутри супружеских пар (табл. 1).

Различий по удовлетворению базовых потребностей и параметрам стиля привязанности между лицами, состоящими в официальном и фактическом браке, выявлено не было. Интерес представляет наличие довольно высоких корреляций между оценками партнеров внутри пары по удовлетворенности отношениями ($r = 0,48$; $p < 0,001$), удовлетворению потребности в связанности ($r = 0,37$; $p < 0,01$) и избеганию ($r = 0,50$; $p < 0,001$). Необходимо отметить, что факт сходства оценок удовлетворенности отношениями внутри пар неоднократно встречается в публикациях [5; 17]. Неудивительно также сходство партнеров в оценке удовлетворения потребности в связанности, поскольку условия ее удовлетворения предполагают взаимную близость и открытость. В то же время трудно объяснить столь сильную связь по избеганию при отсутствии связи по второму параметру стиля привязанности – беспокойству.

Таблица 1

Сравнение средних значений удовлетворенности отношениями, удовлетворения базовых потребностей и параметров стиля привязанности внутри супружеских пар (N = 68)

Шкала	Женщины		Мужчины		t(67)	p-уровень	d-Коэна
	Среднее	SD	Среднее	SD			
Удовлетворенность отношениями	4,25	0,58	4,32	0,46	-1,11	незначим	0,13
Автономия	4,13	0,75	4,12	0,70	0,10	незначим	0,01
Компетентность	4,25	0,67	4,42	0,59	-1,73	незначим	0,21
Связанность	4,31	0,79	4,55	0,60	-2,46	$p < ,05$	0,30
Избегание	2,44	0,93	2,73	0,76	-2,79	$p < ,01$	0,34
Беспокойство	3,10	1,04	2,60	0,79	3,57	$p < ,01$	0,43

В объединенной выборке мужчин и женщин удовлетворенность отношениями продемонстрировала значимые корреляции с удовлетворением всех базовых потребностей, причем наиболее тесную – с удовлетворением потребности в связанности ($r = 0,61$; $p < 0,001$) и лишь немного менее сильную – потребности в автономии ($r = 0,45$; $p < 0,001$) и компетентности ($r = 0,44$; $p < 0,001$). Оба параметра стиля привязанности также показали обратную связь с удовлетворенностью отношениями (для избегания $r = -0,54$; $p < 0,001$; для беспокойства $r = -0,40$; $p < 0,001$). Результаты корреляционного анализа отдельно по группам мужчин и женщин, а также с учетом данных супруга/супруги, приведенные в табл. 2, позволяют сделать вывод о том, что в обеих группах наиболее тесную связь с удовлетворенностью отношениями показывают удовлетворение потребности в связанности и из-

бегание. Вместе с тем, теснота связей этих параметров с удовлетворенностью отношениями у женщин выше, чем у мужчин.

Результаты корреляционного анализа, свидетельствующие о существенной связи удовлетворенности отношениями с удовлетворением всех базовых потребностей и параметрами стиля привязанности, не означают, что все эти показатели являются непосредственными и существенными предикторами удовлетворенности. Ввиду наличия тесных взаимосвязей между удовлетворением базовых потребностей и параметрами стиля привязанности для выявления независимого вклада отдельных переменных был выполнен множественный регрессионный анализ, где в качестве предикторов использовались все рассмотренные переменные, характеризующие как респондента, так и его партнера (результаты см. в табл. 3).

Таблица 2

Коэффициенты корреляции Пирсона между удовлетворенностью отношениями, удовлетворением базовых потребностей и параметрами стиля привязанности в супружеских парах

Показатели	Удовлетворенность отношениями	
	Своя	Супруга/супруги
В выборке женщин (N = 68)		
Автономия	0,58***	0,32**
Компетентность	0,67***	0,27*
Связанность	0,75***	0,34**
Избегание	-0,66***	-0,26*
Беспокойство	-0,50***	-0,14
В выборке мужчин (N = 68)		
Автономия	0,29*	0,10
Компетентность	0,14	-0,05
Связанность	0,36**	0,18
Избегание	-0,42***	-0,40***
Беспокойство	-0,23	-0,16

**Результаты регрессионного анализа удовлетворенности отношениями
в зависимости от удовлетворения базовых потребностей
и параметров стиля привязанности**

Предиктор	Стандартизованный регрессионный коэф. бета	Стандартная ошибка коэф. бета	t(125)	p-уровень
Автономия	0,10	0,09	1,07	незначим
Компетентность	-0,10	0,12	-0,85	незначим
Связанность	0,41	0,13	3,22	p < 0,001
Избегание	-0,29	0,09	-3,33	p < 0,001
Беспокойство	-0,11	0,09	-1,29	незначим
Автономия (партнер)	0,03	0,09	0,29	незначим
Компетентность (партнер)	0,00	0,12	0,04	незначим
Связанность (партнер)	-0,12	0,13	-0,95	незначим
Избегание (партнер)	-0,06	0,09	-0,66	незначим
Беспокойство (партнер)	-0,08	0,09	-0,86	незначим

Примечание. Характеристики регрессионной модели: $R^2 = 0,46$; $F(10,125) = 10,51$; $p < 0,001$; $N = 136$.

Представленные в табл. 3 результаты регрессионного анализа свидетельствуют, прежде всего, о том, что вклад характеристик партнера в удовлетворенность отношениями не является существенным при контроле собственных особенностей стиля привязанности и удовлетворения базовых потребностей. Существенную, статистически значимую прямую связь с удовлетворенностью отношениями показывает степень удовлетворения потребности в связанности. Кроме того, обратную связь с удовлетворенностью отношениями показывает склонность к избеганию в близких отношениях.

Чтобы убедиться в том, что выявленные эффекты являются общими для мужской и женской совокупностей, в данную регрессионную модель были добавлены пошагово взаимодействия с полом для обеих переменных (избегания и

удовлетворения потребности в связанности) [15]. В результате такого анализа выяснилось, что связь удовлетворенности отношениями с удовлетворением потребности в связанности остается значимой только в выборке женщин. В то же время, взаимодействие удовлетворения потребности в связанности с полом показывает значимость лишь на уровне тенденции ($p = 0,097$), так как разница в величине эффекта у мужчин и женщин недостаточно велика. Негативный эффект влияния избегания на удовлетворенность отношениями остается статистически значимым как у женщин, так и у мужчин, т.е. в этом случае взаимодействие с полом полностью отсутствует.

Таким образом, регрессионная модель, представленная в табл. 3, отражает общий для мужчин и женщин негативный эффект влияния избегания на удов-

летворенность отношениями. При этом особенности проявления эффекта влияния удовлетворения потребности в связанности на удовлетворенность отношениями у мужчин и женщин требуют дальнейшего исследования, поскольку полученные данные позволяют предполагать более существенную связь удовлетворения этой потребности с удовлетворенностью отношениями у женщин. Вывод о большей значимости удовлетворения потребности в связанности для женщин также представляет интерес в связи с тем, что эта потребность у женщин в среднем менее удовлетворена (см. табл. 1).

Результаты регрессионного анализа позволили выявить наиболее существенные предикторы удовлетворенности отношениями, не раскрывая, при этом сложных опосредованных отношений внутри этой системы предикторов. Для углубленного анализа вклада стиля привязанности и удовлетворения базовых потребностей в удовлетворенность отношениями с учетом возможных взаимных связей между предикторами было проведено линейное структурное моделирование. В модель не были включены оценки партнера ввиду того, что в ходе регрессионного анализа они не показали статистически значимых эффектов. На основе результатов регрессионного анализа в качестве непосредственных предикторов удовлетворенности отношениями в модель были включены склонность к избеганию и удовлетворение потребности в связанности, причем параметры стиля привязанности рассматривались как коррелирующие между собой и со степенью удовлетворения всех базовых потребностей. Факторы удовлетворения базовых потребностей и удовлетворенности

отношениями были составлены из соответствующих заданий, а факторы параметров стиля привязанности — из трех парселов, каждый из которых представляет собой среднее значение по пяти заданиям. Дисперсии всех латентных факторов были установлены равными 1, а все факторные нагрузки и путевые коэффициенты выступали как свободные (оцениваемые) параметры.

В результате оценки этой модели с использованием алгоритма MLR были получены умеренные показатели соответствия: $\chi^2 = 295,42$; $df = 199$; $p < 0,001$; CFI = 0,913; TLI = 0,899; RMSEA = 0,060, N = 136. На основе индексов модификации в модель была добавлена ковариация заданий 2 и 3 в факторе удовлетворенности отношениями. Эти задания имеют весьма сходное содержание и смежное расположение в тексте. Также была добавлена ковариация заданий 1 и 9 в шкале потребности в автономии — оба задания, в отличие от третьего, являются обратными и имеют аналогичное содержание. Полученная в итоге модель, представленная на рис. 1, продемонстрировала хорошие показатели соответствия данным: $\chi^2 = 261,48$; $df = 195$; $p < 0,001$; CFI = 0,940; NNFI = 0,929; RMSEA = 0,050, N = 136.

Из представленной модели следует, что обратная связь беспокойства с удовлетворенностью отношениями, выявленная в ходе корреляционного анализа, объясняется наличием третьего общего фактора — неудовлетворенной потребностью в связанности, так как при учете связей с этим фактором непосредственный вклад беспокойства в удовлетворенность отношениями исчезает. Негативный вклад избегания в удовлетворенность отношениями также частично объясняется снижением удовлетворения потребности в связанности.

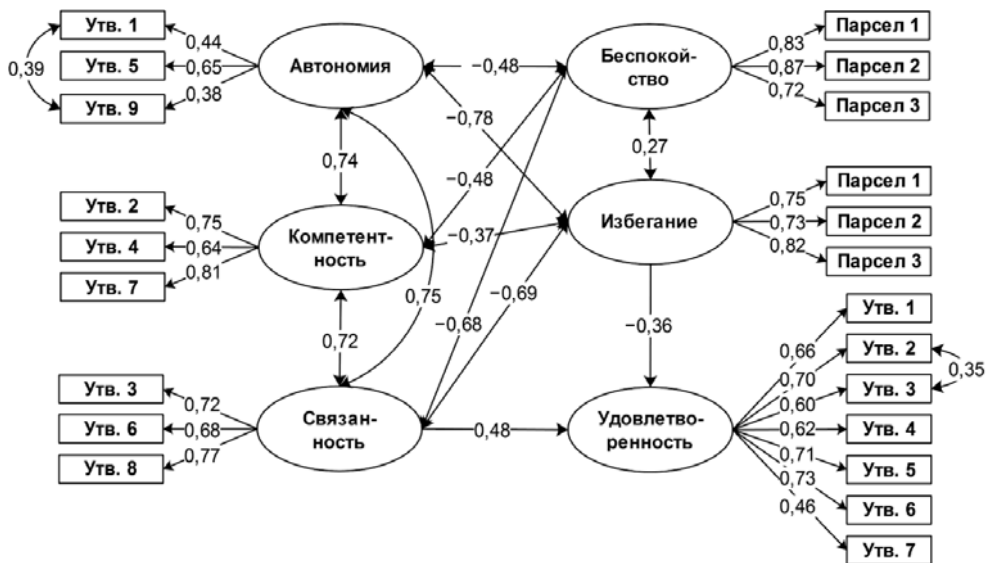

Рис. Структурная модель связей между параметрами стиля привязанности, удовлетворения базовых потребностей и удовлетворенностью отношениями (все путьевые коэффициенты значимы при $p < 0,05$, обратные задания инвертированы, $N = 136$)

В то же время, имеется также непосредственный негативный эффект, который в реальности также может быть опосредован другими промежуточными звеньями, не учтенными в данной модели.

Удовлетворение базовых психологических потребностей у лиц с разными стилями привязанности может существенно различаться, о чем свидетельствует значительный разброс величины путьевых коэффициентов (к примеру, связь удовлетворения потребности в автономии с избеганием равна 0,78, а с беспокойством лишь 0,48). Чтобы проверить гипотезу о том, что базовые потребности в разной мере удовлетворены у лиц с разными стилями привязанности, было выполнено сравнение альтернативных вложенных моделей. Исходной для сравнения стала аналогичная рассмотренной выше модель, в которой были попарно приравнены друг к другу путьевые коэффициен-

ты от каждой из базовых потребностей к избеганию и к беспокойству. Иными словами, в этой модели предполагалось, что сила связи удовлетворения каждой потребности с избеганием и беспокойством не различается (только внутри определенной потребности, но не между ними). В трех других моделях поочередно были сняты ограничения на путьевые коэффициенты от каждой базовой потребности к избеганию и беспокойству. Эти модели сравнивались с исходной моделью с помощью критерия разности хи-квадрат для MLR/MLM моделей [8].

Результаты такого сравнения показали, что освобождение путьевых коэффициентов от потребности в связанности к избеганию и беспокойству не приводит к существенному улучшению модели ($\chi^2 = 0,80$; $df = 1$; $p = 0,37$). Это значит, что фрустрация данной потребности в равной мере присуща как лицам с избе-

гающим стилем, так и лицам, склонным к беспокойному стилю. Аналогичным образом освобождение путевых коэффициентов от потребности в компетентности также не привело к значимому улучшению модели ($\chi^2 = 1,01$; $df = 1$; $p = 0,32$). В то же время освобождение путевых коэффициентов от автономии приводит к существенному повышению соответствия модели данным ($\chi^2 = 5,85$; $df = 1$; $p < 0,05$). Следовательно, связь избегания и беспокойства с удовлетворением потребности в автономии, действительно, является неодинаковой. Величина соответствующих путевых коэффициентов (см. рис.) свидетельствует о том, что потребность в автономии существенно менее удовлетворена у лиц с избегающим стилем привязанности в сравнении как с лицами с надежным стилем привязанности, так и в сравнении с теми, кто склонен к беспокойному стилю.

Обсуждение результатов

В полном соответствии с мнением основателей теории самодетерминации о важнейшей роли потребности в связанности в близких отношениях удовлетворение именно этой потребности продемонстрировало непосредственный и весьма существенный вклад в удовлетворенность отношениями [10]. Тем не менее, опосредованный вклад других потребностей в удовлетворенность отношениями также существует, о чем свидетельствует, во-первых, наличие значимых корреляций удовлетворения потребностей в автономии и компетентности с удовлетворенностью отношениями на уровне попарных корреляций (см. табл. 2) и, во-вторых, их сильные связи с удовлетворением потребности в свя-

занности (см. рис. 1). Вывод о важной роли удовлетворения всех трех базовых потребностей в близких отношениях хорошо соотносится с результатами предыдущих исследований [19; 21].

Тот факт, что удовлетворение потребности в связанности является наиболее сильным предиктором удовлетворенности отношениями, соответствует теоретическому представлению о том, что удовлетворенность отношениями представляет собой обобщенную оценку, отражающую эмоциональный опыт отношений с партнером. Удовлетворение потребности в связанности (вместе с близкими к ней потребностями в автономии и компетентности) в супружеских отношениях создает позитивный эмоциональный фон и предотвращает появление негативных переживаний, способствуя поддержанию удовлетворенности отношениями.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что людям с ненадежными стилями привязанности свойственна фрустрация всех трех базовых психологических потребностей, что также соответствует уже известным выводам [19]. Фрустрация потребности в связанности в равной мере присуща как лицам с избегающим стилем, так и лицам с беспокойным стилем привязанности. Несмотря на равную силу связей, за ними могут скрываться различные механизмы. В частности, неудовлетворение потребности в связанности у лиц, склонных к беспокойному стилю, может объясняться тем, что в силу негативной модели себя они нуждаются в более ясных и частых подтверждениях любви и привязанности. Иными словами, такие люди демонстрируют повышенную чувствительность к нехватке проявлений привязанности со стороны партнера, что может быть ос-

новой причиной фрустрации. С другой стороны, объективное снижение частоты таких проявлений любви в период после заключения брака может подкреплять имеющуюся рабочую модель объекта привязанности и усиливать проявления беспокойного стиля.

У лиц с избегающим стилем привязанности фрустрация потребности в связанности скорее может выступать следствием их поведения, направленного на избегание тесного контакта в отношениях, которое препятствует созданию условий для удовлетворения потребности в связанности. По-видимому, потребность в связанности у лиц с автономным стилем не менее актуальна, однако их стремление к независимости и дистанции противоречит стремлению к близким отношениям. Именно об этом, по-видимому, свидетельствует тот факт, что фрустрация потребности в связанности у лиц с избегающим стилем столь же сильна, как и у лиц с беспокойным стилем.

В нашем исследовании обнаружен не описанный ранее, но представляющий интерес факт: для лиц с избегающим стилем привязанности в большей мере характерна фрустрация потребности в автономии в сравнении как с лицами, имеющими надежный стиль привязанности, так и с лицами, склонными к беспокойному стилю. Этот факт можно также интерпретировать как повышенную чувствительность лиц с избегающим стилем к неудовлетворению потребности в автономии. Проявлением фрустрации потребности в автономии у таких людей является их представление о том, что в супружеских отношениях партнер их чрезмерно контролирует, навязывает свои цели и планы, ограничивает свободу самовыражения.

Результаты структурного линейного моделирования свидетельствуют о

том, что именно фрустрацией базовых потребностей объясняется связь беспокойства с удовлетворенностью отношениями, наблюдаемая в случае парных корреляций (см. табл. 2), но пропадающая при учете степени удовлетворения потребностей. При этом связь избегания с удовлетворенностью отношениями объясняется фрустрацией базовых потребностей частично. Эти результаты аналогичны полученным в исследовании Лагуардиа и др. [19] выводам о том, что влияние надежности привязанности на психологическое благополучие супругов как минимум частично опосредовано степенью удовлетворения базовых потребностей. Однако в нашем исследовании в отличие от упомянутого выше в ходе анализа рассматривался не обобщенный показатель надежности привязанности, а два определяющих стиль параметра: беспокойство и избегание. Благодаря этому удалось установить, что обратная связь удовлетворенности отношениями с беспокойством объясняется фрустрацией базовых потребностей полностью, в то время как подобная связь с избеганием — лишь частично.

Непосредственный эффект влияния избегающего стиля привязанности на удовлетворенность отношениями, не связанный с фрустрацией базовых потребностей, который проявился в результатах регрессионного анализа и структурного моделирования, требует дальнейших исследований. Можно предположить, что причины подобного влияния избегания на удовлетворенность отношениями связаны с тем, что ситуации близкого, интимного общения, требующие самораскрытия и сокращения дистанции, у лиц с избегающим стилем могут вызывать напряжение и дискомфорт, связанный с фрустрацией иных,

не учтенных в данном исследовании потребностей.

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что связь ненадежных стилей привязанности с удовлетворенностью отношениями в значительной мере объясняется фрустрацией базовых потребностей. Также подтвердилось предположение о том, что людям с избегающим стилем привязанности свойственна меньшая степень удовлетворения потребности в автономии. Влияния стиля привязанности партнера на удовлетворенность отношениями при контроле собственного

стиля привязанности не выявлено. Кроме того, не обнаружилось существенных гендерных различий в проявлении рассмотренных зависимостей, за исключением того, что степень удовлетворения потребности в связанности несколько сильнее связана с удовлетворенностью отношениями у женщин. Следовательно, как у мужчин, так и у женщин наиболее существенным фактором удовлетворенности супружескими отношениями является степень удовлетворения базовых психологических потребностей. Ограничения данного исследования связаны, в первую очередь, с использовавшимся корреляционным дизайном, не позволяющим с уверенностью делать выводы о причинно-следственных отношениях.

Приложение

Текст методики «Шкала удовлетворения потребностей»

(версия для женщин, мужской вариант отличается только окончаниями)

Инструкция. Приведенные ниже утверждения касаются того, что Вы чувствуете в близких взаимоотношениях с супругом. Отвечая на каждое из утверждений, выберите тот вариант, который указывает на степень Вашего согласия или несогласия с данным утверждением: *1 — совершенно не согласен, 2 — скорее не согласен, 3 — не знаю, 4 — скорее согласен, 5 — полностью согласен.*

Когда я рядом с моим супругом...	1	2	3	4	5
1. Мне постоянно приходится делать что-то только потому, что это нужно ему, а не мне*					
2. Я чувствую себя уважаемым и компетентным человеком					
3. Я чувствую, что мы не настолько близки, как мне хотелось бы*					
4. Я часто чувствую себя неполноценной и некомпетентной*					
5. Я обсуждаю с ним происходящее и могу свободно выражать свое мнение					
6. Я часто чувствую значительную дистанцию в наших отношениях*					
7. Я чувствую себя очень способной и успешной					
8. Я чувствую близость и интимность					
9. Я чувствую некоторые контроль и давление с его стороны*					

Обратные утверждения отмечены знаком «*». Пункты 1, 5, 9 составляют шкалу потребности в автономии; 2, 4, 7 — потребности в компетентности; 3, 6, 8 — потребности в связанности.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект «Социально-демографические и психологические факторы удовлетворенности отношениями в молодых семьях Алтайского края» № 15-16-22003, региональный конкурс: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном».

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Т.В. Психология современной семьи: монография. СПб.: Речь, 2005. 436 с.
2. Вилюнас В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций (вступ. статья) // Психология эмоций: Тексты / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 3–28.
3. Сабельникова Н.В., Каширский Д.В. Опросник привязанности к близким людям // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 84–97.
4. Столин В.В., Романова Т.Л., Бутенко Г.П. Опросник удовлетворенности браком // Вестник Московского университета. Серия 14. 1984. № 2. С. 54–60.
5. Сычев О.А. Русскоязычная версия Шкалы оценки отношений // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 2. С. 388–409.
6. Bartholomew K., Horowitz L.M. Attachment styles among young adults: A test of a four-category model // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. Vol. 61. P. 226–244. doi: 10.1037/0022-3514.61.2.226
7. Brennan K.A., Clark C.L., Shaver P.R. Self-report measurement of adult attachment: An integrative overview // Attachment theory and close relationships / Eds. J.A. Simpson, W.S. Rholes. N. Y., US: Guilford Press, 1998. P. 46–76.
8. Byrne B.M. Structural equation modeling with Mplus: Basic concepts, applications, and programming. N. Y.: Routledge, 2013. 412 p.
9. Campbell L., Simpson J.A., Boldry J., Kashy D.A. Perceptions of conflict and support in romantic relationships: the role of attachment anxiety // Journal of Personality and Social Psychology. 2005. Т. 88. № 3. С. 510–531. doi: 10.1037/0022-3514.88.3.510
10. Deci E.L., Ryan R.M. Autonomy and Need Satisfaction in Close Relationships: Relationships Motivation Theory // Human Motivation and Interpersonal Relationships / Ed. N. Weinstein. Springer Netherlands, 2014. P. 53–73.
11. Fraley R.C., Vicary A.M., Brumbaugh C.C., Roisman G.I. Patterns of stability in adult attachment: an empirical test of two models of continuity and change // Journal of personality and social psychology. 2011. Vol. 101(5). P. 974–992. doi: 10.1037/a0024150
12. Gottman J.M., Levenson R.W. Marital processes predictive of later dissolution: behavior, physiology, and health // Journal of personality and social psychology. 1992. Vol. 63(2). P. 221–233. doi: 10.1037/0022-3514.63.2.221
13. Griffin D.W., Bartholomew K. Models of the self and other: Fundamental dimensions underlying measures of adult attachment // Journal of Personality and Social Psychology. 1994. Т. 67. № 3. С. 430–445. doi: 10.1037/0022-3514.67.3.430
14. Hadden B.W., Smith C.V., Webster G.D. Relationship Duration Moderates Associations Between Attachment and Relationship Quality: Meta-Analytic Support for the Temporal Adult Romantic Attachment Model // Personality and Social Psychology Review. 2014. Vol. 18(1). P. 42–58. doi: 10.1177/1088868313501885

15. *Hayes A.F., Matthes J.* Computational procedures for probing interactions in OLS and logistic regression: SPSS and SAS implementations // *Behavior Research Methods*. 2009. Vol. 41(3). P. 924–936. doi: 10.3758/BRM.41.3.924
16. *Hendrick S.S.* Close relationships: What couple therapists can learn. *Close relationships*. Pacific Grove: Brooks/Cole, 1995. 147 p.
17. *Hendrick S.S., Dicke A., Hendrick C.* The relationship assessment scale // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1998. Vol. 15(1). P. 137–142. doi: 10.1177/0265407598151009
18. *Hendrick S.S., Hendrick C.* Love and satisfaction // *Satisfaction in close relationships* / Eds. R.J. Sternberg, M. Hojjat. N. Y., US: Guilford Press, 1997. P. 56–78.
19. *La Guardia J.G., Ryan R.M., Couchman C.E., Deci E.L.* Within-person variation in security of attachment: a self-determination theory perspective on attachment, need fulfillment, and well-being // *Journal of personality and social psychology*. 2000. Vol. 79(3). P. 367–384.
20. *Li T., Chan D.K.-S.* How anxious and avoidant attachment affect romantic relationship quality differently: A meta-analytic review // *European Journal of Social Psychology*. 2012. Vol. 42(4). P. 406–419. doi: 10.1002/ejsp.1842
21. *Patrick H., Raymond C., Canevello A., Lonsbary C.* The role of need fulfillment in relationship functioning and well-being: A self-determination theory perspective // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2007. T. 92. № 3. С. 434–457. doi: 10.1037/0022-3514.92.3.434
22. *Reis H.T., Sheldon K.M., Gable S.L., Roscoe J., Ryan R.M.* Daily Well-Being: The Role of Autonomy, Competence, and Relatedness // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. Vol. 26(4). P. 419–435. doi: 10.1177/0146167200266002
23. *Tucker J.S., Anders S.L.* Attachment Style, Interpersonal Perception Accuracy, and Relationship Satisfaction in Dating Couples // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol. 25(4). P. 403–412. doi: 10.1177/0146167299025004001
24. *Waters E., Merrick S., Treboux D., Crowell J., Albersheim L.* Attachment Security in Infancy and Early Adulthood: A Twenty-Year Longitudinal Study // *Child Development*. 2000. Vol. 71(3). P. 684–689. doi: 10.1111/1467-8624.00176

Sociopsychological factors affecting the relationship satisfaction in young married couples

O.A. SYCHEV*,

*The Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia,
osn1@mail.ru*

Relationship satisfaction may be considered as a general assessment based on the emotional experience in marital relationships. The results of theoretical analysis show that the main and direct reason of negative emotions in relationships is frustration of psychological needs. Satisfaction of these needs in spouses' life is connected with individual differences in attachment and love. Based on these ideas we suggested hypothesis that connection of attachment style with relationship satisfaction is explained by frustration of basic psychological needs of people with insecure attachment style. To check this hypothesis we tested 68 couples, 30 of them were married and 38 cohabited. Relationship satisfaction measured using RAS by Hendrick highly correlated with basic needs satisfaction (measured using Need satisfaction scale by La Guardia) and attachment style (measured using the Russian version of ECR by Sabel'nikova and Kashirskii). The results of structural equation modeling led to the conclusion that negative association of anxious attachment with relationship satisfaction was totally explained by frustration of basic needs (first of all, need for relatedness) while the negative effect of avoidant attachment was accounted for frustration partially. Also it was shown that people with avoidant attachment experience more frustration of need for autonomy in marital relationships.

Keywords: *attachment style, basic psychological needs, self-determination theory, relationship satisfaction, young family.*

Financing

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 15-16-22003.

REFERENCES

1. Andreeva T.V. Psikhologiya sovremennoi sem'i. Monografiya [Psychology of modern family. Monograph]. Saint-Petersburg: Publ. Rech', 2005. 436 p.
2. Vilyunas V.K. Osnovnye problemy psikhologicheskoi teorii emotsii (vstupitel'naya stat'ya) [Main problems of psychological theory of emotions (introductory article)]. In

For citation:

Sychev O.A. Sociopsychological factors affecting the relationship satisfaction in young married couples. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 56–74. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080104

* *Sychev Oleg A.* – PhD (Psychology), Associate Professor, The Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University, Biysk, Russia, osn1@mail.ru

- V.K. Vilyunas, Yu.B. Gippenreiter (eds.) *Psikhologiya emotsii: Teksty [Psychology of Emotions: Textbook]*. Moscow: Publ. of MSU, 1984, pp. 3–28.
3. Sabel'nikova N.V., Kashirskii D.V. Oprosnik privyazannosti k blizkim lyudyam [Attachment to Close People Questionnaire]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2015. Vol. 36, no. 4, pp. 84–97.
 4. Stolin V.V., Romanova T.L., Butenko G.P. Oprosnik udovletvorennosti brakom [Marital satisfaction questionnaire]. *Vestnyk Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology]*, 1984, no 2. pp. 54–60.
 5. Sychev O.A. Russkoyazychnaya versiya Shkaly otsenki otnoshenii [Russian Version of Relationship Assessment Scale]. *Psikhologiya Zhurnal Vyssei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]*, 2016. Vol. 13, no. 2, pp. 388–409.
 6. Bartholomew K., Horowitz L.M. Attachment styles among young adults: A test of a four-category model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1991. Vol. 61, pp. 226–244. doi: 10.1037/0022-3514.61.2.226.
 7. Brennan K.A., Clark C.L., Shaver P.R. Self-report measurement of adult attachment: An integrative overview. In: Simpson JA, Rholes WS, editors. *Attachment theory and close relationships*, New York, NY, US: Guilford Press, 1998, pp. 46–76.
 8. Byrne B.M. Structural equation modeling with Mplus: Basic concepts, applications, and programming. New York: Routledge, 2013. 412 p.
 9. Campbell L., Simpson J.A., Boldry J., Kashy D.A. Perceptions of conflict and support in romantic relationships: the role of attachment anxiety. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2005. Vol. 88, no. 3, pp. 510–531. doi: 10.1037/0022-3514.88.3.510.
 10. Deci E.L., Ryan R.M. Autonomy and Need Satisfaction in Close Relationships: Relationships Motivation Theory. In: Weinstein N, editor. *Human Motivation and Interpersonal Relationships*, Springer Netherlands, 2014, pp. 53–73. doi: 10.1007/978-94-017-8542-6_3.
 11. Fraley R.C., Vicary A.M., Brumbaugh C.C., Roisman G.I. Patterns of stability in adult attachment: an empirical test of two models of continuity and change. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 101, no. 5, pp. 974–992. doi: 10.1037/a0024150.
 12. Gottman J.M., Levenson R.W. Marital processes predictive of later dissolution: behavior, physiology, and health. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1992. Vol. 63, no. 2, pp. 221–233. doi: 10.1037/0022-3514.63.2.221.
 13. Griffin D.W., Bartholomew K. Models of the self and other: Fundamental dimensions underlying measures of adult attachment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994. Vol. 67, no. 3, pp. 430–445. doi: 10.1037/0022-3514.67.3.430.
 14. Hadden B.W., Smith C.V., Webster G.D. Relationship Duration Moderates Associations Between Attachment and Relationship Quality: Meta-Analytic Support for the Temporal Adult Romantic Attachment Model. *Personality and Social Psychology Review*, 2014. Vol. 18, no. 1, pp. 42–58. doi: 10.1177/1088868313501885.
 15. Hayes A.F., Matthes J. Computational procedures for probing interactions in OLS and logistic regression: SPSS and SAS implementations. *Behavior Research Methods*, 2009. Vol. 41, no. 3, pp. 924–936. doi: 10.3758/BRM.41.3.924.
 16. Hendrick S.S. Close relationships: What couple therapists can learn. Pacific Grove: Brooks/Cole, 1995. 147 p.

17. Hendrick S.S., Dicke A., Hendrick C. The relationship assessment scale. *Journal of Social and Personal Relationships*, 1998. Vol. 15, no. 1, pp. 137–142. doi: 10.1177/0265407598151009.
18. Hendrick S.S., Hendrick C. Love and satisfaction. In R.J. Sternberg, M. Hojjat, editors. *Satisfaction in close relationships*, New York: Guilford Press, 1997, pp. 56–78.
19. La Guardia J.G., Ryan R.M., Couchman C.E., Deci E.L. Within-person variation in security of attachment: a self-determination theory perspective on attachment, need fulfillment, and well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000. Vol. 79, no. 3, pp. 367–384.
20. Li T., Chan D.K.S. How anxious and avoidant attachment affect romantic relationship quality differently: A meta-analytic review. *European Journal of Social Psychology*, 2012. Vol. 42, no. 4, pp. 406–419. doi: 10.1002/ejsp.1842.
21. Patrick H., Raymond C., Canevello A., Lonsbary C. The role of need fulfillment in relationship functioning and well-being: A self-determination theory perspective. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2007. Vol. 92, no. 3, pp. 434–457. doi: 10.1037/0022-3514.92.3.434.
22. Reis H.T., Sheldon K.M., Gable S.L., Roscoe J., Ryan R.M. Daily Well-Being: The Role of Autonomy, Competence, and Relatedness. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2000. Vol. 26, no. 4, pp. 419–435. doi: 10.1177/0146167200266002.
23. Tucker J.S., Anders S.L. Attachment Style, Interpersonal Perception Accuracy, and Relationship Satisfaction in Dating Couples. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1999. Vol. 25, no. 4, pp. 403–412. doi: 10.1177/0146167299025004001.
24. Waters E., Merrick S., Treboux D., Crowell J., Albersheim L. Attachment Security in Infancy and Early Adulthood: A Twenty-Year Longitudinal Study. *Child Development*, 2000. Vol. 71, no. 3, pp. 684–689. doi: 10.1111/1467-8624.00176.

Индивидуальный стиль саморегуляции как ресурс стрессоустойчивости у замещающих родителей

А.А. АЛДАШЕВА*,
ИП РАН, Москва, Россия, aigulmama@mail.ru;

М.Е. ЗЕЛЕНОВА**,
ИП РАН, Москва, Россия, mzelenova@mail.ru

О.В. РУНЕЦ***,
ИП РАН, Москва, Россия, orunez@gmail.com

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи особенностей стиля саморегуляции поведения и деятельности замещающих родителей с уровнем их стрессоустойчивости. Показано, что степень сформированности компонентов системы саморегуляции может служить индикатором способности замещающих родителей противостоять воздействию социальных стресс-факторов и успешности в преодолении трудных жизненных ситуаций, возникающих в пространстве профессиональной замещающей семьи. Выявлена специфика профиля индивидуального стиля саморегуляции замещающих родителей по сравнению с группой обычных родителей. Проведено сопоставление индивидуального стиля саморегуляции замещающих родителей и фельдшеров скорой помощи как специалистов, относящихся к группе социоэкономических профессий помогающего типа. Для измерения уровня стресса применялась «Шкала определения стрессоустойчивости и социальной адаптации» Т.Х. Холмса, Р.Х. Раге (Holms T.H., Rahe R.H. «The Social Readjustment Rating Scale», SRRS). Особенности стиля саморегуляции опре-

Для цитаты:

Алдашева А.А., Зеленова М.Е., Рунец О.В. Индивидуальный стиль саморегуляции как ресурс стрессоустойчивости у замещающих родителей // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 75–92. doi:10.17759/sps.2017080105

* *Алдашева Айгуль Абдулхаевна* — доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, aigulmama@mail.ru

** *Зеленова Марина Евгеньевна* — кандидат психологических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, mzelenova@mail.ru

*** *Рунец Оксана Владимировна* — аспирант, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия, orunez@gmail.com

делялись с помощью методики В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ).

Ключевые слова: профессиональная приемная семья, дети-сироты, профессия «замещающий родитель», стресс, стрессоустойчивость, ресурсы психики, саморегуляция, компоненты индивидуального стиля саморегуляции.

Введение

Выявление внешних и внутренних детерминант, способствующих преодолению стрессоров, является одной из актуальных проблем социальной психологии труда. Несмотря на давнюю историю, изучение влияния негативных психических состояний на успешность выполнения профессиональных задач по-прежнему остается в центре внимания исследователей.

Работы, посвященные исследованию стресса, показали, что не только экстремальные события могут вызвать социальную дезадаптацию и болезни, но и напряженные условия труда, стресс на рабочем месте, неблагополучие в семье также часто приводят к психосоматическим заболеваниям. Установлено, что люди, которые подвергаются воздействию большого числа раздражителей, относящихся к категории повседневных, способных вызывать тревогу и негативные эмоции, в результате их накопления часто получают различные расстройства здоровья и испытывают затруднения в профессиональной деятельности [7; 9; 29 и др.].

Особую актуальность и практическую значимость изучение факторов, способствующих преодолению трудных жизненных ситуаций, исследование механизмов психической регуляции в профессиях с высокой степенью социальной ответственности и отсутствием простых алгоритмов устранения проблем получило в связи с ориентацией государства

на семейные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей.

Проблемы, связанные с созданием и функционированием профессиональных приемных семей, активно обсуждаются в обществе, особенно после внесения в Госдуму РФ проекта федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и Трудовой кодекс Российской Федерации в части передачи детей на социальное воспитание» [3]. Обсуждаемый законопроект предполагает передачу на возмездные условия воспитания детей-сирот и придает новый юридический статус профессиональным опекунам («социальным воспитателям»), которые будут выполнять свои обязанности в соответствии с условиями и правилами трудового законодательства, получая за это заработную плату. Принятие данного законопроекта юридически закрепляет существование новой социоэкономической профессии помогающего типа — «социальный воспитатель». В настоящее время эту социальную услугу государству оказывают профессиональные приемные родители, которые по характеру своей деятельности фактически являются специалистами-профессионалами в данном виде труда [22; 27].

Процесс формирования замещающих семей является сложным и многоступенчатым. Требования к отбору кандидатов в замещающие родители предполагают последовательность этапов, на каждом из которых рассматривается и анализируется

ся целый спектр переменных, куда входят юридические, экономические, социально-демографические и т. п. характеристики каждого из кандидатов и семьи в целом. Отдельное внимание при отборе отводится оценке индивидуально-личностных особенностей будущих замещающих родителей. Проводится диагностика нежелательных качеств, ведущих мотивов, определяющих выбор данной сферы деятельности, иерархии ценностно-смысловых установок претендентов, наличия у них коммуникативных навыков и умения позитивно взаимодействовать с окружающей социальной средой [1; 2; 18 и др.]. Несмотря на это, исследования устойчивости замещающей семьи показывают, что кандидаты, прошедшие отбор, не всегда способны предвидеть и объективно оценить трудности, с которыми им придется столкнуться, воспитывая детей-сирот [24]. Часто они не могут справиться с возникающими в семье проблемами и стрессовыми ситуациями. В результате до 10% детей возвращаются из приемной семьи обратно в попечительские учреждения [27]. В некоторых случаях, когда усилий семьи бывает недостаточно, под воздействием стресс-факторов семейная устойчивость нарушается и семья перестает функционировать как единое целое [16; 17; 21; 28 и др.].

Многочисленные исследования, направленные на выявление модераторов стресса, показали значение социальной поддержки («социальных сетей») для сохранения благополучия и здоровья человека. При этом был сделан вывод, что, хотя социальное окружение и соответствующие государственные институты являются важным ресурсом, помогающим справляться со стрессорами, они не всегда однозначно влияют на преодоление критических ситуаций и что актив-

ности самого индивида следует уделять большее внимание. В результате акцент сместился в сторону поиска внутренних ресурсов человека, необходимых для преодоления воздействия неблагоприятных условий среды [14].

Проводимые в этом направлении эмпирические исследования позволили установить, что отдельные психические свойства и личностные характеристики человека стабильно взаимосвязаны с позитивным выходом из стресса и способствуют сохранению психосоматического благополучия и трудоспособности [5]. Было показано, что в структуре «внутренних ресурсов» преодоления большую роль играют механизмы психической регуляции поведения и деятельности человека. Среди них особое место занимают, особенности самооценки, характеристики личностной и профессиональной идентичности, структура самоотношения и др., которые, по мнению исследователей, относятся к числу основных регуляторов, определяющих успешность выхода из кризисных и стрессовых ситуаций [4; 10; 30 и др.].

Изучение проблем стресса с позиций дифференциального подхода показало, что к числу важнейших факторов, влияющих на успешность выполнения трудовых задач в условиях высокой напряженности, относится индивидуальный стиль регуляции поведения и деятельности. Были выделены и описаны индивидуально-типические профили саморегуляции, наиболее характерные для специалистов разных профессий, показаны структурные особенности «гармоничного регуляторного профиля» и «акцентуированного регуляторного профиля». Учет особенностей индивидуального стиля саморегуляции в сочетании с диагностикой личностных свойств и критери-

ев профессиональной компетентности, согласно сделанным исследователями выводам, дает возможность прогнозировать вероятность успеха при выполнении трудовых обязанностей в разных сферах трудовой деятельности [19].

Рассмотрение работ по проблеме стресса и ресурсов совладания с ним позволило сформулировать *цель* представленного исследования: выявление взаимосвязи особенностей индивидуального стиля саморегуляции поведения и деятельности с уровнем стрессоустойчивости у замещающих родителей. Индивидуально-стилевые характеристики, структура и уровень их сформированности рассматривались в качестве важного фактора (внутреннего ресурса субъекта труда), позволяющего замещающим родителям выходить из стрессовых ситуаций, возникающих внутри семьи и в ходе взаимодействия семьи с социальным окружением.

Участники, процедура и методы исследования

К участию в исследовании были привлечены несколько категорий респондентов, разделенных на следующие группы.

Основную группу составили семейные пары, успешно прошедшие отбор и получившие право на воспитание детей-сирот. В нее вошли профессиональные замещающие семьи, где муж и жена «работают» замещающими родителями и воспитывают детей, взятых из попечительских учреждений на основании договора об оказании соответствующей социальной услуги. По характеру выполняемых обязанностей и содержанию своей деятельности замещающие родители фактически могут быть классифициро-

ваны как специалисты-профессионалы (т. е., «социальные воспитатели») в этой сфере деятельности. При описании результатов исследования данная группа получила название «замещающие родители» (группа ЗР). Было обследовано $n=70$ человек; средний возраст: 44 ± 7 лет; общее количество детей в семье: от пяти до одиннадцати; стаж «работы» замещающими родителями — от 0,5 до 10 лет.

Вторую группу составили среднестатистические (обычные) семьи, специалисты разных профессий; $n=44$, средний возраст: 41 ± 11 лет; количество детей в семье: от одного до трех; общий стаж работы — $19,07 \pm 10,17$ лет. Группа получила название «обычные родители» (группа ОР).

С целью более полной характеристики особенностей индивидуального профиля саморегуляции замещающих родителей были привлечены данные, полученные О.В. Рунец на выборке фельдшеров скорой медицинской помощи, которых по характеру своей трудовой деятельности можно отнести к этой же профессиональной категории — «социально-экономические профессии помогающего типа» [26]. При описании результатов данная группа обозначена как «фельдшеры скорой помощи» (группа ФСП). В нее вошли $n=72$ человека (мужчин — 18, женщин — 54); средний возраст: 36 ± 7 лет; количество детей — от нуля до двух; стаж работы — $9,01 \pm 6,43$ лет.

Процедура обследования включала собеседование с последующим заполнением респондентами комплекса психологических методик. В соответствии с целями исследования на данном этапе анализа были использованы результаты, полученные с применением следующих *методик*.

Особенности стиля саморегуляции поведения и деятельности определялись

с помощью опросника В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ). Опросник относится к числу общеизвестных психологических методик и позволяет оценить общий уровень сформированности индивидуального стиля саморегуляции поведения и деятельности, а также степень развития отдельных регуляторных компонентов по следующим субшкалам: 1) «планирование» (Пл), 2) «моделирование» (М), 3) «программирование» (Пр), 4) «оценка результатов» (Ор), 5) «гибкость» (Г), 6) «самостоятельность» (С), 7) «общий уровень саморегуляции» (ОУ) [20].

Уровень стресса и стрессоустойчивости определялся с помощью методики Т.Х. Холмса, Р.Х. Рае «Шкала определения стрессоустойчивости и социальной адаптации» (Holmes T.H., Rahe R.H. The Social Readjustment Rating Scale, SRRS) [23, 31]. Данная методика позволяет на основании списка эмоционально значимых событий, произошедших за определенный временной отрезок, оценить вероятность возникновения психосоматических нарушений. Шкала SRRS получила широкое распространение в мировой психологической практике. Проводимые с конца 60-х гг. эмпирические исследования показали, что люди с высокими значениями суммарного показателя SRRS в большей степени подвержены заболеваниям (включая рак груди, диабет, иммунные нарушения, травматизм, употребление психотропных веществ, а также жестокое обращение с детьми и т. п.), у них чаще наблюдаются многочисленные психологические проблемы [8; 13 и др.]. Применение шкалы SRRS в России на разных выборках испытуемых (учителях, специалистах технического профиля, летчиках) позволило установить значимые взаимосвязи

между уровнем стрессогенности жизни и наличием симптомов хронического утомления, выгорания, стресса, сниженной работоспособности [6; 11; 12].

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием программы SPSS. Применялись методы сравнительного анализа (U-критерий Манна–Уитни, t-критерий Стьюдента).

При описании полученных результатов мы придерживались следующей логики изложения материала. Сначала описаны особенности профиля стиля саморегуляции поведения (ССП) замещающих родителей, затем рассмотрены взаимосвязи между стилем саморегуляции и уровнем стрессоустойчивости, измеренным по шкалы SRRS.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Особенности профиля индивидуального стиля саморегуляции у замещающих родителей

Обработка результатов опросника ССПМ В.И. Моросановой показала (табл. 1), что более половины замещающих родителей (59,15%) имеют «высокий» уровень сформированности индивидуального стиля саморегуляции поведения и деятельности. При этом еще 39,44%, попадают в группу со «средним» уровнем развития ССП, и всего 1,41% имеют «низкий» уровень показателя ОУ.

В группе «обычных родителей» «высокий» уровень ССП имеют только 27,27% обследованных (около одной трети), «средний» — 70,46%, «низкий» — 2,27%. Среди фельдшеров скорой помощи «высокий» уровень ССП наблюдается у 32,88% респондентов, «средний» — у 57,53%, «низкий» — у 9,59% респондентов.

В целом установлено, что общий уровень сформированности индивидуально-стиля регуляции поведения и деятельности (показатель ОУ) статистически достоверно выше у «замещающих родителей» по сравнению с двумя другими категориями обследованных респондентов ($P \leq 0,001$).

В табл. 2 представлены результаты сравнительного анализа группы «замещающих родителей» с группой «обычных родителей» и группой «фельдшеров скорой помощи».

Сравнение показателей опросника ССПМ у «замещающих родителей» и «обычных родителей» позволило установить следующее. В группе ЗР достоверно выше такие компоненты индивидуально-

стиля саморегуляции, как «моделирование» и «программирование». У замещающих родителей отмечаются также более высокие значения компонента «гибкости» (различия значимы на уровне статистически выраженной тенденции). Между такими компонентами индивидуально-стиля саморегуляции, как «планирование» и «оценка результатов» в группах ЗР и ОР по результатам статистической обработки отличий не обнаружено. Значения шкалы опросника «самостоятельность» у «замещающих родителей» оказались достоверно ниже по сравнению с группой «обычных родителей».

Сравнение особенностей индивидуального стиля саморегуляции «замещающих родителей» и «фельдшеров ско-

Таблица 1

Распределение участников исследования в зависимости от величины суммарного индекса ОУ ССПМ

Группы	Общий уровень саморегуляции (ОУ)		
	«Низкий»	«Средний»	«Высокий»
«Замещающие родители» (ЗР)	1,41 %	39,44 %	59,15 %
«Обычные родители» (ОР)	2,27 %	70,46 %	27,27 %
«Фельдшеры скорой помощи» (ФСМП)	9,59 %	57,53 %	32,88 %

Таблица 2

Сравнение группы ЗР с группой ОР и группой ФСП по шкалам методики ССПМ (t-критерий Стьюдента)

Шкалы ССПМ	Значения средних шкал ССПМ в группах:			Значимость ($P \leq$)	
	ЗР	ОР	ФСП	ЗР-ОР	ЗР-ФСП
«Планирование»	6,53	6,18	6,33	0,280	0,254
«Моделирование»	7,19	6,11	5,74	0,000	0,000
«Программирование»	6,60	5,73	6,30	0,001	0,061
«Оценка результатов»	6,43	6,57	5,68	0,529	0,0004
«Гибкость»	6,34	5,82	6,42	0,073	0,668
«Самостоятельность»	3,49	4,59	4,96	0,005	0,000
«Общий уровень»	32,54	30,30	30,32	0,004	0,0007

рой помощи» также позволило получить ряд статистически достоверных фактов. Установлено, что у «замещающих родителей» отмечается более высокий уровень сформированности таких компонентов ССП, как «моделирование», «оценка результатов» и «программирование». Показатели шкал «гибкость» и «планирование» в обследованных группах специалистов не имеют различий. Значения показателя «самостоятельность» в группе ЗР являются статистически более низкими по сравнению с группой ФСР.

На рис. 1 представлен обобщенный профиль саморегуляции «замещающих родителей», полученный по результатам заполнения опросника ССПМ.

Анализ данного профиля, отражающего степень сформированности отдельных компонентов индивидуального стиля саморегуляции, свидетельствует о том, что замещающие родители обладают развитой системой осознанной регуляции поведения и деятельности. Наиболее хорошо у них сформированы такие составляющие ССП, как «моделирование», «программирование» и «оценка

результатов». Перечисленные компоненты системы саморегуляции оказывают большое влияние на успешность выполнения любой деятельности. Они позволяют индивиду осознанно выдвигать цели и выделять комплекс наиболее значимых условий, необходимых для их достижения («моделирование»), четко детализировать исполнительские действия и обозначать алгоритм их реализации с опорой на конкретные условия среды («программирование»). Развитость компонента «оценка результатов» дает возможность адекватно оценивать итоги осуществляемых действий и поступков.

Для профиля ССП обследованных профессионалов-приемных родителей характерны достаточно высокие показатели по шкале «гибкость». Это означает, что замещающие родители способны не только учитывать факторы, оказывающие влияние на достижение целей, но и быстро реагировать на внезапные перемены и препятствия, внося коррективы в свои действия и поведение в соответствии с новыми условиями среды.

Наиболее низкую позицию в регуляторном профиле ССП замещающих ро-

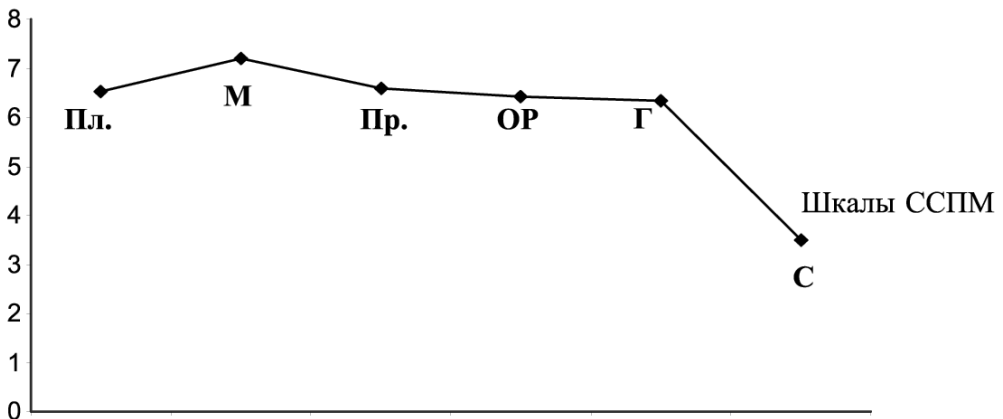

Рис. 1. Структура профиля саморегуляции замещающих родителей

дителей занимает такой компонент, как «самостоятельность». Данный компонент, являющийся одновременно и регуляторно-личностным свойством (согласно В.И. Моросановой), характеризует автономность и независимость индивида как при формировании им целей, так и в процессе их дальнейшей реализации. Формально по количеству полученных баллов замещающие родители характеризуются «средним» уровнем развития «самостоятельности». Однако в таблице тестовых нормативов они занимают последнюю строчку «среднего» интервала, являющуюся пограничной при переходе в интервал «низкий уровень развития». Меньшую степень развитости «самостоятельности» у замещающих родителей показали и данные сравнительного анализа группы ЗР с группами ОР и ФСР. Статистически установлено, что данный регуляторный компонент развит у замещающих родителей намного слабее, чем у обычных родителей и фельдшеров скорой помощи ($P < 0,001$). В этой связи стоит подчеркнуть тот факт, что замещающие родители реально являются более зависимыми в своих действиях и поступках. Деятельность профессиональной приемной семьи находится под постоянным контролем различных государственных органов, с которыми замещающие родители должны согласовывать большинство своих действий, включая организацию семейного быта, досуга, распределение бюджета и т. д. То есть условия, в которых проходит жизнь и профессиональная деятельность специалистов-приемных родителей, не предусматривают высокого уровня «самостоятельности», а, напротив, внешний контроль нацеливает их на подчинение определенным правилам, требует гибкости поведения и умения согласовывать

внутрисемейную активность с внешними инстанциями.

В целом, по итогам рассмотрения полученных в эмпирическом исследовании данных можно сделать вывод о том, что большинство частных регуляторных компонентов стиля саморегуляции поведения и деятельности у замещающих родителей имеют, согласно тестовым нормам, «средний» уровень сформированности. «Высокий уровень» развития установлен относительно компонента ССП «моделирование». Так как входящие в профиль ССП замещающих родителей регуляторные компоненты имеют приблизительно равный уровень развития и сбалансированную структуру, то, в соответствии с критериями В.И. Моросановой, типичный профиль саморегуляции поведения замещающих родителей может быть охарактеризован как «гармоничный регуляторный профиль».

2. Стрессоустойчивость и особенности стиля саморегуляции у замещающих родителей

Воспитание детей-сирот имеет свою специфику, которая сопряжена с большим числом непростых ситуаций, связанных как с психологическими особенностями детей, оставшихся без попечения родителей (часто это дети с серьезными нарушениями здоровья, дети-инвалиды, жертвы физического и сексуального насилия и др.), так и со структурой замещающей семьи, где вместе растут приемные и кровные дети [24]. Все это предполагает, что замещающие родители должны, с одной стороны, обладать системой общих и специальных педагогических знаний (компетенций) о психологических особенностях принятых на воспитание детей, с другой стороны — иметь комплекс определенных индивидуально-личност-

ных качеств, позволяющих справляться с обязанностями замещающего родителя и успешно преодолевать трудности, сохраняя при этом психологическое благополучие и здоровье [2; 18; 28 и др.].

Учитывая высокую вероятность возникновения кризисных жизненных ситуаций в приемной семье, при отборе профессиональных замещающих родителей в число таких качеств (наряду с мотивацией, навыками общения, жизнестойкостью и др.), возможно, следует включить и сформированность механизмов регуляции и саморегуляции поведения и деятельности у кандидатов в приемные родители.

В связи с этим дальнейший анализ полученных нами данных предполагал выявление особенностей стиля саморегуляции (ССП) в подгруппах замещающих родителей, имеющих разную степень стрессоустойчивости по «Шкале определения стрессоустойчивости и социальной адаптации» (SRRS) Т.Н. Holmts, R.H. Rahe. В ходе обработки методики SRRS группа «замещающих родителей» в соответствии с тестовыми нормами была разделена на подгруппы с «высокой», «пороговой» и «низкой» степенью стрессоустойчивости.

В табл. 3 представлены результаты статистического сравнительного анализа, отражающие сопоставление показателей опросника ССПМ респондентов с «высокой» и «низкой» степенью стрессоустойчивости по шкале SRRS.

Как видно из табл. 3, между подгруппами «замещающих родителей» с разным уровнем стрессоустойчивости существуют различия на уровне статистически выраженной тенденции по величине общего индекса саморегуляции ОУ ССПМ. Кроме того, различия на уровне статистически выраженной тенденции наблюдаются также относительно таких шкал опросника ССПМ, как «моделирование» и «самостоятельность». При этом значения шкал ССПМ «моделирование», «самостоятельность» и «общий уровень саморегуляции» больше в подгруппе замещающих родителей с «высокой степенью стрессоустойчивости».

То есть полученные нами данные с довольно высокой долей вероятности позволяют говорить о том, что у замещающих родителей, имеющих более высокий общий уровень сформированности индивидуального стиля саморегуляции поведения и деятельности, в меньшей

Таблица 3

Сравнение показателей ССПМ у замещающих родителей с «высокой» и «низкой» степенью стрессоустойчивости

Шкалы ССПМ	Высокая стрессоустойчивость		Низкая стрессоустойчивость		t	P ≤
	M1	СД1	M2	СД2		
«Планирование»	7,30	2,11	6,57	0,98	1,00	0,36
«Моделирование»	7,40	0,84	6,29	1,38	1,93	0,08
«Программирование»	7,10	1,20	7,29	1,25	0,31	0,76
«Оценка результатов»	7,30	0,82	6,57	1,40	1,28	0,25
«Гибкость»	6,40	0,84	6,00	0,82	1,01	0,34
«Самостоятельность»	3,40	1,43	1,86	1,68	2,74	0,07
«Общий уровень»	34,50	3,54	31,14	3,39	1,88	0,06

степени следует ожидать появления негативных симптомов стресса и различных соматических заболеваний. При этом риск развития психосоматических нарушений меньше прежде всего у более «самостоятельных» замещающих родителей, т. е. у респондентов, более ориентированных на самостоятельное планирование своей жизнедеятельности и решение текущих проблем (согласно В.И. Моросановой). Кроме того, вероятность появления психосоматических нарушений ниже у замещающих родителей с более развитым компонентом ССП «моделирование», уровень сформированности которого свидетельствует о способности индивида реалистично оценивать внешние и внутренние факторы, влияющие на достижение цели и умение выделять условия, наиболее значимые для получения желаемого результата в конкретных условиях деятельности. Учитывая тот факт, что основной показатель стрессоустойчивости по шкале SRRS тесно взаимосвязан с числом пережитых эмоционально нагруженных жизненных событий, можно предположить, что высокий уровень сформированности компонентов ССП позволяет замещающим родителям избегать (предотвращать) чрезмерного количества повседневных стрессоров за счет хорошей организации («регулирования») краткосрочных и перспективных семейных жизненных планов.

Статистическая обработка методики SRRS позволила также получить общее представление о частоте встречаемости респондентов с «высокой», «пороговой» и «низкой» степенью стрессоустойчивости в группах «замещающих родителей» и «обычных родителей». Результаты статистической обработки представлены в табл. 4.

Установлено, что у 42,86% обследованных из группы ЗР отмечается «высокая» степень стрессоустойчивости, у 32,86% «замещающих родителей» наблюдается «низкая» степень сопротивляемости стрессу, еще у 24,28% обнаружен ее «пороговый» уровень. То есть более половины замещающих родителей (57,14%) испытывают такие стрессовые нагрузки, при которых вероятность развития психосоматических нарушений составляет более 50%.

Напротив, у основной части обследованных из группы «обычных родителей» наблюдается «высокая» степень стрессоустойчивости — 83,56%, «пороговая» степень зафиксирована у 6,85% респондентов, «низкую» степень стрессоустойчивости имеют 9,59% «обычных родителей».

Сравнительный анализ групп ЗР и ОР по величине суммарного индекса методики SRRS показал, что уровень стрессоустойчивости у замещающих родителей достоверно ниже, чем у обычных родителей (различия статистически зна-

Таблица 4

Распределение респондентов в зависимости от значений суммарного индекса методики SRRS (%)

Группы	Степень стрессоустойчивости		
	«Высокая»	«Пороговая»	«Низкая»
«Замещающие родители» (ЗР)	42,86%	24,28%	32,86%
«Обычные родители» (ОР)	83,56%	6,85%	9,59%

чимы на уровне $P < 0,001$). Установленный результат свидетельствует о том, что психосоматическое здоровье замещающих родителей с большой долей вероятности (от 50% до 80%, согласно тестовым нормам) может быть нарушено развитием заболеваний.

Полученные нами факты хорошо согласуются с данными других авторов. Практика сопровождения приемных семей показала, что замещающие родители нередко нуждаются в психологической поддержке и психотерапевтической помощи. Многие из них обращаются за консультациями к специалистам, так как не всегда самостоятельно могут справиться с непредвиденными обстоятельствами и проблемами, возникающими в семье в процессе воспитания детей, оставшихся без попечения родителей [15]. Важно также подчеркнуть, что среди известных психотерапевтических приемов борьбы со стрессом одно из центральных мест занимает обучение навыкам саморегуляции психических состояний, а также формированию у человека адекватных критериев оценки сложных ситуаций и своих возможностей их преодоления [7].

Заключение

Проведенное исследование и анализ полученных данных показали, что большинство замещающих родителей имеют развитую систему компонентов саморегуляции поведения и деятельности. Общий уровень сформированности регуляторных компонентов ССП у замещающих родителей значимо выше, чем у «обычных» родителей. Сравнение замещающих родителей с группой фельдшеров скорой помощи как специалистов,

относящихся к категории профессий помогающего типа, также обнаружило достоверно более высокий уровень развития регуляторных компонентов ССП у замещающих родителей.

Анализ особенностей профиля индивидуального стиля саморегуляции замещающих родителей, показал, что он является «гармоничным регуляторным профилем», а в его структуре наиболее развитыми являются такие компоненты, как «моделирование» и «программирование». Содержательно это означает, что поведение замещающих родителей характеризуется, прежде всего, высокой степенью осознанности намерений и планированием всей последующей активности, а также умением анализировать внешние и внутренние обстоятельства, дифференцируя их по степени значимости для достижения поставленных целей. Следует также отметить, что высокая степень развития такого компонента саморегуляции, как «моделирование» предполагает отсутствие «фантазирования» при планировании перспективы будущего (т. е. свидетельствует о реалистичности выдвигаемых целей и планов), а также характеризует высокую «чувствительность» к возможному изменению обстоятельств, что позволяет учитывать вариативность среды при построении модели поведения. Развитость у замещающих родителей компонента саморегуляции «программирование» свидетельствует о наличии в плане представлений подробных схем предстоящих действий, а также означает осознанность поступков и отсутствие склонности к импульсивному поведению.

Среди всех структурных составляющих профиля саморегуляции поведения замещающих родителей компонент «самостоятельность» развит наиболее

слабо, хотя его числовые значения, согласно полученным данным, также не выходят за границы среднего уровня. Тем не менее, «самостоятельность» у приемных родителей имеет статистически более низкий уровень по сравнению с группой обычных родителей и, в особенности, по сравнению с группой фельдшеров скорой помощи. То есть у замещающих родителей отмечается более низкий уровень автономности, что свидетельствует об их большей зависимости и большей ориентированности на оценки и мнения окружающих по сравнению с другими участниками исследования.

Диагностика степени стрессоустойчивости в группах «замещающих родителей» и «обычных родителей» показала, что ее значения статистически достоверно ниже у замещающих родителей. Взаимосвязь между общим показателем стиля саморегуляции ОУ ССПМ и показателем стрессоустойчивости шкалы SRRS обнаружена на уровне статистически значимой тенденции. При этом установлено, что стрессоустойчивость у замещающих

родителей в наибольшей степени связана со степенью сформированности таких компонентов ССП, как «самостоятельность» и «моделирование». Содержательно интерпретируя данный факт, можно предположить, что сформированность компонентов стиля саморегуляции поведения и деятельности позволяет замещающим родителям регулировать в сторону уменьшения количество бытовых стрессогенных событий за счет хорошей организации (моделирования) повседневной жизнедеятельности семьи и взаимодействия ее членов как внутри семьи, так и с социальным окружением.

В целом, результаты проведенного исследования, на наш взгляд, позволяют говорить о том, что степень сформированности регуляторных компонентов и структурные особенности типичного профиля стиля саморегуляции поведения замещающих родителей следует включить в число индикаторов семейных ресурсов, учитываемых при отборе кандидатов, желающих принять в семью детей сирот и детей, оставшихся без попечения взрослых.

Финансирование

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-06-10508 а.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алдашева А.А., Зеленова М.Е.* Профессиональная замещающая семья: подход к проблеме с позиций социальной психологии труда // *Семья, брак и родительство в современной России.* Выпуск 2 / Под ред. А.В. Махнача, К.Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 17–25.
2. *Алдашева А.А., Клубника Ю.А., Соболева Е.С.* Учебно-методическое руководство по подготовке кандидатов в замещающие родители в школе приемных родителей: метод. пособие. М.: Канцлер, 2014. 245 с.
3. Анализ законопроекта о социальных воспитателях 24.03.2015. [Электронный ресурс] // РВС. URL: <http://r-v-s.su/statia/analiz-zakonoproekta-o-socialnyh-vospitatelnykh> (дата обращения: 25.10.2016).

4. *Баканов А.С., Зеленова М.Е.* Когнитивно-стилевые детерминанты успешности профессиональной деятельности // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 2. С. 61–75.
5. *Бодров В.А.* Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
6. *Бодров В.А., Зеленова М.Е., Лекалов А.А., Сиваш О.Н., Таяновский В.Ю.* Исследование профессионального здоровья летчиков в процессе клинико-психологической экспертизы // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 4 / Под ред. В.А. Бодрова. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. С. 381–415.
7. *Брайт Дж., Джонс Ф.* Стресс. Теории, исследования, мифы. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК», 2003. 352 с.
8. *Вейтен У., Ллойд М.* Стресс и его эффекты // Общая психология. Тексты. Т. 2. Кн. 1. Субъект деятельности / Отв. ред. В.В. Петухов. М.: УМК «Психология»; Генезис, 2002. С. 501–542.
9. *Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии. СПб.: Речь, 2001. 1247 с.
10. *Дикая Л.Г.* Социально-психологические и личностные аспекты саморегуляции функционального состояния человека // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 4 / Под ред. В.А. Бодрова, А.Л. Журавлева. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2012. С. 163–181.
11. *Зеленова М.Е.* Индивидуальный стиль саморегуляции как внутренний ресурс стрессоустойчивости субъектов трудовой деятельности // Социальная психология и общество. 2013. № 1. С. 69–82.
12. *Зеленова М.Е., Кабаева В.М., Барабанова В.В.* Уровень жизнестойкости, Я-концепция и профессиональное здоровье учителей // Социальная психология и общество. 2011. № 3. С. 40–53.
13. Исследования, которые потрясли психологию. Лекционный материал для студентов [Электронный ресурс] // Студопедия. URL: http://studopedia.su/16_45221_issledovaniy-kotorie-potryasli-psihologiyu-sekreti-vidayushchihsya-eksperimentov.html (дата обращения: 31.10.2016).
14. Клиническая психология / Под ред. М. Перре, У. Баумана. СПб.: Питер, 2002. 1312 с.
15. *Котова Т.Е.* Социально-психологические и личностные характеристики готовности к замещающему родительству: автореф. дис...канд. психол. наук. Ярославль: ЯрГУ имени П.Г. Демидова, 2011. 27 с.
16. *Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В.* Стрессы семейных отношений: тенденции и эффекты совладания [Электронный ресурс] // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 174–195. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document204.pdf> (дата обращения: 29.10.2016).
17. *Куфтяк Е.В.* Исследование устойчивости семьи при воздействии трудностей [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 6(14). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 23.12.2016).
18. *Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 219 с.

19. Моросанова В.И. Дифференциальный подход к психической саморегуляции: исследование действий профессионала // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 3. С. 98–111.
20. Моросанова В.И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство. М: Когито-Центр, 2004. 53 с.
21. Николаева Е.И., Япарова О.Г. Модель социально-психологических детерминант успешного приемного родительства [Электронный ресурс] // Российская энциклопедия судебных экспертиз. URL: <http://www.sudexp.org/publ/14-1-0-1482> (дата обращения: 23.12.2016).
22. Ослон Н.В. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006. 368 с.
23. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Издательский Дом «Бахрах», 1998. 672 с.
24. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. Психология сиротства. СПб.: Питер, 2007. 246 с.
25. Рунец О.В. Апробация личностного опросника Н.Б. Астаниной «Методика изучения доверия к себе» // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 170–182. doi:10.17759/sps.2015060413
26. Сиротство в России: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] // Филантроп. Эл. журнал о благотворительности. 2011, ноябрь. URL: <http://philanthropy.ru/wp-content/uploads/2012/03> (дата обращения: 23.12.2016).
27. СМИ о социальном сиротстве [Электронный ресурс] // Волонтеры в помощь детям-сиротам. URL: <http://www.otkazniki.ru/forum/index.php?showtopic=13616> (дата обращения: 23.12.2016).
28. Шульга Т.И. Особенности сопровождения замещающих семей с детьми разного возраста [Электронный ресурс] // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения. URL: <http://psyjournals.ru/childdeprivation/issue/69107.shtml> (дата обращения: 23.12.2016).
29. Шульц Д., Шульц С. Психология и работа. СПб.: Питер, 2003. 560 с.
30. Эмонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М: Смысл, 2004 г. 416 с.
31. Holmes T.H., Rahe R.H. The Social Readjustment Rating Scale // Journal of Psychosomatic Research. 1967. Vol. 11 (2). P. 213–218.

Individual Self-Regulation styles as the source of stress resistance in foster parents

A.A. ALDASHEVA *

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, aigulmama@mail.ru

M.E. ZELENOVA **

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, mzelenova@mail.ru

O.V. RUNETS***

Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, orunez@gmail.com

The article presents the results of an empirical study that looks into correlations between the person's behavioral self-regulation styles and the level of their stress resistance. The research demonstrates that the amount to which the self-regulation system components are formed may indicate the ability of foster parents to overcome social stress factors and various difficult situations taking place in foster families. Specific traits of foster parents' self-regulation styles in comparison to that of ordinary parents were discovered. The differences between individual self-regulation styles in foster parents and paramedics – both groups belonging to socio-economic aid specialists – were examined. "The Social Readjustment Rating Scale" by T.H. Holmes and R.H. Rahe was used to measure the level of stress. Specific traits of different self-regulation styles were examined with the help of V.I. Morosanova's "Behavior self-regulation style" method.

Keywords: professional foster family, orphan children, "foster parent" role, stress, stress resistance, psychological resources, self-regulation, individual self-regulation style components.

Financing

The research was supported by The Russian Foundation for Humanities, project 15-06-10508a

For citation:

Aldasheva A.A., Zelenova M.E., Runets O.V. Individual Self-Regulation styles as the source of stress resistance in foster parents. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 75–92. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080105

* *Aldasheva Aigul A.* – Doctor of sciences (Psychology), Chief researcher, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, aigulmama@mail.ru

** *Zelenova Marina E.* – Ph.D. (Psychology), Research associate, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, mzelenova@mail.ru

*** *Runets Oksana V.* – Post-graduate student, Institute of Psychology RAS, Moscow, Russia, orunez@gmail.com

REFERENCES

1. Aldasheva A.A., Zelenova M.E. Professional'naya zameshayushaya sem'ya: podhod k probleme s pozicii social'noi psikhologii truda [Professional substitute family: an approach to the problem from the standpoint of social psychology of work]. In Mahnach A.V., Zuev K.B. (ed.) *Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoi Rossii. Vypusk 2 [Family, marriage and parenthood in modern Russia. Issue 2]* Moscow: Publ. "Institute of Psychology RAS", 2015, pp. 17–25.
2. Aldasheva A.A., Klubnikina Yu.A., Soboleva E.S. Uchebno-metodicheskoe rukovodstvo po podgotovke kandidatov v zameshayushie roditeli v shkole priemnykh roditel'ei: metodicheskoe posobie [A teaching guide for the preparation of candidates for adoptive parents in the school foster parents: Manual]. Moscow: Publ. "Kancler", 2014. 245 p.
3. Analiz zakonoproekta o social'nykh vospitatelyakh 24.03.2015 [Elektronnyi resurs] [Analysis of the bill on social educators 24/03/2015]. URL: <http://r-v-s.su/statia/analiz-zakonoproekta-o-socialnykh-vospitatelyakh> (Accessed 10.08.2013 25.10.2016).
4. Bakanov A.S., Zelenova M.E. Kognitivno-stilevye determinanty uspeshnosti professional'noi deyatel'nosti [Cognitive Styles as Determinants of Success in Professional Activity]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2015. Vol. 6, no. 2, pp. 61–75. (In Russ., abstr. in Engl.)
5. Bodrov V.A. Psihologicheskii stress: razvitie i preodolenie [Psychological stress: development and overcoming]. Moscow: PER SE, 2006. 528 p.
6. Bodrov V.A., Zelenova M.E., Lekalov A.A., Sivash O.N., Tayanovsky V.Y. Issledovanie professional'nogo zdorov'ya letchikov v processe kliniko-psihologicheskoi ekspertizy [The study of professional health of pilots in the clinical psychological examination]. In Bodrov V.A., Juravlev A.L. (eds.) *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vypusk 4 [Actual problems of psychology of labor, engineering psychology and ergonomics. Issue 4]*. Moscow: Publ. "Institute of Psychology RAS", 2012, pp. 381–415.
7. Brait Dzh., Dzhons F. Stress. Teorii, issledovaniya, mify [Stress. Theory, research, myths]. Saint-Petersburg: "praim-EVROZNAK", 2003. 352 p. (In Russ.).
8. Veiten U., Lloid M. Stress i ego efekty [Stress and its effects]. In Petuhov V.V. (eds.) *Obshaya psikhologiya. Teksty. T. 2. Sub'ekt deyatel'nosti. [General Psychology. Texts. T. 2. Stakeholders.]*. Moscow: Publ. UMK "Psikhologiya"; Genesis, 2002, pp. 501–542.
9. Gleitman G., Friedlund A., Reisberg D. Osnovy psikhologii [Basic Psychology]. Saint-Petersburg: Rech', 2001. 1247p. (In Russ.).
10. Dikaya L.G. Social'no-psihologicheskie i lichnostnye aspekty samoregulyacii funktsional'nogo sostoyaniya cheloveka [Socio-psychological and personal aspects of self-regulation of human functional state] In Bodrov V.A., Juravlev A.L. (eds.) *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki. Vypusk 4 [Actual problems of psychology of labor, engineering psychology and ergonomics. Issue 4]*. Moscow: Publ. "Institute of Psychology RAS", 2012, pp. 163–181.
11. Zelenova M.E. Individual'nyi stil' samoregulyacii kak vnutrennii resurs stressoustoichivosti sub'ektov trudovoi deyatel'nosti [Style of Self-Regulation as Inner Stress Resistance Resource in Working Individuals]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2013, no. 1, pp. 69–80. (In Russ., abstr. in Engl.)

12. Zelenova M.E., Kabaeva V.M., Barabanova V.V. Uroven' zhiznestoikosti, Ya-konceptsiya i professional'noe zdorov'e uchitelei [The Level of Hardiness, Self-Concept and Occupational Health in Teachers]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2011, no. 3, pp. 40–53. (In Russ., abstr. in Engl.)
13. Issledovaniya, kotorye potryasli psihologiyu. Lekcionnyi material dlya studentov [Studies that have shaken psychology. The lecture material for students] [Elektronnyi resurs]. URL: http://studopedia.ru/16_45221_issledovaniy-kotorie-potryasli-psihologiyu-sekreti-vidayushchih-sya-eksperimentov.html (Accessed 31.10.2016)
14. Klinicheskaya psihologiya [Clinical psychology]. In Perre M., Bauman U. (ed.) Saint-Petersburg: Piter, 2002. 1312 p. (In Russ.)
15. Kotova T.E. Social'no-psihologicheskie i lichnostnye harakteristiki gotovnosti k zameshayushemu roditel'stvu. Avtoref. dis...kand. psihol. Nauk [Socio-psychological and personal characteristics readiness to substitute parenthood. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Yaroslavl', 2011. 27 p.
16. Kryukova T.L., Saporovskaya M.V. Stressy semeinyh otnoshenii: tendencii i efekty sovladaniya [The stresses of family relations: trends and effects of coping]. *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya [Social and Economic Psychology]*, 2016. Vol. 1, no. 1, pp. 174–195. El. Zhurnal [El. Journal]. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document204.pdf> (Accessed 29.10.2016.)
17. Kuftyak E.V. Issledovanie ustoychivosti sem'i pri vozdeystvii trudnosti [Elektronnyi resurs] [A study of family stability when subjected to hardship]. *Psihologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. Zhurn [Psychological research: electron. scientific. Zh.]*, 2010, no. 6(14). URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 23.12.2016).
18. Mahnach A.V., Prihozhan A.M., Tolstyh N.N. Psihologicheskaja diagnostika kandidatov v zameshhajushhie roditeli: Prakticheskoe rukovodstvo [Psychological diagnosis of candidates in adoptive parents: a practical guide]. Moscow: Publ. "Institut psihology RAS", 2013. 219 p.
19. Morosanova V.I. Differencial'nyi podhod k psihicheskoi samoregulyacii: issledovanie deistvii professionala [Differential approach to mental self-control: a study of the professional actions] *Psihologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2012. Vol. 33, no. 3, pp. 98–111. (In Russ., abstr. in Engl.)
20. Morosanova V.I. Oprosnik "Stil' samoregulyacii povedeniya" (SSPM): Rukovodstvo [The questionnaire "Style of self behavior" (SMTA): Manual.]. Moscow: Kogito-Centr, 2004. 53 p.
21. Nikolaeva E.I., Yaparova O.G. Model' social'no-psihologicheskikh determinant uspehnogo priemnogo roditel'stva [Elektronnyi resurs] [The model of socio-psychological determinants of a successful reception of parenthood]. *Rossiiskaya enciklopediya sudebnykh ekspertiz [Russian encyclopedia of forensic examinations]*. URL: <http://www.sudexp.org/publ/14-1-0-1482> (Accessed: 23.12.2016)
22. Oslon N.V. Zhizneustroistvo detei-sirot: professional'naya zameshayushaya sem'ya [Fabric of life of orphans: the professional substitute family]. Moscow: Genesis, 2006. 368 p.
23. Prakticheskaya psihodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoe posobie. Redaktor-sostavitel' D.Ya. Raigorodskii [Practical psychodiagnosics. Procedures and tests. Tutorial]. In Raigorodskii D.Ya. (ed.). Samara: Publ. "Bahrah", 1998. 672 p.

24. Prihozhan A.M., Tolstyh N.N. Psihologiya sirotstva [Psychology orphanhood]. Saint-Petersburg: Piter, 2007. 246 p.
25. Runec O.V. Aprobaciya lichnostnogo oprosnika N.B. Astaninoy "Metodika izucheniya doveriya k sebe" [Approbation of Personality Questionnaire by N.B. Astanina "A Technique for Exploring Self-Trust"]. *Social'naya psihologiya i obshestvo [Social Psychology and Society]*, 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 170–182. doi:10.17759/sps.2015060413. (In Russ., abstr. in Engl.)
26. Sirotstvo v Rossii: problemy i puti ih resheniya [Elektronnyi resurs] [Orphanage in Russia: Problems and Solutions]. M., noyabr', 2011. *Filantrop. El.zhurnal o blagotvoritel'nosti [Philanthropist. El.zhurnal charity]*. Moscow, November. 2011. URL: <http://philanthropy.ru/wp-content/uploads/2012/03> (Accessed: 23.12.2016).
27. Social'noe sirotstvo. Problema i puti resheniya. SMI o social'nom sirotstve [Elektronnyi resurs] [Social orphanhood. The problem and the solutions. Media about social orphanhood]. *Sait Blagotvoritel'nogo fonda "Volontery v pomosh' detyam-sirotam" [The site of the Charitable Fund "Volunteers to help orphans"]*. URL: <http://www.otkazniki.ru/forum/index> (Accessed: 23.12.2016)
28. Shul'ga T.I. Osobennosti soprovozhdeniya zameshayushih semei s det'mi raznogo vozrasta. [Elektronnyi resurs]. [Features support foster families with children of different age]. *Portal psihologicheskikh izdaniy PsyJournals.ru [Portal psychological publications PsyJournals.ru]*. URL: <http://psyjournals.ru/childdeprivation/issue/69107.shtml> (Accessed: 23.12.2016)
29. Shul'c D., Shul'c S. Psihologiya i rabota [Psychology and work]. Saint-Petersburg: Piter, 2003. 560 p. (In Russ.).
30. Emons R. Psihologiya vysshih ustremlenii: motivaciya i duhovnost' lichnosti [The Psychology of Ultimate Concerns: Motivation and Spirituality Personality]. Moscow: Smysl, 2004. 416 p. (In Russ.).
31. Holmes T.N., Rahe R.N. The Social Readjustment Rating Scale. *Journal of Psychosomatic Research*, 1967. Vol. 11, no. 2, pp. 213–218.

Языковая компетентность, развитие группы и социометрический статус иностранных студентов в российском вузе (на примере исследования китайских студентов)

М.Ю. ЧИБИСОВА*,
МПГУ, Москва, Россия, marina_jurievna@mail.ru

Е.А. ВЕРЧЕНОВА**,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, katept@bk.ru

В статье рассматриваются результаты эмпирического исследования социально-психологических характеристик развития студенческих групп китайских студентов, обучающихся в российских вузах. В исследовании приняли участие 132 китайских студента в возрасте 18–26 лет, обучающихся на подготовительных факультетах российских вузов. Для проведения исследования был подобран исследовательский инструментарий, необходимый для выявления характеристик группы. На основе полученных результатов было показано, что в китайских студенческих группах существует взаимосвязь социометрического и референтометрического статуса с языковой компетентностью на протяжении всего учебного года. Предполагается, что полученные результаты обусловлены тремя факторами: социально-психологическими, где межличностные отношения зависят от учебной успеваемости человека в группе; культурно-специфическими, где присутствует значимость ценности упорства и усердия в работе (параметр «долгосрочная ориентация на будущее» Г. Хофстеде); а также процессами социокультурной адаптации.

Ключевые слова: *китайские студенты, группообразование, социально-психологические характеристики группы, языковая компетентность, социометрический статус.*

Для цитаты:

Чибисова М.Ю., Верченова Е.А. Языковая компетентность, развитие группы и социометрический статус иностранных студентов в российском вузе (на примере исследования китайских студентов) // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 93–107. doi:10.17759/sps.2017080106

* *Чибисова Марина Юрьевна* — кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия, marina_jurievna@mail.ru

** *Верченова Екатерина Андреевна* — аспирант, кафедра этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, katept@bk.ru

Мировое образовательное пространство в настоящее время характеризуется активным международным сотрудничеством, направленным на расширение сферы деятельности образовательных учреждений, повышение качества образования за счет обмена знаниями в международной образовательной деятельности.

Россия принимает активное участие в создании международной образовательной среды. Признание российского профессионального образования на международном образовательном рынке требует привлечения иностранных студентов для обучения в российских вузах. Предполагается рост притока иностранных студентов с 2,3% в 2011 г. до 10% в 2020 г. (с 300 тыс. до 500 тыс. человек в 2020 г.) [13].

В настоящий момент во многих российских вузах включение иностранных студентов в образовательный процесс происходит следующим образом: сначала студенты обучаются на подготовительном факультете, где осваивают русский язык, общеобразовательные дисциплины и азы специальности, а в дальнейшем продолжают обучение по выбранной специальности на русском языке. То есть на подготовительном факультете группы состоят исключительно из иностранных студентов, а далее они обучаются в поликультурных группах.

Для иностранных студентов обучение в российском вузе сопряжено с определенными вызовами, тесно связанными между собой.

Во-первых, это процессы аккультурации, связанные с необходимостью освоения требований и правил нового общества и новой образовательной среды. В современной психологии сложилась трактовка аккультурации как процесса трансформации культурных ценностей, традиций, религиозных практик, обусловленного непосредственным взаимодействием и взаим-

овлиянием разных культур [15], а также как результата взаимодействия культурных и психологических процессов [20]. Накоплен определенный опыт эмпирического изучения аккультурации в академической среде. Так, например, китайские исследователи Ч. Чонг, С. Лю (С. Cheung, S. Liu) отмечали, что иностранные студенты по сравнению со студентами принимающей культуры сложнее адаптируются к условиям обучения в вузе, поскольку аккультурация влияет на их социальную интеграцию и учебную успеваемость [26]. Исследования Дж. Берри и Р. Энниса показали, что степень социальной интеграции в новую среду зависит от норм и правил принимающей культуры, т. е. чем больше принимающая культура схожа с культурой иностранных студентов, тем более благоприятно проходит процесс аккультурации у студентов [24]. А. Миранда, Д. Умхоэфер (А. Miranda, D. Umhoefer) на примере латиноамериканских студентов показали, что чем больше иностранные студенты принимают чужую культуру и поддерживают свою в процессе аккультурации, тем благоприятнее они интегрируются в новую среду, испытывая наименьший аккультурационный стресс [31].

Вторая группа вызовов, с которыми связано обучение иностранных студентов в российском вузе, — освоение русского языка. Как правило, в России обучаются студенты из стран Азии, Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки, и до обучения в российских вузах только для 6,5% иностранных студентов русский язык является родным, 23% владеют им на среднем уровне и 70,5% не владеют вообще [1]. Именно в силу данного фактора обучение начинается с подготовительного факультета. К тому же иностранные студенты, испытывающие языковые трудности, ощущают не только барьеры в общении с

местными жителями, но и ограниченность в установлении и расширении новых социальных контактов, что влияет на процесс аккультурации и, как следствие, на академическую успеваемость. Проблему владения языком принимающей культуры в процессе аккультурации рассматривали также многие исследователи. Так, например, было выявлено, что чем больше противоречий между принимающей культурой и культурой иностранного студента, тем сложнее освоить новый язык и, как следствие, включиться в новую среду [24]. М.Р. Ли, Б.В. Стрит, М. Пакстон (M.R. Lea, B.V. Street, M. Paxton) выявили, что языковая компетентность способствует благоприятной интеграции в новую среду, поскольку язык является культурно-нагруженным феноменом [31]. О. Ференц, М. Сасаки (O. Ferenz, M. Sasaki) отмечают, что иностранные студенты, показывающие более высокий уровень владения языком, больше включаются в группу большинства, т. е. общности людей принимающей культуры [35]. П. Браун и С.С. Левинсона, Р.Р. Альфаро, Р.Р. Наваретте (P. Brown, S.C. Levinson, R.R. Alfaro, R.R. Navarrete) утверждают, что уровень владения языком связан с едиными групповыми задачами, целями, а также сплоченностью членов группы, поскольку это способ социализации меньшинства в принимающую культуру [22].

В-третьих, в студенческих группах происходят процессы группообразования. Как показывают многочисленные исследования, студенческие группы в своем развитии проходят определенные стадии, характеризующиеся различной выраженностью социально-психологических параметров. Ю.М. Кондратьев, С.А. Багрецов описали, какие этапы развития проходят студенческие группы от первого к пятому курсу [6]. Наряду с

этим М.Ю. Кондратьев показал, что процессы группообразования также сопровождаются трансформацией отношений межличностной значимости в системах «студент—студент», «педагог—студент» [6]. М.Е. Сачкова, М.Н. Расходчикова выявили, что студенческим группам свойственны определенные особенности интрагруппового структурирования и статусных отношений [13].

Рассмотренные выше вызовы позволяют утверждать, что для иностранных студентов процесс адаптации к образовательной среде вуза представляет определенные сложности, что обуславливает необходимость социально-психологического сопровождения иностранных студентов. Как показывают обзоры образовательных практик, поддержка иностранных студентов стала распространенной практикой для образовательных учреждений многих европейских стран [24; 29]. Активно разрабатываются модели сопровождения международных студентов, предполагающие создание комфортных условий их пребывания и поддержку учебной успеваемости. Примерами таких моделей являются: Международная студенческая стратегия Австралии (Совет правительства Австралии, г. Мельбурн); Поддержка иностранных студентов и международный студенческий опыт (Университет Бригганской Колумбии).

Однако в большинстве эмпирических исследований рассматриваются проблемы адаптации иностранных студентов, которые начинают обучение в поликультурных группах (совместно со студентами принимающей культуры и другими иностранцами). Решение практических задач разработки системы психолого-педагогического сопровождения иностранных студентов в условиях рос-

сийского вуза требует наличия эмпирических данных, отражающих специфику социально-психологических процессов, протекающих в группах, где отсутствуют студенты принимающей культуры.

Как показывают данные эмпирических исследований Ю.М. Кондратьева и др., в студенческих группах наблюдается динамика таких социально-психологических характеристик, как социометрия, референтометрия, ценностно-ориентационное единство, сплоченность, психологический климат, а также выявлена ключевая роль языковой компетентности в аккультурации [6]. Следовательно, мы решили остановиться на исследовании взаимосвязи языковой компетентности с показателями развития группы и социометрическим статусом. Под языковой компетентностью мы будем понимать уровень владения русским языком.

Обзор литературы показал, что существуют аналогичные исследования Н.Б. Шнейдер (N.B. Schneider), выявляющие наличие связи между уровнем владения родным языком и социометрическим статусом на примере школьников младших, 5-х, 8-х классов [27]. Результаты этого исследования показывают, что существует связь между языком и социальным статусом, однако, чем старше становятся школьники, тем менее значима связь языка и социометрического статуса, а в некоторых случаях такая корреляция может стать отрицательной, т. е. в младших классах эта корреляция отчетливо прослеживается, в 8-х классах она или слабо выражена, или носит отрицательный характер. Других исследований на примере иностранных студентов, определяющих взаимосвязь между уровнем владения иностранным языком и социометрическим статусом, не выявлено,

что обуславливает актуальность данной исследовательской задачи.

Что касается взаимосвязи групповых параметров и языковой компетентности, то данную проблему рассматривали Р.Р. Альфаро, Р.Р. Наваретте (R.R. Alfaro, R.R. Navarrete) в своих исследованиях на примере студентов в ESL классах (классы, где иммигранты изучают английский язык и, как правило, такие классы поликультурные) [22]. В исследовании была выявлена взаимосвязь сплоченности группы и языковой компетентности в английском языке. Однако данное исследование подразумевало исследование поликультурных групп, а также рассматривало только одну групповую характеристику — сплоченность.

Таким образом, необходимость решения задач сопровождения иностранных студентов и дефицит эмпирических исследований обуславливают актуальность изучения взаимосвязи языковой компетентности не только со сплоченностью, но и другими параметрами группы (ценностно-ориентационным единством, сплоченностью) в монокультурной студенческой группе.

Программа исследования

Выборка. В исследовании принимали участие китайские студенты. Выбор для исследования именно китайских студентов обусловлен, прежде всего, ростом их числа в РФ: они являются самой многочисленной группой иностранных студентов в России. К 2020 г. планируется увеличить количество китайских студентов до 100 тыс. [2]. Кроме того, выбор для исследования именно китайских групп связан с активизацией российско-китайских политических отношений.

В исследовании принимали участие китайские студенты первого года обучения в возрасте 18–26 лет, обучающиеся на факультете русского языка и общеобразовательных дисциплин (подготовительном факультете) Российского университета дружбы народов и филологическом факультете Московского педагогического университета. Выборку исследования составили 132 человека из 24 учебных групп. Все учебные классы целиком состояли из китайских студентов, т. е. это были моноэтнические группы. В одну студенческую группу входили от трех до восьми китайских студентов, т. е. средняя численность группы была 6 человек.

На основании проведенного анализа теоретических концепций группообразования в этнопсихологическом аспекте мы сформулировали *гипотезы исследования*:

1) в китайских студенческих группах в российских университетах показатели развития группы связаны с языковой компетентностью;

2) в китайских студенческих группах в российском университете социометрический и референтометрический статус студентов связан с уровнем языковой компетентности.

Методики исследования. В состав исследовательского инструментария вошли следующие методики: методика определения ценностно-ориентационного единства группы (В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева); методика определения индекса групповой сплоченности (К.Э. Сишор); методика определения социально-психологического климата в ученическом коллективе [16], а также модификация социометрии, референтометрии.

Модификация традиционной исследовательской процедуры была обусловлена тем, что при организации пилотажного исследования в китайских группах мы

столкнулись с трудностями применения данного инструментария, например, с нежеланием студентов отвечать на вопросы, измеряющие антипатию, или трудностями выбора одного или двух человек по степени симпатии. Следовательно, обращая внимание на этнопсихологические аспекты проблемы, а также проанализировав отечественную и зарубежную литературу по вопросам применения социометрии, мы доработали эту методику для использования в группах китайских студентов [5]. Модифицированная социометрическая методика, выявляющая отношения симпатии—антипатии в деловой и личной сферах, состоит из четырех вопросов. Например, «Представьте себе, что на уроке Вам и Вашим одноклассникам дали задание, выполнить которое надо в парах. С кем вы будете выполнять это задание?», «Представьте себе, что на уроке Вам и Вашим одноклассникам дали задание, выполнить которое надо в парах с тем человеком, которого меньше всего знаете и с кем еще не работали вместе». При проведении социометрии использовался метод скрытой нумерации бланков до начала проведения социометрии с целью понижения уровня тревожности опрашиваемых. Особое внимание уделили требованиям организации исследования, а именно процедуре инструктажа опрашиваемых студентов. В устной и письменной форме четко проговаривались цели исследования, значимость результатов для учебной группы, а также обеспечение конфиденциальности.

Для определения уровня языковой компетентности китайских студентов в русском языке рассматривались данные журнала успеваемости по русскому языку.

Процедура проведения исследования. Исследование проводилось на китайском языке. При переводе с русского

на китайский язык мы руководствовались основными параметрами качественного и эффективного перевода для этнопсихологических исследований [22].

Поскольку групповые процессы в студенческой группе являются динамичными, как в любой малой группе, то важно рассмотреть наличие взаимосвязи в начале и в конце первого курса как одного из этапов развития группы. Исследование, выявляющее взаимосвязь языковой компетентности с процессами группообразования и социо-, референтометрическим статусом китайских студентов в российских вузах, проводилось в начале и конце учебного года. Первый замер осуществлялся в октябре, второй — в апреле. Период замера определялся приездом иностранных студентов, обучающихся в вузах России. Китайские студенты приезжали в Россию с августа по октябрь.

Полученные данные статистически обрабатывались посредством программы SPSS. Для выявления различий между показателями групп в начале учебного года и в конце использовался непараметрический Т-критерий Уилкоксона. Для выявления взаимосвязи между параметрами использовался метод ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение

Для проверки справедливости первой гипотезы мы выявляли наличие взаимосвязи между средними групповыми показателями языковой компетентности и средними групповыми показателями развития группы. В табл. 1 представлены полученные результаты.

Значимые корреляции были обнаружены только в первом полугодии и только по одному показателю, а именно по психологическому климату. Взаимосвязи уровня сплоченности и ценностно-ориентационного единства с языковой компетентностью не выявлено ни в первом, ни во втором полугодии.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что на начальном этапе группообразования китайские студенческие группы, демонстрирующие более высокий уровень языковой компетентности, оценивают психологический климат как более благоприятный.

Таким образом, первая гипотеза не подтвердилась.

Рассматривая групповые параметры китайских студенческих групп, мы посчитали важным обратить внимание на

Таблица 1

Взаимосвязь групповых показателей развития китайской студенческой группы с языковой компетентностью в русском языке в первом и втором полугодии

Групповые показатели	Языковая компетентность в русском языке	
	Первое полугодие	Второе полугодие
Сплоченность	Значимой корреляции не обнаружено	Значимой корреляции не обнаружено
Психологический климат	$r = 0.693$, уровень значимости 0.01	Значимой корреляции не обнаружено
Ценностно-ориентационное единство	Значимой корреляции не обнаружено	Значимой корреляции не обнаружено

сопоставлении средних значений сплоченности, психологического климата и ценностно-ориентационного единства в начале и в конце учебного года. В табл. 2 представлены полученные результаты.

Детальное сопоставление двух выборок по средним значениям позволяет сделать заключение, что все групповые параметры в начале и в конце учебного года находятся на высоком уровне и их изменение не является статистически значимым.

Для проверки справедливости второй гипотезы мы выявляли наличие взаимосвязи между индивидуальными показателями языковой компетентности и социометрическим и референтометрическим статусом китайских студентов. В табл. 3 представлены полученные результаты.

На основании полученных данных можно заключить, что и в первом, и во втором полугодии у китайских студентов

существуют положительные корреляционные взаимосвязи между показателями языковой компетентности в русском языке учащегося и социометрического статуса (как формального, так и неформального), а также языковой компетентности и референтометрического статуса.

Итак, можно утверждать, что у китайских студентов существует взаимосвязь между языковой компетентностью в русском языке и социометрическим и референтометрическим статусом: китайские студенты с более высоким уровнем языковой компетентности имеют более высокий социометрический и референтометрический статус, причем данная тенденция сохраняется на протяжении всего учебного года.

Таким образом, вторая гипотеза подтвердилась.

Резюмируя полученные данные, мы получили ряд выводов, которые можно

Таблица 2

Сопоставление средних значений групповых показателей развития в китайских студенческих группах

Групповые показатели	Первое полугодие	Второе полугодие
Сплоченность	15,14	14,80
Психологический климат	51,91	53,95
Ценностно-ориентационное единство	49,93	50,31

Таблица 3

Взаимосвязь языковой компетентности в русском языке с социометрическим и референтометрическим статусом китайских студентов в первом и втором полугодии

Социометрические и референтометрические показатели	Языковая компетентность в русском языке	
	Первое полугодие	Второе полугодие
Социометрический статус формальной сферы	$r = 0.480$, уровень значимости 0.01	$r = 0.395$, уровень значимости 0.01
Социометрический статус неформальной сферы	$r = 0.347$, уровень значимости 0.01	$r = 0.390$, уровень значимости 0.01
Референтометрический статус	$r = 0.297$, уровень значимости 0.01	$r = 0.432$, уровень значимости 0.01

интерпретировать, опираясь на социально-психологические особенности студенческой группы, особенности протекания процесса аккультурации, а также культурно специфические особенности, присущие китайской культуре.

Во-первых, в начале обучения китайские студенческие группы, показывающие более высокий уровень языковой компетентности, оценивают психологический климат группы как более благоприятный, однако в конце года данная тенденция отсутствует.

Взаимосвязь уровня психологического климата в китайских студенческих группах с языковой компетентностью в русском языке может объясняться, в первую очередь, влиянием социально-психологической специфики студенческой группы. Социально-психологический климат в группе складывается в процессе совместной деятельности, а на начальном этапе обучения основная деятельность данных групп связана с освоением русского языка. Как показывают исследования Л.П. Панасенко, А.В. Петровского, психологический климат группы взаимосвязан с успеваемостью, успешностью деятельности группы [9; 10; 11]. Это и позволяет объяснить тот факт, что в группах, где уровень языковой компетентности выше, психологический климат оценивается как более благоприятный.

Однако стоит обратить внимание на то, что подобная взаимосвязь наблюдается только в первом полугодии учебного года. Мы можем предположить, что отсутствие связи языковой компетентности с психологическим климатом в конце года связано с процессами адаптации и социально-психологическими факторами малой группы. Поскольку процесс социокультурной адаптации завершился к концу первого полугодия, то логично утверждать, что по мере

вхождения в новую культуру и освоения ее норм и правил китайские студенты имеют возможность установить новые социальные связи, расширить взаимодействие с местными сообществами, русскими студентами, т. е. расширяются возможности проведения внеучебного времени. Если в начале обучения в китайских студенческих группах преобладала учебная деятельность, то к концу учебного года деятельность студентов расширяется и наряду с учебным взаимодействием в жизни студента активно присутствует неформальное общение. Значимость учебной деятельности как совместной снижается, что и может приводить к отсутствию взаимосвязи психологического климата и языковой компетентности.

Рассматривая полученные данные, важно отметить, что отсутствует корреляция между языковой компетентностью и ценностно-ориентационным единством, сплоченностью в начале и в конце учебного года. Для объяснения этого факта необходимо отметить, что показатели сплоченности и ценностно-ориентационного единства в изученных группах не изменяются в течение учебного года и остаются стабильно высокими. Подобные результаты можно объяснить особенностями китайской культуры. Китайские сообщества характеризуются высоким уровнем сплоченности, устойчивости, взаимопомощи, а также следованием единым установкам, ценностям, присущим данной культуре [17]. Такие сообщества представляют собой прочные и стабильные группы, члены которых принимают и поддерживают культурные ценности. Поскольку социально-психологические характеристики китайских групп отражают значимые культурные ценности, они не связаны с таким динамичным параметром, как языковая компетентность в русском языке.

Во-вторых, мы обнаружили, что китайские студенты, показывающие более высокий уровень языковой компетентности, имеют более высокий социометрический и референтометрический статус, причем данная тенденция сохраняется на протяжении всего года.

Этот факт также можно интерпретировать, опираясь на социально-психологические особенности студенческой группы. Как отмечает М.А. Сомов, межличностные отношения зависят от успеваемости человека в группе [14]. Ф.М. Рахматулина отмечает, что межличностные отношения в студенческой группе связаны с успешностью в учебной деятельности [12]. Можно предположить, что положение китайского студента в системе межличностных отношений связано с его успеваемостью в группе, а именно с уровнем его языковой компетентности. Высококатегорными в китайской учебной группе являются студенты с высокой учебной успеваемостью, следовательно, хорошо владеющие русским языком.

Стоит отметить, что связь языковой компетентности в русском языке и социо-и референтометрическим статусом китайских студентов также может объясняться не только социально-психологическими аспектами группы, но и культурными. Согласно модели Г. Хофстеде, китайская культура характеризуется высокими баллами по параметру «долгосрочная временная ориентация» («конфуцианский динамизм» в теории М. Бонда). Данный параметр включает высокую важность таких ценностей, как упорство, усердие в работе. В китайской культуре успех приписывается труду, неудача — отсутствию усилий, к тому же для упорной работы китайские студенты открыты новым знаниям и готовы учиться у других. Таким образом,

успеваемость, а именно языковая компетентность в русском языке, является значимым показателем усердной и упорной работы. Высокая значимость данных характеристик и позволяет объяснить взаимосвязь между социо- и референтометрическим статусом и уровнем языковой компетентности.

Заключение

Таким образом, мы показали, что в китайских студенческих группах в российских вузах существует взаимосвязь языковой компетентности и социо- и референтометрического статуса. Однако отсутствует связь языковой компетентности и групповых показателей, несмотря на то, что ранее проведенные исследования показывали наличие этой связи, хоть и по одному параметру группы — сплоченности (Р.Р. Альфаро, Р.Р. Наваретте). На наш взгляд, это объясняется тем, что взаимосвязь языковой компетентности и групповых параметров развития группы имеет сложный характер, который может быть обусловлен влиянием культурно-универсальных и культурно-специфических особенностей развития группы. Культурно-универсальные особенности развития группы подразумевают общекультурные закономерности, находящие отражение у представителей различных этнических групп, а культурно-специфические закономерности определяют особенности развития группы, включающей представителей конкретной этнической культуры. Подобное понимание процессов группообразования в группах иностранных студентов требует дальнейших исследований, прежде всего сравнительных, для уточнения роли культурно-универсальных и культурно-специфических факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э.* Иностранцы студенты в российских вузах. М.: Центр социологических исследований, 2014. 228 с.
2. *Арефьев А.Л.* Китайские студенты в России // Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 54–66.
3. *Афонасенко Е.В.* Особенности этнического самосознания современной учащейся молодежи Китая и России: дисс. канд. психол. наук. М., 2004. 229 с.
4. *Васильева Е.* Образовательные обмены в сотрудничестве высших школ России и Китая // Международные гуманитарные связи: материалы заочных сессий ежеквартальной студенческой научной конференции. Т. VII: Материалы седьмой заочной сессии (1–9 марта 2015 г.) Санкт-Петербург: Оргкомитет ежеквартальной студенческой научной конференции «Международные гуманитарные связи», 2015. С. 29–36.
5. *Верченко Е.А.* О применении социометрии в кросс-культурном исследовании (на материале китайских студентов) // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 3. С. 142–151.
6. *Кондратьев Ю.М.* Особенности отношений межличностной значимости в системах «студент – студент» и «преподаватель – студент» в современном российском вузе: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005. 131 с.
7. *Ларин А.Г.* Китай и зарубежные китайцы. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. 94 с.
8. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009. 512 с.
9. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб.: Питер, 1997. 688 с.
10. *Панасенко Л.П.* Влияние академической группы на успешность учения студентов: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Л., 1974. 22 с.
11. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982. 255 с.
12. *Петровский А.В.* Психологическая теория коллектива. М.: Педагогика, 1979. 240 с.
13. *Расходчикова М.Н.* Взаимосвязь этапов вхождения в ученическую группу и статусной позиции старшеклассников и студентов: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2009. 122 с.
14. *Рахматуллина Ф.М.* Мотивационная основа учебной деятельности и познавательной активности личности: Психологическая служба в вузе. Казань: Изд-во Казанского университета, 1981. 240 с.
15. *Рязанцев С.В.* Китайская миграция в Россию: тенденции и стратегии регулирования [Электронный ресурс] // Россия в БРИКС brics.mid.ru. 2011. URL:<http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/72E2FE67858A3B65C3257859005A82AD> (дата обращения: 10.08.2015).
16. *Сомов М.А.* Влияние успеваемости школьника на его положение в системе межличностных отношений в классе: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1984. 135 с.
17. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2004. 368 с.
18. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. 339 с.
19. *Цунбин Л.* Особенности этнического самосознания современной учащейся молодежи Китая: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2006. 269 с.
20. *Чеснокова Н.В.* Этнокультурные аспекты адаптации китайских студентов в России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 1. С. 80–86.

21. *Adeogun A.A., Olisaemeka B.U.* Influence of school climate on students' achievement and teachers' productivity for sustainable development // US-China education. 2011. Vol. 8. № 4. P. 552–557.
22. *Alfaro R.R., Navarrete R.R.* Interactivity in second language via social identity and group cohesiveness // Letras. 2010. Vol. 2. № 48. P. 193–208.
23. *Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. P. 697–712. doi: 10.1016/j.ijintrel.2005.07.013
24. *Berry J.W.* Psychology of acculturation: Understanding individuals moving between cultures // Ethnic psychology: Research and practice with immigrants, refugees, Native Peoples, ethnic groups and sojourners / J.W. Berry. RC. Annis (ed.). Lisse.: Swets and Zeitlinger, 1988. P. 1–40.
25. *Chen X., Kenneth H.R., Li D.* Relation between academic achievement and social adjustment: evidence from Chinese children // Developmental psychology. 1997. Vol. 33. № 3. P. 518–525.
26. *Cheung, C.K., Llu, S.C.* Acculturation, social integration and school achievement among low-ability seventh graders' school achievement in Hong Kong // International Journal of Adolescence and Youth. 2000. Vol. 8. № 1. P. 81–108.
27. Children's peer relations: Issues in assessment and intervention / Schneider B.H., Rubin K.H., Ledingham J.E. (ed.). N. Y.: Springer-Verlag, 1985. 281 p.
28. *Hambleton R.K., Zenisky A.L.* Translating and adapting tests for cross-cultural assessments // Cross-Cultural Research Methods in Psychology / D. Matsumoto, F.J.R. van de Vijver (ed.). N.Y.: Cambridge University Press, 2011. P. 46–70. doi: 10.1017/CBO9780511779381.004
29. *Hofstede G., Bond M.H.* The Confucius Connection: from cultural roots to economic growth // Organizational dynamics. 1988. Vol. 16. № 4. P. 4–21.
30. *Kelo M.* The challenges of QA of CBHE: Higher education institutions [Электронный ресурс] // Presentation of the higher education providers survey at the European Regional Forum. 2014. URL: http://www.enqa.eu/wp-content/uploads/2014/12/QA-CHE-European-HEI-London_MK.pdf (дата обращения: 13.08.2016).
31. *Miranda A.O., Umhoefer D.L.* Depression and social interest differences between Latinos in dissimilar acculturation stages // Journal of Mental Health Counseling. 1998. Vol. 20. № 2. P. 159–171.
32. *Rubinfeld S., Sinclair L., Clément R., 2007.* Second language learning and acculturation: The role of motivation and goal content congruence // Canadian Journal of Applied Linguistics. 2007. Vol. 10. № 3. P. 308–322.
33. *Soponarü C., Tincu C., Iorga M.* The influence of the sociometric status of students on academic achievement // An international review of the humanities and social sciences. 2014. Vol. 5. Iss 2. P. 149–168.
34. Supporting and Enhancing the Experience of International Students in the UK [Электронный ресурс] // The Quality Assurance Agency for Higher Education. 2015. URL: <http://www.qaa.ac.uk/en/Publications/Documents/quality-code-B10.pdf> (дата обращения: 04.08.2016).
35. *Thapa A., Cohen J., Guffey S., Higgins-D'Alessandro A.* A review of school climate research // Review of educational research. 2013. Vol. 83. P. 357–385. doi: 10.3102/0034654313483907.
36. The Development of the Social and Academic Identities of International Students in English speaking Higher Education Institutions [Электронный ресурс] // School of Foundation and English Language Studies. 2014. URL: <http://www.bpp.com/delegate/r/content/The-Development-of-the-Social-and-Academic-Identities-of-International-Students-in-English-Speaking-Higher-Education-Institutions.pdf> (дата обращения: 03.08.2016).

Language competency, group development and sociometric status of foreign students in Russian higher education institutions (a case study of Chinese students)

M. YU. CHIBISOVA*,

Moscow State University of Education, Moscow, Russia, marina_jurievna@mail.ru

E.A. VERCHENOVA**,

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, katept@bk.ru

The article presents the results of an empirical study of Socio-psychological characteristics of group of Chinese students who are studying at Russian universities. 132 Chinese students aged between 18 to 26 years from Foundation course were involved in the study. Using investigational methods we found a correlation between language competence and sociometric and referentometric status of Chinese students throughout the academic year. It is expected that the acquired results are due to three factors: socio-psychological, where interpersonal relationships depend on the students' achievements; cultural-specific factors, where tenacity and diligence in work are valuable, and processes of socio-cultural adaptation.

Keywords: student group, international students, Chinese students, group development, processes group formation, language competence.

REFERENCES

1. Aref'ev A.L., Sheregi F.Je. Inostrannye studenty v rossijskikh vuzah [The foreign students in Russian universities]. Moscow: Centr sociologicheskikh issledovaniy, 2014. 228 p.
2. Aref'ev A.L. Kitajskie studenty v Rossii [Chinese students in Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher education in Russia]*, 2010, no. 12, pp. 54–66. (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Afonassenko E.V. Osobennosti jetnicheskogo samosoznaniya sovremennoj uchashhejsja molodezhi Kitaja i Rossii: diss. kand. psihol. nauk. [Peculiarities of ethnic identity of modern youth of China and Russia. Ph. D. (Psychology) diss.]. Moscow, 2004. 229 p.

For citation:

Chibisova M.Yu., Verchenova E.A. Language competency, group development and sociometric status of foreign students in Russian higher education institutions (a case study of Chinese students). *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 93–107. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080106

* Chibisova Marina Yu. — Ph.D. (Psychology), Associate Professor, chair of social pedagogy and psychology, Moscow State University of Education, Moscow, Russia, marina_jurievna@mail.ru

** Verchenova Ekaterina A. — Postgraduate student, Faculty of the Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, katept@bk.ru

4. Vasil'eva E. Obrazovatel'nye obmeny v sotrudnichestve vysshih shkol Rossii i Kitaja [Educational exchanges in collaboration of higher schools in Russia and China]. *Mezhdunarodnye gumanitarnye svjazi: materialy zaochnyh sessij ezhekvartal'noj studencheskoj nauchnoj konferencii*. Tom VII: Materialy sed'moj zaochnoj sessii (1–9 marta 2015 g.) [*International humanitarian communication: proceedings of the in absentia sessions, quarterly student conference*. Volume VII: proceedings of the seventh session of the correspondence]. Saint-Petersburg: Orgkomitet ezhekvartal'noj studencheskoj nauchnoj konferencii “*Mezhdunarodnye gumanitarnye svjazi*”, 2015. pp. 29–36
5. Verchenova E.A. O primenении sociometrii v kross-kul'turnom issledovanii (na materiale kitajskih studentov) [On the Problem of Applying Sociometric Techniques in Cross-Cultural Research (with Chinese Student Groups as an Example)]. *Social'naja psihologija i obshhestvo* [*Social psychology and society*], 2014, no. 3. pp. 142–151. (In Russ., Abstr. in Engl.).
6. Kondrat'ev Y.M. Osobennosti otnoshenij mezhlíčnostnoj znachimosti v sistemah “student – student” i “prepodavatel' – student” v sovremennom rossijskom vuze: diss. kand. psihol. nauk. [Peculiarities of the importance of interpersonal relations in the systems “student – student” and “teacher – student” in modern Russian university. Ph. D. (Psychology) diss]. Moscow, 2005. 131 p.
7. Larin A.G. Kitaj i zarubezhnye kitajcy [China and international Chinese]. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2008. 94 p.
8. Larin A.G. Kitajskie migranty v Rossii. Istorija i sovremennost' [Chinese migrants in Russia. History and modern]. Moscow: Vostochnaja kniga, 2009. 512 p.
9. Majers D. Social'naja psihologija [Social psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 1997. 688 p.
10. Panasenko L.P. Vlijanie akademicheskoi gruppy na uspeshnost' učenija studentov: avtoref. diss. ... kand. ped. Nauk [Influence of the academic group on the successful teaching of students. Ph. D. (Pedagogy) Thesis]. Leningrad, 1974. 22 p.
11. Petrovskij A.B. Lichnost'. Dejatel'nost'. Kollektiv [Personality. Activity. Collective]. Moscow: Politizdat, 1982. 255 p.
12. Petrovskij A.V. Psihologičeskaja teorija kollektiva [Psychological theory of the collective]. Moscow: Pedagogika, 1979. 240 p.
13. Rahmatullina F.M. Motivacionnaja osnova uchebnoj dejatel'nosti i poznavatel'noj aktivnosti lichnosti: Psihologičeskaja sluzhba v vuze [Motivational basis of educational activity and cognitive activity of personality: Psychological service at the University]. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1981. 240 p.
14. Rashodchikova M.N. Vzaimosvjaz' jetapov vhozhdenija v učenicheskuju gruppy i statusnoj pozicii starsheklassnikov i studentov: diss. kand. psihol. nauk. [The relationship between stages of entering in the students group and status position of high school student and students. Ph. D. (Psychology) diss]. Moscow, 2009. 122 p.
15. Rjazancev S.V. Kitajskaja migracija v Rossiju: tendencii i strategii regulirovanija [Elektronnyj resurs] [The Chinese migration to Russia: trends and management strategies]. 2011. *Rossija v BRIKS brics.mid.ru* [*Russia in the BRICS brics.mid.ru*]. URL: <http://www.brics.mid.ru/brics.nsf/WEBforumBric/72E2FE67858A3B65C3257859005A82AD> (accessed 10.08.2015).

16. Somov M.A. Vlijanie uspevaemosti shkol'nika na ego polozhenie v sisteme mezhllichnostnyh otnoshenij v klasse: diss. ... kand. psihol. nauk [The influence of student achievement on his position in the system of interpersonal relations in the classroom. Ph. D. (Psychology) diss]. Moscow, 1984. 135 p.
17. Stefanenko T.G. Etnopsihologija [Ethnopsychology]. Moscow: Aspekt Press, 2004. 368 p.
18. Fetiskin N.P., Kozlov V.V., Manujlov G.M. Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitija lichnosti i malyh grupp [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow: Izd-vo Instituta Psihoterapii, 2002. 339 p.
19. Cun'in L. Osobennosti jetnicheskogo samosoznanija sovremennoj uchashhejsja molodjozhi Kitaja: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk [Peculiarities of ethnic identity of modern youth of China. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2006. 269 p.
20. Chesnokova N.V. Jetnokul'turnye aspekty adaptacii kitajskih studentov v Rossii [Ethno-cultural aspects of adaptation of Chinese students in Russia]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija [Oikoumene. Regional studies research]*, 2012, no. 1, pp. 80–86. (In Russ., Abstr. in Engl.).
21. Adeogun A. A., Olisaemeka B.U. Influence of school climate on students' achievement and teachers' productivity for sustainable development. *US-China education*, 2011. Vol. 8, no. 4, pp. 552–557.
22. Alfaro R.R., Navarrete R.R. Interactivity in second language via social identity and group cohesiveness. *Letras*, 2010. Vol. 2, no. 48, pp. 193–208.
23. Berry J. W. Acculturation: Living successfully in two cultures. *International Journal of Intercultural Relations*, 2005. Vol. 29, pp. 697–712. doi: 10.1016/j.ijintrel.2005.07.013
24. Berry J.W. Psychology of acculturation: Understanding individuals moving between cultures. J.W. Berry, R.C. Annis (ed.) *Ethnic psychology: Research and practice with immigrants, refugees, Native Peoples, ethnic groups and sojourners*. Lisse: Swets and Zeitlinger, 1988, pp. 1–40.
25. Chen X., Kenneth H.R., Li D. Relation between academic achievement and social adjustment: evidence from Chinese children. *Developmental psychology*, 1997. Vol. 33, no. 3, pp. 518–525.
26. Cheung C.K., Llu S.C. Acculturation, social integration and school achievement among low-ability seventh graders' school achievement in Hong Kong. *International Journal of Adolescence and Youth*, 2000. Vol. 8, no 1, pp. 81–108.
27. Children's peer relations: Issues in assessment and intervention / Schneider B.H., Rubin K.H., Ledingham J.E. (ed.). N. Y.: Springer-Verlag, 1985. 281 p.
28. Hambleton R.K., Zenisky A.L. Translating and adapting tests for cross-cultural assessments. D. Matsumoto, F.J.R.van de Vijver (ed.) *Cross-Cultural Research Methods in Psychology*. New York: Cambridge University Press, 2011, pp. 46–70. doi: 10.1017/CBO9780511779381.004
29. Hofstede G., Bond M.H. The confucius Connection: from cultural roots to economic growth. *Organizational dynamics*, 1988. Vol. 16, no. 4, pp. 4–21.
30. Kelo M. The challenges of QA of CBHE: Higher education institutions [Elektronnyi resurs]. *Presentation of the higher education providers survey at the European Regional Forum*, 2014. URL: http://www.enqa.eu/wp-content/uploads/2014/12/QACHE-European-HEI-London_MK.pdf (accessed 13.08.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).

31. Miranda A.O., Umhoefer D.L. Depression and social interest differences between Latinos in dissimilar acculturation stages. *Journal of Mental Health Counseling*, 1998. Vol. 20, no 2, pp. 159–171.
32. Rubenfeld S., Sinclair L., Clément R., 2007. Second language learning and acculturation: The role of motivation and goal content congruence. *Canadian Journal of Applied Linguistics*, 2007. Vol. 10, no. 3, pp. 308–322.
33. Soponaru C., Tincu C., Iorga M. The influence of the sociometric status of students on academic achievement [Elektronnyi resurs]. *An international review of the humanities and social sciences*, 2014. Vol. 5, Iss 2, p. 149–168.
34. Supporting and Enhancing the Experience of International Students in the UK [Elektronnyi resurs]. *The Quality Assurance Agency for Higher Education*, 2012. URL: <http://www.qaa.ac.uk/en/Publications/Documents/quality-code-B10.pdf> (accessed 04.08.2015). (In Russ., Abstr. in Engl.).
35. Thapa A., Cohen J., Guffey S., Higgins-D'Alessandro A. A review of school climate research. *Review of educational research*, 2013. Vol. 83, pp. 357–385. doi: 10.3102/0034654313483907.
36. The Development of the Social and Academic Identities of International Students in English speaking Higher Education Institutions [Elektronnyi resurs]. *School of Foundation and English Language Studies*, 2014. URL: <http://www.bpp.com/delegate/r/content/The-Development-of-the-Social-and-Academic-Identities-of-International-Students-in-English-Speaking-Higher-Education-Institutions.pdf> (accessed 03.08.2016). (In Russ., Abstr. in Engl.).

Самоотношение и отношения со значимыми взрослыми как факторы удовлетворенности жизнью у подростков

Л.А. ГОЛОВЕЙ*,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, lgolovey@yandex.ru

М.В. ДАНИЛОВА**,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, dan_m@mail.ru

Ю.Ю. ДАНИЛОВА***,
СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия, jdanilova@mail.ru

Статья посвящена исследованию факторов, влияющих на удовлетворенность жизнью у подростков, воспитывающихся в семьях и в детских домах. Изучаются самоотношение, доверие к себе и отношения со значимыми взрослыми. Выборка: 96 подростков 14–16 лет, (46 живут в детских домах). Методы: Методика самоотношения (МИС) С.Р. Пантилеева, Опросник доверия Т.П. Скрипкиной, Опросник детско-родительских отношений (О.А. Карабанова, П.В. Трояновская), Шкала удовлетворенности жизнью (Е. Динер). Исследование показало, что у воспитанников детских домов доверие к себе в важнейших сферах жизнедеятельности выражено существенно ниже, чем у их сверстников, воспитывающихся в семье. В представлениях подростков об их отношениях со значимыми взрослыми также получены достоверные различия, свидетельствующие о меньшей эмоциональной и коммуникативной близости подростков-сирот с воспитателем при более высокой авторитарности взрослого и игнорировании материальных потребностей воспитанников. Исследование показало, что уровень удовлетворенности жизнью у воспитанников детского дома суще-

Для цитаты:

Головей Л.А., Данилова М.В., Данилова Ю.Ю. Самоотношение и отношения со значимыми взрослыми как факторы удовлетворенности жизнью у подростков) // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 108–125. doi:10.17759/sps.2017080107

* Головей Лариса Арсеньевна — доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, lgolovey@yandex.ru

** Данилова Марина Викторовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, dan_m@mail.ru

*** Данилова Юлия Юрьевна — аспирант факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, jdanilova@mail.ru ru

ственно ниже среднего значения и достоверно ниже соответствующего показателя у подростков из семей. В роли предикторов удовлетворенности жизнью у воспитанников детского дома выступают позитивное самоотношение, доверие к себе в интеллектуальной деятельности, адекватность образа воспитанника в глазах воспитателя. У подростков из семей в поддержании субъективного благополучия задействовано большее число факторов.

Ключевые слова: *субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью, личность, самоотношение, межличностные отношения, среда развития, подростки из семей, подростки из детского дома.*

Благополучие человека как одна из основополагающих ценностей современного общества является междисциплинарной категорией и находится в фокусе внимания целого ряда наук. Специфика психологического подхода к исследованию благополучия и, в частности, удовлетворенности жизнью заключается, прежде всего, в том, что акцент делается именно на субъективный характер рассматриваемого феномена [35]. М. Селигман [40] и М. Аргайл [2] определяют удовлетворенность жизнью как субъективное представление о том, что события и ситуации жизни складываются благополучно, как оценку дистанции между актуальной ситуацией и представлением о ситуации идеальной. В рамках данного подхода выработано представление о трехкомпонентной структуре субъективного благополучия, включающей присутствие положительного аффекта, отсутствие отрицательного аффекта и удовлетворенность жизнью. Первые два компонента — это динамические эмоциональные составляющие субъективного благополучия, в то время как удовлетворенность жизнью является обобщенной и статичной когнитивной его оценкой [33; 38].

В ряде исследований удовлетворенность жизнью понимается как субъективная оценка жизненной ситуации человека, включающая весь спектр внутренних переживаний, связанных с бла-

гополучием [6; 10; 29]. В данной работе удовлетворенность жизнью мы рассматриваем как один из компонентов субъективного благополучия личности.

Эмпирические исследования субъективного благополучия показали его высокую обусловленность внутренними и внешними факторами. Так, E. Diener [34] установил, что личностные черты объясняют от 40 до 50% изменчивости в субъективном благополучии и в связи с этим предположил, что счастье можно до некоторой степени считать личностной чертой. Ряд исследователей рассматривают черты личности, такие как самопринятие, направленность на саморазвитие, в качестве составляющих психологического благополучия [39]. В качестве внутренних, личностных факторов рассматривают также позитивную оценку здоровья, личностную автономию, самоотношение, оптимизм, личностный рост. К отрицательно коррелирующим факторам относят слабость соматического здоровья, негативный фон настроения, низкую самооценку, высокую тревожность [2; 15; 16; 32; 37]. Что касается подросткового возраста, то личностными характеристиками, связанными с субъективным благополучием и счастьем (Subjective Well-Being or happiness), исследователи называют ориентацию на саморазвитие (Self-directedness), которая способствует

благополучию, и направленность на избегание неудач (Harm Avoidance), препятствующую ощущению благополучия [36].

Внешними факторами, позитивно влияющими на удовлетворенность жизнью, для разных возрастных групп являются удовлетворяющий субъекта социальный статус, его включенность в значимые социальные взаимодействия, профессиональную деятельность, досуговую и творческую активность, брачные отношения, материальное положение. К факторам негативного влияния относят бедность, а также социальную изоляцию и отсутствие значимых социальных контактов [1; 2; 4; 6; 11]. Зарубежные и отечественные исследования субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью как его составляющей выявили их особенности в зависимости от страны проживания, этнической идентичности, социальных условий жизни [3; 30; 34].

Установлено, что удовлетворенность жизнью, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на настроение человека, его психическое состояние, психологическую устойчивость [10].

Вместе с тем исследований этого феномена у подростков крайне мало, и их результаты носят противоречивый характер. Так, по результатам Международного отчета, посвященного психологическому здоровью подростков, эта возрастная группа в целом удовлетворена своей жизнью. Подростки демонстрируют позитивную самооценку и уверенность в себе. [27]. В то же время масштабное исследование, проведенное в 1992–2008 гг. на различных экспериментальных площадках России, Украины, Киргизии, показало, что у 30% обследованных подростков отмечается существенное превышение допустимого для данной возрастной категории уровня эмоционального неблагополучия и депрессивности [20].

Исследования, проведенные на подростках, указывают на важную роль семьи, ее материального достатка, общения с родителями и позитивного отношения к школе в формировании их психического и соматического здоровья [27]. В сиротских учреждениях основные воспитательные функции возложены на педагога. Исследователи показывают важную роль авторитета педагога и высокую значимость отношений с ним для разновозрастных групп воспитанников [7; 8]. Педагог в этих условиях выступает в качестве значимого социального взрослого, который оказывает существенное влияние на развитие личности подростка и его психологическое благополучие [7]. Вместе с тем, широко описаны последствия семейной депривации [21; 22; 23; 24]. У воспитанников сиротских учреждений исследователи отмечают проявления замкнутости, недоверия к окружающим, робости, озабоченности. Характерные для подросткового возраста изменения в самосознании, связанные с формированием собственной системы самооценивания и самоотношения, проявляются в сниженной самооценке и завышенных притязаниях, что отражает личностную незрелость и неадекватное представление о себе [4; 5; 13; 17]. Таким образом, многочисленные исследования свидетельствуют о том, что воспитание в условиях семейной депривации влечет за собой нарушения в системе самоотношения и отношений со значимыми взрослыми. В то же время эти показатели могут выступать в качестве важнейших факторов, влияющих на удовлетворенность жизнью подростков.

Все вышесказанное делает актуальным исследование удовлетворенности жизнью у подростков, воспитывающихся в разных условиях, в том числе в условиях сиротских учреждений, и выявление

влияния самооотношения и восприятия отношений со значимыми взрослыми на удовлетворенность жизнью.

Задачи, гипотезы, методы исследования

Задачами исследования стали: изучение самооотношения и доверия к себе в разных сферах жизнедеятельности у подростков, воспитывающихся в семьях и в сиротском учреждении; изучение отношений со значимыми взрослыми в зависимости от условий воспитания; исследование удовлетворенности жизнью подростков, проживающих в семьях и сиротских учреждениях; выявление факторов, влияющих на удовлетворенность жизнью подростков в зависимости от условий социализации.

В качестве *гипотез* были выдвинуты предположения о наличии различий в показателях удовлетворенности жизнью в зависимости от условий социализации подростков. Мы предположили, что значимыми факторами, взаимосвязанными с удовлетворенностью жизнью, могут быть самооотношение, доверие к себе в разных сферах жизнедеятельности и качество отношений со значимыми взрослыми. При этом роль ведущих факторов может видоизменяться в зависимости от условий социализации.

Методы исследования: Методика исследования самооотношения (МИС) С.Р. Панталева [19]; Рефлексивный опросник доверия Т.П. Скрипкиной (модификация для школьников) [12]; Опросник детско-родительских отношений для подростков (О.А. Карабанова, П.В. Трояновская) [14]. Для диагностики удовлетворенности жизнью использовалась Шкала субъективного психологиче-

ского благополучия (Е. Динер) [18; 33]. Математико-статистическая обработка данных включала сравнительный анализ по t-критерию Стьюдента, корреляционный анализ (по Спирмену), дисперсионный и регрессионный анализ.

Выборка. В исследовании участвовали подростки в возрасте от 14 до 16 лет, всего 96 человек. В том числе 46 подростков, воспитывающихся в сиротских учреждениях (26 девушек, 20 юношей, средний возраст 15 лет) и 50 подростков, воспитывающихся в полных семьях (25 девушек, 25 юношей, средний возраст 15,5 лет).

Результаты исследования

Анализ параметров самооотношения подростков обнаружил, что все показатели самооотношения находятся в обеих исследуемых группах в пределах средних значений (разброс показателей по различным шкалам составил от 4,70 до 6,72 балла). При этом в группе подростков из семей диапазон значений составляет от 5,30 до 6,72 баллов, в группе подростков из детского дома он составил от 4,7 до 6,60 баллов. Процедура однофакторного дисперсионного анализа достоверных различий между группами не выявила. Обращает на себя внимание более низкая вариативность почти по всем параметрам самооотношения подростков из детского дома, что, по-видимому, подчеркивает относительно устойчивый характер этих показателей и специфическую роль общей среды воспитания.

Анализ параметров доверия к себе как одной из сфер самооотношения личности выявил, что подростки, воспитывающиеся родителями, демонстрируют высокий уровень доверия к себе в умении строить взаимоотношения в семье, с родителями,

с друзьями, а также в умении провести свой досуг. Подростки, воспитывающиеся в детском доме, отмечают доверие к себе в способности строить взаимоотношения с друзьями, маленькими детьми и в семье. При этом у подростков из детского дома уровень доверия во всех сферах жизнедеятельности ниже, чем у подростков из семей (только три показателя из одиннадцати попадают в зону высоких значений). В то время как у подростков из семей десять показателей доверия находятся в зоне высоких значений и лишь один — в зоне средних значений (табл. 1). Достоверные различия между группами обнаружены по показателям доверия к себе в интеллектуальной деятельности ($p \leq 0.01$), в учебе ($p < 0.01$), доверии в семье и в отношениях с родителями ($p < 0.05$). Это свидетельствует о существенно более низкой уверенности в себе в указанных сферах деятельности у подростков, воспитывающихся в детском доме (табл. 1).

Анализ параметров восприятия детско-родительских отношений в группе подростков, воспитывающихся в семье, и отношений воспитанник—воспитатель в группах подростков из детского дома также выявил достоверные различия по ряду параметров (табл. 2). Отметим, что подростки из семей оценивали отношения к ним родителей, а подростки, воспитывающиеся в детском доме, отношение воспитателей (значимых «социальных взрослых»).

Дисперсионный анализ выявил достоверные различия между группами подростков с разным семейным статусом по всем параметрам эмоционального блока отношений. Подростки, воспитывающиеся в детском доме, в меньшей степени ощущают любовь, принятие ($p < 0.01$), эмоциональную близость, эмпатию ($p < 0.05$). В то же время они сталкиваются с эмоциональным дистанцированием ($p < 0.01$) со стороны лица, выполняющего воспитательную функцию (табл. 2).

Таблица 1
Данные рефлексивного опросника уровня доверия к себе

Параметры доверия к себе (в баллах)	Воспитанники сиротских учреждений		Подростки из семьи		t-критерий Стьюдента	p
	М	σ	М	σ		
В учебной деятельности	4.24	1.13	5.04	0.92	-2.632	0.012
В интеллектуальной деятельности	4.19	1.12	5.07	1.12	-2.720	0.009
В быту	4.71	1.18	4.82	0.98	-0.336	0.739
С друзьями	5.19	1.16	5.32	0.81	-0.439	0.663
С младшими учениками	4.38	1.56	5.32	0.81	-1.763	0.087
С учителями	4.57	1.07	5.11	0.87	-1.866	0.070
В семье	5.05	1.28	5.54	0.57	-1.790	0.050
С маленькими детьми	5.14	1.38	5.00	1.05	0.394	0.696
С родителями	4.67	1.23	5.36	0.95	-2.128	0.040
С противоположным полом	4.71	1.45	5.04	0.99	-0.870	0.390
В досуге	4.71	1.27	5.21	0.83	-1.568	0.126

Примечание: М — среднее значение; σ — стандартное отклонение (здесь и далее).

Таблица 2

**Параметры отношений «подросток–взрослый» по оценке воспитанников
детского дома и подростков из семей (баллы)**

Шкала	Воспитанники учреждений		Подростки из семьи				Р Воспита- тель-мать	Р Воспита- тель-отец
	Отношения с воспитателем		Отношения с матерью		Отношения с отцом			
	М	σ	М	σ	М	σ		
Эмоциональный блок								
Принятие	19.0	7.63	25.71	4.58	25.38	5.50	0.002	0.004
Эмпатия	17.35	7.31	23.54	5.34	21.58	5.28	0.003	0.038
Эмоциональная дистанция	14.75	4.97	19.96	5.15	19.00	5.51	0.001	0.01
Блок общения								
Сотрудничество	17.90	6.68	23.43	5.01	22.38	5.33	0.004	0.028
Принятие решений	17.10	5.05	22.04	4.62	20.67	6.22	0.001	0.042
Конфликтность	8.40	3.22	6.86	2.55	7.04	3.07	0.084	0.052
Автономность	19.40	5.64	25.21	3.57	24.92	4.44	0.000	0.001
Блок контроля								
Требовательность	19.60	3.72	21.21	3.20	20.25	4.99	0.125	0.624
Мониторинг	20.95	5.81	22.93	4.84	19.79	5.75	0.221	0.512
Контроль	22,25	4,01	21,79	4,98	22,25	4,01	0,723	0,06
Авторитарность	19.25	5.81	15.68	4.97	14.58	6.4	0.045	0.021
Особенности оказания поощрений и реализации наказаний								
Оказание поощрений	11.90	2.29	13.14	2.07	13.0	1.82	0.061	0.091
Реализация наказаний	8.05	2.33	6.89	2.69	7.04	3.64	0.119	0.273
Дополнительные шкалы								
Непоследовательность	16.35	4.49	15.54	4.41	15.42	6.54	0.536	0.579
Неуверенность	14.40	4.54	14.57	3.88	14.58	4.99	0.892	0.899
Удовлетворение потребностей ребенка	18.75	6.02	24.71	4.18	24.42	4.97	0.001	0.002
Неадекватность образа ребенка	17.10	5.18	14.82	4.03	14.21	4.53	0.109	0.06

Анализ параметров блока общения и взаимодействия показывает, что для воспитателей детского дома в меньшей степени характерна направленность на сотрудничество с воспитанниками ($p < 0.05$), на демократичную схему принятия решений ($p < 0.05$), чем для родителей. Воспитанники детского дома воспринимают фигуру воспитателя

как более директивную ($p < 0.05$), менее склонную доверять им ответственность за поступки и действия ($p < 0.01$).

По большинству параметров блока контроля достоверных различий не обнаружено. Однако показатели «авторитарности» и «контроля» свидетельствуют, что подростки из детских домов ощущают большую власть и контроль воспи-

тывающего лица ($p < 0.05$). Выявленные различия по шкале «удовлетворение потребностей ребенка» свидетельствуют о том, что подростки-сироты чаще отмечают недостаток внимания, информации и игнорирование материальных потребностей со стороны воспитателей ($p < 0.01$). Стоит отметить отсутствие значимых различий по параметрам поощрений и реализации наказаний, а также по шкалам «непоследовательность» и «неуверенность» в воспитании (табл. 2).

Таким образом, наибольшее число различий получено по блокам, включающим непосредственное двустороннее взаимодействие «взрослый—подросток»: эмоциональный блок и блок общения. Воспитанники детского дома испытывают сложности в удовлетворении своих потребностей как во внимании, так и в получении необходимой информации. Возможно, формальность и авторитарность в отношениях «воспитатель—воспитанник» во многом объясняется тем, что воспитатель, имея дело с большим детским коллективом, ориентирован прежде всего на выполнение своих рабочих обязанностей, требований режима, упуская эмоциональную составляющую процесса воспитания. Эмоциональный фон ситуации воспитания подростков в семьях более благоприятный, подростки получают поддержку и понимание от значимых взрослых, взаимоотношения с ними характеризуются ориентацией на сотрудничество и предоставление автономности, что соответствует потребностям возраста. По блокам, отражающим одностороннее воздействие взрослого на подростка, различия не так существенны, что говорит в целом о непротиворечивом и адекватном социальным требованиям подходе значимых взрослых к процессу воспитания.

Удовлетворенность жизнью у подростков из семей находится в области выше

средних значений ($M = 25,1; \sigma = 6,3$). Это является показателем оптимистичного мироощущения, удовлетворенности своей жизнью, проявляется в уверенности в том, что жизнь складывается успешно, в позитивном восприятии настоящих и будущих событий жизни. Уровень удовлетворенности жизнью у воспитанников детского дома существенно ниже среднего значения ($M = 19,0; \sigma = 8,0$) и достоверно отличается от соответствующего показателя у подростков из семей ($p < 0.05$). Это свидетельствует о том, что воспитанники не довольны тем, как идут дела в большинстве жизненных сфер, негативно воспринимают события своей жизни, сомневаются в правильности своих действий и поступков. Для них свойственен сниженный фон настроения и ощущение недостатка необходимых ресурсов для достижения жизненного благополучия.

Для выявления факторов, связанных с удовлетворенностью жизнью, был проведен корреляционный и регрессионный анализ. В качестве личностных факторов рассматривались показатели самооценки и доверия к себе в разных сферах жизни. В группе подростков, воспитывающихся в родительской семье, обнаружены прямые связи удовлетворенности жизнью с доверием к себе в отношениях с учителями ($p < 0.01$), противоположным полом ($p < 0.01$), доверием в учебе ($p < 0.01$) и в досуге ($p < 0.01$), с показателем саморегуляции ($p < 0.01$), и обратные связи — с внутренней конфликтностью ($p < 0.05$) и самообвинением ($p < 0.05$). Эти связи свидетельствуют о том, что ориентация на собственные силы и активность в саморазвитии, позитивные эмоции по отношению к себе и своим действиям, ожидание успешности в социальной сфере, низкий уровень внутриличностной конфликтности соответствуют более высоким показателям

телям удовлетворенности жизнью у подростков, воспитывающихся в семье.

В группе подростков из детского дома связи с удовлетворенностью жизнью существенно меньше. Выявлены прямые связи с доверием к себе в умении взаимодействовать с родителями ($p < 0.05$), с доверием к своим интеллектуальным способностям ($p < 0.05$), закрытостью ($p < 0.05$) и обратная связь — с внутренней конфликтностью ($p < 0.05$). То есть сохранение доверия к родителям и связей с ними выступает важным ресурсом субъективного благополучия у этих подростков. Связь закрытости с удовлетворенностью жизнью в контексте исследования можно трактовать как действие защитного механизма, при котором в трудной жизненной ситуации снижение рефлексии и степени осознанности способствует более высокому уровню удовлетворенности жизнью. Обратные связи уровня внутриличностных конфликтов с удовлетворенностью жизнью, полученные в обеих группах, свидетельствуют об их негативном влиянии на субъективное благополучие подростков.

В качестве средовых факторов удовлетворенности жизнью рассматривались показатели восприятия отношений со взрослыми. В группе подростков, воспитывающихся в семье, удовлетворенность жизнью взаимосвязана с восприятием ими отношений с матерью и с отцом. Обнаружены прямые связи с принятием ($p < 0.01$), эмпатией ($p < 0.01$), эмоциональной дистанцией ($p < 0.05$), сотрудничеством ($p < 0.05$), автономностью ($p < 0.01$), удовлетворением потребностей ребенка ($p < 0.05$) и обратные — с показателями конфликтности ($p < 0.05$), авторитарности ($p < 0.01$), неадекватности образа ребенка у матери ($p < 0.01$). Выявились также прямые связи удовлетворенности с восприятием отношений с отцом как эмпатийных

($p < 0.05$), доверяющих принятию решений ($p < 0.05$), поощряющих ($p < 0.01$) и обратные — с реализацией наказаний ($p < 0.01$), непоследовательностью ($p < 0.01$), авторитарностью ($p < 0.01$), требовательностью ($p < 0.01$), контролем ($p < 0.05$) и неадекватностью образа ребенка у отца ($p < 0.01$). То есть предоставление автономности, сохранение эмоциональной дистанции в сочетании с эмоционально наполненными, доверительными отношениями с родителями способствуют восприятию собственной жизни как благополучной, и, напротив, излишний контроль, непоследовательность, применение наказаний, недоверие родителей снижают удовлетворенность жизнью.

В группе воспитанников сиротского учреждения выявлена лишь одна взаимосвязь удовлетворенности жизнью с восприятием отношений с воспитателем, а именно, обратная связь с неадекватностью образа ребенка в глазах воспитателя ($p < 0.05$).

Обобщая эти результаты, можно сказать, что общим внешним условием ощущения удовлетворенности жизнью подростков, как воспитывающихся в семье, так и подростков-сирот, является адекватное восприятие подростка взрослыми, о чем свидетельствуют отрицательные связи удовлетворенности жизнью и неадекватностью образа ребенка в глазах воспитателя и обоих родителей.

Регрессионный анализ позволил выделить наиболее важные предикторы удовлетворенности жизнью в группах подростков с разным семейным статусом. Для подростков, воспитывающихся в семье, личностными предикторами с общим вкладом 37% явились саморукводство ($\beta = 0.41$; $p < 0.001$), доверие к себе в отношениях с учителями ($\beta = 0.22$; $p < 0.05$), доверие к себе в отношениях с друзьями ($\beta = 0.36$; $p < 0.001$) и низкий уровень внутриличностного конфликта

($\beta = -0.27$; $p < 0.05$). Позитивный вклад (25%) в удовлетворенность жизнью у этих подростков вносит эмоциональная дистанция с матерью ($\beta = 0.17$; $p < 0.01$), а негативный — авторитарность матери ($\beta = -0.14$; $p < 0.05$) и реализация наказаний отцом ($\beta = -0.17$; $p < 0.01$).

В группе воспитанников сиротских учреждений предикторами (общий вклад 38%) удовлетворенности жизнью явились самопринятие ($\beta = 0.34$; $p < 0.05$), доверие к себе в интеллектуальной деятельности ($\beta = 0.5$; $p < 0.01$), а в качестве негативно-го предиктора выступила неадекватность образа подростка в глазах воспитателя ($\beta = -0.57$; $p < 0.01$). То есть чувству удовлетворенности жизнью подростков-сирот способствуют эмоциональное позитивное отношение к себе и ожидание собственной успешности в интеллектуальной деятельности, а также адекватность образа воспитанника в глазах воспитателя.

Обсуждение результатов исследования

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о существенной зависимости удовлетворенности жизнью в подростковом возрасте от внутренних (личностных) и внешних (условий жизни и отношений со взрослым окружением) факторов, чем можно, по-видимому, отчасти объяснить противоречивость результатов, полученных разными авторами [20; 27]. В нашем исследовании у подростков, живущих в семье, выявлен достаточно высокий уровень субъективного благополучия, что соответствует международным данным [27], хотя этот показатель и имеет высокую индивидуальную вариативность. У подростков, воспитывающихся в условиях семейной депривации, уровень субъ-

ективного благополучия ниже среднего, а у некоторых ниже нормативных значений, что отражает их недовольство собственной жизнью и ощущение недостатка ресурсов для достижения жизненного благополучия. Исследование еще раз подтвердило, что ситуация жизни вне семьи оказывается неблагоприятной для развития личности подростка. Воспитанники фактически лишены возможности полноценных взаимоотношений и с родителями, и с воспитателями [23; 25]. Как показало исследование, воспитанники детского дома практически лишены такого значимого для них ресурса, как поддержка, эмпатия, эмоциональная близость в отношениях с воспитывающим лицом. При этом они сохраняют доверие к своей семье и в отношениях с родителями. И, как показал анализ, это доверие выступает в качестве одного из предикторов их удовлетворенности жизнью. По результатам исследования были выявлены проблемы, требующие своего разрешения. Подростки, воспитывающиеся в детском доме, отличаются от подростков, воспитывающихся в семье, более низкими показателями доверия к себе, что может создавать трудности в самостоятельной организации своей учебной и интеллектуальной деятельности, а также в умении строить взаимоотношения со сверстниками, учителями и родителями. У них возникают трудности в важнейших для подросткового возраста зонах развития личности: ведущая психическая функция (интеллектуальная), важнейшая деятельность (учебная) и важнейший институт социализации и интеграции подростка во взрослую жизнь (семья и взаимоотношения с родителями). Что касается роли воспитателя в формировании субъективного чувства удовлетворенности жизнью, то, судя по результатам корреляционного и регрессионного анализа, она оказалась незначительной, несмотря на по-

стоянную включенность воспитателя в повседневные дела и события жизни воспитанников. Большую роль играют ресурсы собственной личности, такие как самопринятие, доверие к себе в интеллектуальной деятельности. Помимо этого, существуют, вероятно, другие, более мощные, факторы влияния на психологическое благополучие—неблагополучие подростков-сирот. Возможно, — это общая ситуация их развития, отсутствие привязанности к значимым взрослым, устойчивых социальных связей, неблагоприятный ход личностного развития, неопределенность перспектив будущего и др. [5; 21; 31].

Выводы

1. Изучение самоотношения подростков и доверия к себе в разных сферах жизнедеятельности выявило особенности этих характеристик. Показатели самоотношения укладываются в границы средних значений и не обнаружили достоверных различий между группами в зависимости от условий социализации.

2. Выявлено, что подростки, воспитывающиеся в семьях, демонстрируют высокий уровень доверия к себе в умении строить взаимоотношения в семье, с родителями, с друзьями, в умении провести свой досуг. У подростков из детского дома уровень доверия во всех сферах жизнедеятельности ниже, особенно доверия к себе в интеллектуальной деятельности, в учебе, доверия в семье и в отношениях с родителями.

3. Исследование восприятия отношений со значимыми взрослыми обнаружило достоверные различия между группами подростков с разным семейным статусом по всем параметрам эмоционального блока отношений, блоку общения и взаимодействия, а также контролю.

Подростки, воспитывающиеся в детском доме, в меньшей степени ощущают любовь, принятие, эмоциональную близость, эмпатию, выявлена высокая степень эмоционального дистанцирования со стороны лица, выполняющего воспитательную функцию. Воспитанники воспринимают фигуру воспитателя как не направленную на сотрудничество, более директивную, менее склонную доверять ответственность. Они ощущают авторитарность и контроль воспитывающего лица, испытывают дефицит внимания, информации и игнорирование материальных потребностей.

По параметрам реализации поощрений и наказаний, по степени противоречивости отношений со взрослыми («непоследовательность» и «неуверенность») различий между группами не выявлено.

4. Исследование удовлетворенности различными сферами жизни обнаружило высокий уровень удовлетворенности у подростков, воспитывающихся в семье, в то время как у воспитанников детского дома этот показатель существенно ниже среднего значения и достоверно отличается от соответствующего показателя подростков из семьи.

5. Выявлена специфика факторов, влияющих на субъективное благополучие в зависимости от условий социализации. Для подростков, воспитывающихся в семье, предикторами субъективного благополучия выступают саморукводство, доверие к себе в отношениях с учителями, с друзьями и низкий уровень внутрличностного конфликта. Позитивный вклад в удовлетворенность жизнью у этих подростков вносит эмоциональная дистанция с матерью, а негативный — авторитарность матери и реализация наказаний отцом. Для воспитанников сиротских учреждений предикторами удовлетворенности жизнью являются

самопринятие, доверие к себе в интеллектуальной деятельности, адекватность образа подростка в глазах воспитателя.

Заключение

Результаты говорят о том, что в формировании субъективного психологического благополучия у разных социальных групп подростков могут быть задействованы различные личностные и социально-психологические ресурсы.

Исследование позволяет сформулировать ряд рекомендаций. В условиях воспитания детей и подростков вне родительской семьи необходимо изыскивать все возмож-

ности сохранения связи и конструктивных социально-нормативных отношений воспитанников с их возможными родственниками или родителями и содействовать установлению отношений доверия между ними. В условиях семейного воспитания необходимо при работе с семьей способствовать формированию доверительных отношений, отношений эмоционального принятия между родителями и детьми, избегать авторитарного стиля, недоверия, наказаний в отношении подростков. При организации психологической помощи подросткам важно учитывать значимую роль доверия к себе и позитивного самоотношения в качестве предикторов субъективного благополучия.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-06-00307а «Психоэмоциональное благополучие и предпочитаемые способы самоосуществления личности в подростково-юношеском и взрослом периодах развития»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова О.М., Трошихина Е.Г. Самоуважение и развитие личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Вып. 4. С. 65—74.
2. Аргайл М. Психология счастья. М.: Прогресс, 1990. 336 с.
3. Бочарова Е.Е. Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности: кросскультурный аспект // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 53—63.
4. Головей Л.А., Данилова Ю.Ю. Семейные факторы формирования доверия и удовлетворенности жизнью в подростковом возрасте // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия.12, Психология. Социология. Педагогика. 2015. Вып. 1. С. 28—37.
5. Головей Л.А., Данилова М.В., Данилова Ю.Ю. Становление личности и профессиональное самоопределение подростков из детских домов // Проблема сиротства в современной России: психологический аспект / Под ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во ИП РАН, 2015. С. 271—299.
6. Джидарьян И.А. Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алтейя, 2001. 240 с.
7. Карбанова О.А. Ориентирующий образ в структуре социальной ситуации развития ребенка: от Л.С. Выготского к П.Я. Гальперину // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2012. № 4. С. 73—83.
8. Кондратьев М.Ю. Социально-психологические особенности взаимоотношений подростков и педагогов в условиях детских домов и школ-интернатов для «социальных» и реальных сирот // Социальная психология и общество. 2012. № 2. С. 143—153.

9. *Кондратьев М.Ю., Кравчино Е.О.* Социально-психологическая специфика авторитета педагога в глазах разностатусных и разновозрастных воспитанников закрытых образовательных учреждений для реальных и «социальных» сирот // *Социальная психология и общество*. 2012. № 3. С. 48–57.
10. *Куликов Л.В.* Детерминанты удовлетворенности жизнью // *Общество и политика* / Под ред. В.Ю. Большакова. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 476–510.
11. *Куликов Л.В., Дмитриева М.С., Долина М.Ю., Иванов О.В., Розанова М.А., Тимошенко Т.Г.* Факторы психологического благополучия личности // *Теоретические и прикладные вопросы психологии: материалы юбилейной конференции «Ананьевские чтения – 97»*. СПб.: СПбГУ, 1997. Вып. 3. С. 42–46.
12. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М: ИП РАН, 2008. 571 с.
13. *Лактионова А.И., Махнач А.В.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков-сирот // *Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект* / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С.191–222.
14. *Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 432 с.
15. *Мардасова Т.А., Григорьев Р.А.* Психологические особенности удовлетворенности жизнью [Электронный ресурс] // *NovaInfo.Ru Психологические науки (Электронный журнал)*. 2015. № 34 (2). URL: <http://novainfo.ru/archive/34/psikhologicheskieosobennosti-udovletvorennosti-zhiznyu> (дата обращения: 25.08.2015).
16. *Мардасова Т.А.* Специфика ценностно-смысловой сферы личности незамужних женщин с различной степенью одиночества // *Психология личностных проявлений в процессе жизнеосуществления человека* / Под ред. Л.Д. Деминой, И.А. Ральниковой, Д.В. Труевцева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 358 с.
17. *Махнач А.В., Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психологические исследования проблем сиротства // *Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект* / Отв. ред. А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С.7–61.
18. *Миллер С.* Психология развития: методы исследования. СПб.: Питер, 2002. 464 с.
19. *Пантилеев С.Р.* Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
20. *Подольский А.И., Карabanова О.А., Идобаева О.А., Хейманс П.* Психоэмоциональное благополучие современных подростков и ресурсы его повышения: опыт международного исследования // *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*. № 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 9–21.
21. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Психология сиротства. СПб.: Питер, 2007. 400 с.
22. Программа диагностики готовности воспитанников к профессиональному самоопределению на основе системы критериев, учитывающих особенности развития ребенка и потребности современного рынка труда / Сост. И.А. Бобылева, О.В. Заводилкина, Н.П. Иванова. М.: Государственный научно-исследовательский институт семьи и воспитания, 2005. 80 с.
23. *Психическое развитие воспитанников детского дома* / Ред. И.В. Дубровина, А.Г. Рузская. М.: Педагогика, 1990. 264 с.

24. Психология современного подростка / Ред. Л.А. Редуш. СПб.: Речь, 2005. 400 с.
25. Социальная адаптация детей в дошкольных учреждениях / Под ред. Р.В. Тонковой-Ямпольской и др. М.: Медицина 1980. 232 с.
26. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: статистический сборник. М.: Росстат, 2015. 311 с.
27. Социальные детерминанты здоровья и благополучия подростков. Исследование «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (HBSC): международный отчет по материалам обследования 2009/2010 гг.». [Электронный ресурс]. Копенгаген, Европейское региональное бюро ВОЗ, 2012 г. [Политика здравоохранения для детей и подростков, № 6]. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/181551/E96444_part1-Rus.pdf (дата обращения: 27.06.2016).
28. Трошихина Е.Г. Влияние ранней социальной депривации на развитие личности и психическую адаптацию детей с интеллектуальной недостаточностью: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 18 с.
29. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004. 180 с.
30. Шамионов Р.М. Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С.102–122.
31. Шульга Т.И. Особенности социализации воспитанников интернатных учреждений // Социальная психология и общество. 2011. № 1. С. 119–125.
32. Diener E. Subjective wellbeing // Psychological Bulletin, 1984. Vol. 95. P. 542–575.
33. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale // Journal of Personality Assessment, 1985. Vol. 49. P. 71–75.
34. Diener E., & Suh E. National differences in subjective well-being // Well-being: The foundations of hedonic psychology / D. Kahneman, E. Diener, N. Schwarz (Eds.). New York: Sage, 1999. P. 434–450.
35. Diener E., Ng W., Harter J., Arora R. Wealth and happiness across the world: material prosperity predicts life evaluation, whereas psychosocial prosperity predicts positive feeling // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. Vol 99. № 1. P. 52–61. doi: 10.1037/a0018066
36. Nima A.Al., Archer T., Garcia D. Adolescents' happiness-increasing strategies, temperament, and character: Mediation models on subjective well-being [Электронный ресурс] // Health. 2012. Vol. 4. № 10. October. P. 802–810. URL: <http://dx.doi.org/10.4236/health.2012.410124> (дата обращения: 25.06.2016). doi: 10.4236/health.2012.410124
37. Nissim B.D., Adi B., Idit D. Factors That Affect the Feeling of Happiness in Israel // Asian Journal of Empirical Research. 2013. Vol. 3. № 10. P. 1300–1309.
38. Pavot W., Diener E. The affective and cognitive context of self-reported measures of subjective well-being // Social Indicators Research. 1993. Vol. 28. № 1. P. 1–20.
39. Ryff C., Singer B. The Contours of Positive Human Health [Электронный ресурс] // Psychological Inquiry. 1998. Vol. 9. № 1. P. 1–28. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=1047840X> (дата обращения: 03.07.2016). doi: 1207/s15327965pli0901_1
40. Seligman M.E.P., Ernst R.M., Gillham J. et al. Positive education: Positive psychology and classroom interventions // Oxford Review of Education. 2009. Vol. 35. P. 293–311. doi: 10.1080/03054980902934563

Self-relation and relations with significant adults as factors of satisfaction with life in adolescents

L.A. GOLOVEY*,
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
lgolovey@yandex.ru

M.V. DANILOVA**,
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
dan_m@mail.ru

Y.Y. DANILOVA***,
Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
jdanilova@mail.ru

The article is devoted to the study of factors influencing life satisfaction of teenagers raised in families as well as those raised in orphanages. Both groups are studied with regard to their self-attitude, self-confidence and relationships with significant adults. Sample: 96 teenagers aged between 14 and 16 years (46 of them live in orphanages). Methods: Self-attitude methodology by S.R. Pantileev, Trust questionnaire by T.P. Skripkina, Child-parent relationships questionnaire by O.A. Karabanova and P.V. Troyanskaya, Life Satisfaction scale by E. Diner. The research proved the level of trust in orphanage-raised teenagers to be considerably lower than that of family-raised teenagers. The way teenagers see their relationships with significant adults also turned out to be fairly different in case of orphanage-raised groups due to their caregivers' authoritarian attitude towards them and lack of empathy and communication. The study also shows that the level of life satisfaction in the orphanage group is significantly below the average and substantially lower than in the group from family-raised teenagers. Positive self-attitude, person's approval of his/her intellectual capacities, as well as the caregiver's understanding of his pupil's fea-

For citation:

Golovey L.A., Danilova M.V., Danilova Y.Y. Self-relation and relations with significant adults as factors of satisfaction with life in adolescents. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 108–125. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080107

* *Golovey Larisa A.* – Doctor of sciences (Psychology), Professor of the Developmental and Differential Psychology Chair, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, lgolovey@yandex.ru

** *Danilova Marina V.* – PhD (Psychology), Senior Lecturer of the Developmental and Differential Psychology Chair, Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, dan_m@mail.ru

*** *Danilova Yulia Y.* – graduate student (Psychology), Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, jdanilova@mail.ru

tures, are predictors of life satisfaction in the group of teenagers from orphanages. Concerning the family-raised teenagers, much more factors are involved in maintaining their subjective well-being.

Keywords: subjective well-being, life satisfaction, personality, self-attitude, interpersonal relations, developmental environment, family-raised teenagers, orphanage-raised teenagers.

Financing

The research was supported by the Russian Foundation for Humanities (project № 16-06-00307a “Psycho-emotional well-being and ways of personality self-fulfillment in adolescent and adult periods of development”).

REFERENCES

1. Anisimova O.M., Troshikhina E.G. Samouvazhenie i razvitie lichnosti [Self-Respect and Personality Development]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Vestnik St. Petersburg University]*, 2008. Vyp.4, pp. 65–74.
2. Argail M. Psihologiya schast'ya [The psychology of happiness]. Moscow: Progress, 1990. (In Russ.). 336 p.
3. Bocharova E.E. Vzaimosvjaz' sub#ektivnogo blagopoluchiya i social'noi aktivnosti lichnosti: krosskul'turnyi aspekt [Relationship between Subjective Well-Being and Social Activity: Cross-Cultural Aspect]. *Social'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2012, no. 4, pp. 53–63.
4. Golovey L.A., Danilova Yu.Yu. Semeinye faktory formirovaniya doveriya i udovletvorennosti zhizn'iu v podrostkovom vozraste [Family factors of forming of trust phenomenon and life satisfaction in adolescence]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta [Vestnik St. Petersburg University]*. Seriya.12, Psikhologiya. Sociologiya. Pedagogika, 2015. Vyp.1, pp. 28–37.
5. Golovey L.A., Danilova M.V., Danilova Yu.Yu. Stanovlenie lichnosti i professional'noe samoopredelenie podrostkov iz detskih domov [Formation of the personality and professional self-determination of adolescents from orphanages]. In A.V. Mahnach (eds.). *Problema sirotstva v sovremennoy Rossii: psikhologicheskii aspekt [Orphanhood problem in modern Russia: psychological view]*. Moscow: Publ. IP RAN, 2015, pp. 271–299.
6. Dzhidar'ian I.A. Predstavlenie o schast'e v rossiiskom mentalitete [Impression about happiness in Russian mentality]. Saint-Petersburg: Alteiya, 2001. 240 p.
7. Karabanova O.A. Orientirujushhii obraz v strukture social'noi situacii razvitya rebenka: ot L.S. Vygotskogo k P.Ja. Gal'perinu [Orienting image in the structure of child's social situation of development: From L.S. Vigotsky to P.Ya. Galperin]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya [The Moscow University Herald. Series 14. Psychology]*, 2012, no. 4, pp. 73–83.
8. Kondrat'ev M.Yu. Social'no-psikhologicheskie osobennosti vzaimootnosheniy podrostkov i pedagogov v usloviyah detskih domov i shkol-internatov dlya “social'nyh” i real'nyh sirot [Social psychological features of relationships between adolescents and teachers in children's homes and boarding schools for social and true orphans]. *Social'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2012, no. 2, pp. 143–153.

9. Kondrat'ev M.Yu., Kravchino E.O. Social'no-psikhologicheskaya specifika avtoriteta pedagoga v glazah raznostatusnyh i raznovozrastnyh vospitannikov zakrytyh obrazovatel'nyh uchrezhdeniy dlya real'nyh i "social'nyh" sirot [Social psychological specifics of teacher's authority as perceived by students of various age and statuses in closed educational institutions for true and social orphans]. *Social'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2012, no. 3, pp. 48–57.
10. Kulikov L.V. Determinanty udovletvorennosti zhizn'yu [Determinants of life satisfaction]. In: V. Yu. Bol'shakov (ed). *Obshchestvo i politika [Society and politics]*. Saint-Petersburg: Publ. SPbGU, 2000, pp. 476–510.
11. Kulikov L.V., Dmitrieva M.S., Dolina M.Yu., Ivanov O.V., Rozanova M.A., Timoshenko T.G. Faktory psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti [Factors of personality psychological well-being]. *Teoreticheskie i prikladnye voprosy psikhologii. Mater. Yubileynoi konferencii "Anan'evskie chteniya – 97" [Theoretical and applied problems of psychology: Materials Anniversary Conference "Ananyevskie chteniya – 97"]*. Saint-Petersburg: Publ. SPbGU, 1997. Vyp. 3, pp. 42–46.
12. Kupreychenko A.B. Psikhologiya doveriya i nedoveriya [Psychology of trust and distrust]. Moscow: Publ. IP RAN, 2008. 571 p.
13. Laktionova A.I., Mahnach A.V. Zhiznesposobnost' i social'naya adaptaciya podrostkov-sirot [Resilience of orphaned adolescents]. In A.V. Mahnach (eds.). *Problema sirotstva v sovremennoy Rossii: Psikhologicheskii aspekt [Orphanhood problem in modern Russia: psychological view]*. Moscow: Publ. Institut psikhologii RAN, 2015, pp. 191–222.
14. Liders A.G. Psikhologicheskoe obsledovanie sem'i [Psychological examination of the family]. Moscow: Akademiya, 2006. 432 p.
15. Mardasova T.A., Grigor'ev R.A. Psikhologicheskie osobennosti udovletvorennosti zhiznyu [Psychological aspects of life satisfaction] [Elektronnyi resurs]. *NovaInfo.Ru Psikhologicheskie nauki [Psychological sciences]*. (*Elektronnyi zhurnal*), 2015, no. 34 (2). URL: <http://novainfo.ru/archive/34/psikhologicheskieosobennosti-udovletvorennosti-zhiznyu> (Accessed 25.08.2015).
16. Mardasova T.A. Specifika cennostno-smyslovoiy sfery lichnosti nezamuzhnykh zhenshin s razlichnoy stepen'yu odinochestva [Personality value's and semantic's specifics of unmarried ladies with different level of loneliness]. In L.D. Demina (eds.). *Psikhologiya lichnostnykh proyavleniy v processe zhizneoushchestoleniya cheloveka [Psychology of personality manifestations in human life]*. Barnaul: Publ. Alt. un-ta, 2009. 358 p.
17. Mahnach A.V., Prihozhan A.M., Tolstyh N.N. Psikhologicheskie issledovaniya problem sirotstva [Psychological researches of orphanhood]. In A.V. Mahnach (eds.). *Problema sirotstva v sovremennoy Rossii: Psikhologicheskii aspekt [Orphanhood problem in modern Russia: psychological view]*. Moscow: Publ. Institut psikhologii RAN, 2015, pp. 7–61.
18. Miller S. Psikhologiya razvitiya: metody issledovaniya [Developmental psychology: research methods]. Saint-Petersburg: Piter, 2002. (In Russ.). 464 p.
19. Pantileev S.R. Metodika issledovaniya samootnosheniya [Methodology of self-attitude research]. Moscow: Smysl, 1993. 32 p.
20. Podol'skiy A.I., Karabanova O.A., Idobaeva O.A., Hejmans P. Psikhoemocional'noe blagopoluchie sovremennykh podrostkov i resursy ego povisheniya: opyt mezhdunarodnogo issledovaniya [Psychoemotional wellbeing of contemporary adolescents: International

- study experience]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya [Moscow University Bulletin (Vestnik). Seria 14. Psychology]*. Moscow: Publ. Mosk. un-ta, 2011, no. 2, pp. 9–21.
21. Prihozhan A.M., Tolstyh N.N. Psikhologiya sirotstva [Psychology of orphanhood]. Saint-Petersburg: Piter, 2007. 400 p.
22. Programma diagnostiki gotovnosti vospitannikov k professional'nomu samoopredeleniyu na osnove sistemy kriteriev, uchityvayushhih osobennosti razvitiya rebenka i potrebnosti sovremennogo rynka truda [Diagnostic program of teens-orphans' readiness to professional self-determination based on system of criteria taking into account specifics of child's development level and requirements of modern labor market]. Sost. I. A. Bobyleva, O.V. Zavidilkina, N.P. Ivanova. Moscow: Gosudarstvennyi nauchno-issledovatel'skiy institut sem'i i vospitaniya, 2005. 80 p.
23. Psikhicheskoe razvitie vospitannikov detskogo doma [Psychological development of teens-orphans in children's home]. In I. V. Dubrovina (eds.). Moscow: Pedagogika, 1990. 264 p.
24. Psihologiya sovremennogo podrostka [Psychology of modern teenagers]. In L.A. Regush (ed.). Saint-Petersburg: Rech', 2005. 400 p.
25. Social'naya adaptatsiya detey v doskol'nyh uchrezhdeniyah [Social adaptation of children in preschool organizations]. In R. V. Tonkova-Yampol'skaya (eds.). Moscow: Medicina, 1980. 232 p.
26. Social'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii [Social state and living standards of Russian population]. 2015: Statisticheskiy sbornik [Statistical data]. Rosstat. Moscow, 2015. 311 p.
27. Social'nye determinanty zdorov'ya i blagopoluchiya podrostkov. Issledovanie "Povedenie detey shkol'nogo vozrasta v otnoshenii zdorov'ya" (HBSC): mezhdunarodnyj otchet po materialam obsledovaniya 2009/2010 gg." [Social determinants of health and well-being among young people. Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) study: international report from the 2009/2010 survey] [Elektronnyi resurs]. Kopenhagen, Evropejskoe regional'noe bjuro VOZ, 2012 g. (*Politika zdravoohraneniya dlya detey i podrostkov, № 6*). [Copenhagen, WHO Regional Office for Europe, 2012. (*Health Policy for Children and Adolescents, no. 6*)]. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/181551/E96444_part1-Rus.pdf (Accessed 27.06.2016).
28. Troshikhina E.G. Vliyanie ranney social'noy deprivatsii na razvitie lichnosti i psikhicheskuyu adaptatsiyu detey s intellektual'noy nedostatochnost'yu. Avtoref. dis. ... kand. psikhol. Nauk [Influence of early social deprivation on personality development and psychological adaptation of children with intellectual deficiency. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Saint-Petersburg: Publ. SPbGU, 1997. 18 p.
29. Shamionov R.M. Psikhologiya sub#ektivnogo blagopoluchiya lichnosti [Psychology of personality subjective well-being]. Saratov: Publ. Saratovskogo universiteta, 2004. 180 p.
30. Shamionov R.M. Bazovye ubezhdeniya i kul'turnye ustanovki kak prediktory emocional'nogo i psikhologicheskogo blagopoluchiya gorozhan i sel'chan [Basic beliefs and cultural attitudes as predictors of emotional and psychological well-being in urban and rural populations]. *Social'naja psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 102–122.

31. Shulga T. I. Osobennosti socializacii vospitannikov internatnyh uchrezhdeniy [Peculiarities of socialization of group care alumni]. *Social'naja psihologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2011, no. 1, pp. 119–125.
32. Diener E. Subjective wellbeing. *Psychological Bulletin*, 1984. Vol. 95, pp. 542–575.
33. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale. *Journal of Personality Assessment*, 1985. Vol. 49, pp. 71–75.
34. Diener E., Suh E. National differences in subjective well-being. In Kahneman, D., Diener E., Schwarz N. (Eds.). *Well-being: The foundations of hedonic psychology*. New York: Sage, 1999, pp. 434–450.
35. Diener E., Ng W., Harter J., Arora R. Wealth and happiness across the world: material prosperity predicts life evaluation, whereas psychosocial prosperity predicts positive feeling. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2010. Vol. 99, no. 1, pp. 52–61. doi: 10.1037/a0018066.
36. Nima A.Al., Archer T., Garcia D. Adolescents' happiness-increasing strategies, temperament, and character: Mediation models on subjective well-being. *Health*, October 2012. Vol. 4, no. 10, pp. 802–810. URL: <http://dx.doi.org/10.4236/health.2012.410124> (Accessed 25.06.2016). doi: 10.4236/health.2012.410124.
37. Nissim B.D., Adi B., Idit D. Factors That Affect the Feeling of Happiness in Israel. *Asian Journal of Empirical Research*, 2013. Vol. 3, no. 10, pp. 1300–1309.
38. Pavot W., Diener E. The affective and cognitive context of self-reported measures of subjective well-being. *Social Indicators Research*, 1993. Vol. 28, no. 1, pp. 1–20.
39. Ryff C., Singer B. The Contours of Positive Human Health. *Psychological Inquiry*, 1998. Vol. 9, no. 1, pp. 1–28. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=1047840X> (Accessed 03.07.2016). doi: 1207/s15327965pli0901_1.
40. Seligman M.E.P., Ernst R.M., Gillham J. et al. Positive education: Positive psychology and classroom interventions. *Oxford Review of Education*, 2009. Vol. 35, pp. 293–311. doi: 10.1080/03054980902934563.

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАКТИКА
APPLIED RESEARCH AND PRACTICE

Отношение молодежи к своему здоровью и к донорству крови

О.Б. КРУШЕЛЬНИЦКАЯ*,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, social2003@mail.ru

Т.Ю. МАРИНОВА**,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, tamarinova@mail.ru

А.В. МИЛЁХИН***,
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, milehinav@mgppu.ru

В статье представлены результаты теоретического анализа социально-психологической проблемы донорства, а также эмпирического исследования связи между отношением молодежи к своему здоровью и к донорству крови. Наиболее активными и безопасными донорами, как правило, являются молодые добровольцы с альтруистическими установками. Поэтому, наряду с исследованием альтруизма как мотива донорства, важным аспектом рассматриваемой проблемы является отношение молодежи к своему здоровью. В исследовании участвовали 115 человек (39 мужчин и 76 женщин) в возрасте от 20 до 33 лет, имеющих и не имеющих опыта сдачи крови. Проанализированы их представления о личностных качествах доноров и мотивах донорства. Показано, что чем больше молодые люди придерживаются здорового образа жизни, тем более позитивны их представления о мотивах и личностных качествах доноров. Суще-

Для цитаты:

Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю., Милёхин А.В. Отношение молодежи к своему здоровью и к донорству крови // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 126–143. doi:10.17759/sps.2017080108

* *Крушельницкая Ольга Борисовна* — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, social2003@mail.ru

** *Маринова Татьяна Юрьевна* — кандидат биологических наук, декан факультета социальной психологии, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, tamarinova@mail.ru

*** *Милёхин Андрей Викторович* — кандидат психологических наук, проректор по внеучебной и социальной работе ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, milehinav@mgppu.ru

стует положительная связь между отношением молодежи к донорству крови и собственной вовлеченностью в донорское движение. Чем больше молодой человек причастен к практике донорства, тем более позитивно он оценивает мотивы и личностные качества доноров. Также выявлена положительная связь между вовлеченностью молодежи в практику донорства и приверженностью здоровому образу жизни. Результаты исследования позволяют предположить, что недостаточная информированность в вопросах донорства является существенным препятствием для расширения участия молодежи в донорском движении.

Ключевые слова: альтруизм, доноры, донорство крови, молодежь, личностные ценности, мотивы, здоровье, здоровый образ жизни.

Проблема донорства крови — одна из важнейших для здравоохранения во всем мире, практически в каждом государстве существует необходимость увеличения числа доноров крови. Без достаточного запаса крови в больницах невозможна высококачественная медицинская помощь. В нашей стране уровень донорской активности невысок. Так, если на тысячу жителей США насчитывается около 60 доноров, стран Евросоюза — 40, то в России — всего 13–14. В то же время каждый третий россиянин хотя бы раз в жизни нуждается в донорской крови или ее компонентах [3].

Потребность существует не просто в людях, желающих сдать кровь, а в донорах, хорошее здоровье которых подтверждается медицинским обследованием. Поэтому важно, чтобы включенные в практику донорства люди придерживались здорового образа жизни.

Проблема донорства крови активно обсуждается в рамках трансфизиологии, социологии, других наук. Однако в психологической литературе не так часто можно встретить исследования на эту тему. Причем большинство работ выполнено за рубежом. Их авторы стремятся выявить наиболее значимые социально-демографические, организационные, физиологические, психологические и

социально-психологические факторы, влияющие на готовность людей сдавать кровь, а также способствующие привлечению и удержанию доноров [22].

Так, например, в Турции [20] попытались определить предикторы мотивации донорства крови с помощью выборочного обследования активных доноров Анкары. Выборка состояла из 189 взрослых мужчин. Помимо демографических показателей изучались параметры тревожности, альтруизма, социальной ответственности и мотивации донорства крови. С помощью факторного анализа было выделено три фактора: «ценности и моральный долг», «позитивные чувства и самоуважение» и «самореализация и внешние причины». На основе регрессионного анализа было показано, что из всех изученных факторов только социальная ответственность имеет значительное влияние на мотивацию донорства крови, вне зависимости от возраста, дохода и образования опрошенных.

Итальянские исследователи задались вопросом, изменилась ли мотивация кровосдачи в течение периода экономического кризиса [12]. Работа была выполнена на основе функционалистского подхода, предполагающего, что донорство крови выполняет различные функции для человека в связи с его мотивами.

Сравнение результатов опроса 330 доноров (возрастной диапазон от 18 до 60 лет), проведенного в 2008 (докризисный период) и 2014 (во время кризиса) гг., показало, что приоритеты донорской мотивации не претерпели заметных изменений. В процессе углубления кризиса наиболее существенным мотивом остался мотив самоуважения, а мотивация эго-защиты снизилась. Женщины, в целом, показали более высокие средние значения мотивации эго-защиты, чем мужчины.

Первичные доноры составляют почти треть донорского пула США. Однако лишь немногие из них приходят сдавать кровь снова, так как существует множество сдерживающих донорскую активность факторов. Учитывая, что для каждого донора может существовать уникальный набор сдерживающих факторов, Н. Гиgien (Guéguen) [18] было разработано мотивационное интервью, позволяющее гибко работать с индивидуальными барьерами первичных доноров. Автор разработки предполагает, что, если с человеком, впервые сдавшим кровь, затем в течение года будут несколько раз проводить мотивирующее интервью, удастся удержать существенно больше первичных доноров, чем это происходит сейчас.

Агитационные тексты, направленные на привлечение молодежи к донорству, все чаще составляются на основе научных психологических знаний. Так, Ф. Кай (Cai) и Дж. Уайер (Wyer) выделили два основных вида агитации потенциальных доноров [16]. В первом из них подчеркиваются масштабы помощи, необходимой пациентам, нуждающимся в переливании крови. Во втором варианте акцент делается на том, что многие уже пожертвовали свою кровь и, следовательно, это является нормой поведения,

которой необходимо следовать. Авторы делают вывод, что относительная эффективность этих двух типов агитации может зависеть от степени осознания людьми собственной смертности. Первая категория призывов эффективна для воздействия на людей, которые не задумываются о том, что они могут умереть. Вторая больше влияет на тех, кто четко осознает конечность своего бытия.

Психологически обоснованные средства вовлечения молодежи в донорское движение применяются и на специально организованных мероприятиях. Так, например, Н. Гиgien (Guéguen) сообщает, что студентам одного из французских университетов предложили сдавать кровь во время однодневной акции. Волонтеры, обслуживающие акцию, непосредственно взаимодействовали со студентами. В тех случаях, когда на волонтерах были надеты футболки с надписью: «Даже единственная в твоей жизни донация поможет...», кровь сдали гораздо больше студентов [19].

А в Венгрии, чтобы привлечь молодежь в донорский пункт, в одном из ночных клубов организовали веселую «вампирскую вечеринку». Пускали на нее только тех, кто только что сдал кровь. На память о своем благородном поступке каждый мог получить особый знак: мастерски нарисованный на шее «след вампирского укуса». За несколько часов этой акции удалось собрать более 25 литров крови, что сделало мероприятие одной из самых успешных акций международной организации «Красный Крест».

Еще одним направлением разработок в данной предметной области является выявление демотиваторов донорства. Так, анализ медицинской литературы, который провели Т. Занин (Zanin), Д. Херсей (Hersey), Д. Коун (Cone) и П. Аграуал

(Agrawal), позволил выделить не только мотиваторы, но и факторы, сдерживающие донорскую активность в странах Африки к югу от Сахары [30]. В результате авторы определили, что просоциальная мотивация — альтруизм и желание иметь положительное влияние на общество — является наиболее частым мотиватором донорства крови. Негативное отношение к донорству крови и ошибочные представления о нем — наиболее часто упоминаемые причины, отвращающие людей от сдачи донорской крови.

Нередко людям мешают стать донорами их предубеждения и неосведомленность в вопросах донорства. Так, Б. Абдеррахман (Abderrahman) и М. Салех (Saleh) показали, что наиболее распространенными заблуждениями в Иордании являются риск инфекционных заболеваний, продажа донорской крови для пациентов, и также страх потери сил или здоровья в результате донации [11]. При этом хорошие знания (выше среднего уровня) о донорстве проявили меньше трети от пятисот участников исследования. Наиболее референтными источниками информации, влияющими на установки относительно донорства крови, для опрошенных оказались друзья, средства массовой информации и религиозные источники. Исследователи делают вывод о том, что в Иордании повышение уровня образования может стать ключом к более широкому привлечению населения к донорству крови.

По данным социологических исследований, донором становится, как правило, благополучный человек, включенный в систему социальных связей, здоровый как в физическом, так и в социально-психологическом отношении. Донорами становятся преимущественно социально успешные, активные, неравнодушные

люди, ориентированные не только на семейные ценности, но и на нахождение своего почетного места в большой социальной системе. Примерно две трети опрошенных из числа молодежи готовы сдавать кровь для своих близких, еще треть — и для других людей. Поэтому не случайно, что у молодежи образ донора вызывает преимущественно положительные эмоции и ассоциации [9]. Социологи отмечают, что готовность к донорству крови свойственна образованным людям с высоким социоэкономическим статусом [26]. А бразильские исследователи пришли к выводу об отсутствии статистически достоверного влияния религии, расы, семейного положения и контактов с донорами на готовность сдавать кровь [29].

Некоторые авторы выделяют группы материально ориентированных доноров, с одной стороны, и не заинтересованных в материальной выгоде — с другой [13], а также различные мотивы сдачи крови. Среди последних — мотивы потенциальной пользы (в будущем, в случае необходимости, возможность получения донорского материала самим донором, оплата донорства, различные льготы) [21; 27], помощи нуждающимся, альтруизма, а также смешанные варианты мотивов [17; 23; 24]. В закрытых сообществах (в частности, среди молодых военнослужащих) на мотивацию к донорству крови часто влияет прямая просьба или одобрение донации старшими по званию [28].

В США среди белого населения доноров крови традиционно больше, чем среди афроамериканцев. Интересно, что в качестве мотива сдачи крови у афроамериканцев преобладает «желание спасти жизнь реципиента», а мотивация белых доноров определяется фразой «это правильно делать» [14; 15].

Анализируя психологические барьеры, мешающие студентам колледжа сдавать кровь, американские исследователи пришли к выводу, что представления женщин-доноров и женщин, не имевших опыта донации, о физических ощущениях во время сдачи крови отличаются преобладанием суждения о тошноте, недомогании, болезненности и опасности процедуры у последних [25]. Поэтому авторы исследования предполагают, что широкое образование населения, информация об относительной безопасности и минимальном дискомфорте донации могут увеличить количество реkrутируемых доноров.

По данным Всемирной организации здравоохранения, самыми активными и безопасными являются добровольные безвозмездные доноры крови из числа молодежи. Более чем в 60 странах национальные запасы практически полностью состоят из добровольных неоплачиваемых донаций крови. Многие исследователи приходят к выводу о наличии высокого потенциала участия альтруистически ориентированной молодежи в практике донорства. При этом стимулом для повышения донорской активности является, скорее, осознание того, что кровь может кому-то понадобиться, а не возможность получения выгоды. Мотивация активных доноров отличается от мотивации сдающих кровь нерегулярно. Для активистов гораздо большее значение имеют такие факторы, как желание приносить пользу ближним, быть востребованными, нужными [3].

Отечественных исследований, посвященных проблеме мотивации доноров крови, опубликовано крайне мало. В частности, анализ мотивационного спектра у доноров крови проводился исследователями из Санкт-Петербурга

[6]. Они выделили пять групп доноров с различными психологическими и мотивационными характеристиками: доноры с альтруистическими установками, с неопределенными установками, ориентированные на получение материальной выгоды и льгот, рассматривающие донорство как «оздоровительное» мероприятие, а также родственники и близкие больных.

Д.В. Базарова, М.М. Буркин, Ю.Г. Иоффе [1] исследовали 112 доноров крови и потенциальных доноров Петрозаводска. Основным мотивом донорства для них оказалось «спасение жизни незнакомого человека», а непосредственной причиной донации крови — «информация о страдающих пациентах». В качестве антимотивационного фактора наиболее часто выступал «риск для здоровья донора во время процедуры».

М.Н. Короткова А.А. Таланова отмечают, что наиболее часто встречающимся мотивом, побуждающим российских студентов стать донорами крови и ее компонентов, является желание помочь больному (почти 90% случаев). Помощь близкому человеку называют в качестве мотива менее десятой части студентов. Материальную заинтересованность демонстрируют менее пятой части опрошенных доноров [4]. Молодежь, редко сдающая кровь, в числе мотивирующих факторов чаще отмечает наличие примера друзей и близких. Материальное поощрение находится в конце общего рейтинга мотивирующих факторов. По мнению В.А. Лавровой, материальные стимулы способствуют угнетению установок альтруистического спектра и эффективны только среди 21,8% доноров. Совершенствование системы льгот и денежных выплат препятствует укреплению позиций безвозмездного донорства

крови и ее компонентов [5]. Таким образом, для доноров материальное вознаграждение является, главным образом, сигналом того, что государство видит их вклад в развитие общества и ценит его.

На основе теоретического анализа проблемы отношения молодежи к донорству можно сделать следующие выводы.

1. Результаты исследований в области донорства крови свидетельствуют о том, что наиболее часто донором становится молодой человек, активно включенный в систему социальных связей, здоровый в физическом и в социально-психологическом планах, ориентированный в большей мере на общесоциальные, а не внутрисемейные ценности.

2. Практически во всех странах мира существует потребность в молодых здоровых донорах с альтруистическими установками. Поэтому исследователи разрабатывают психологически обоснованные программы агитации потенциальных доноров, а также удержания первичных доноров.

3. По данным психологических исследований, основными мотиваторами донорства крови являются альтруизм и стремление положительно влиять на других людей. В закрытых сообществах (в частности, в армии) важным стимулом к донорству служит одобрение донации старшими по званию.

4. В качестве основных демотиваторов донорства выступают ложные представления о донорстве как опасном, рискованном для здоровья донора мероприятии. Таким образом, повышение осведомленности молодежи о донорстве может способствовать расширению донорского движения.

5. Недостаточно изученным остается вопрос о связи между вовлеченностью молодежи в донорское движение и от-

ношением к собственному здоровью, к соблюдению здорового образа жизни [7; 8; 10] как предпосылки безопасного донорства.

Чтобы прояснить один из важных аспектов этой проблемы, мы предприняли собственное эмпирическое исследование.

Гипотеза и методы эмпирического исследования

Гипотеза исследования. Мы предположили, что отношение к донорству крови у молодежи имеет особенности, связанные с наличием или отсутствием собственного опыта донации. При этом более позитивное отношение к донорам проявят молодые люди, хотя бы единожды сдавшие кровь для помощи пациентам, а также те, кто в большей мере ориентирован на здоровый образ жизни.

Выборка. В исследовании приняли участие 115 молодых людей в возрасте от 20 до 33 лет (среднее значение 25,2 года, стандартное отклонение 4,1). Из них 34% — мужчины, 66% — женщины. Служащие составили 27,9%, студенты — 42,6%, рабочие — 27,5%. Выборка включала три категории опрашиваемых: «регулярные доноры» — не менее трех раз сдавшие кровь и намеревающиеся продолжать эту практику в дальнейшем (28,5%), «первичные доноры» — имеющие единичный опыт сдачи крови (34,5%), «не доноры» — никогда не сдававшие кровь (37%).

Методики исследования: опросник Р.А. Березовской «Отношение к здоровью» [2] и метод неоконченных предложений.

Для выявления представлений молодежи о донорах крови и мотивах донорства участникам исследования пред-

лагалось завершить предложения: «На мой взгляд, чаще всего донорами крови становятся...», «Люди сдают кровь, потому что...», «Донор крови — это человек, который...», «Основными мотивами донорства, на мой взгляд, являются...».

Кроме того, участникам предложили назвать не менее пяти личностных качеств, которыми, по их мнению, обладает донор крови.

Полученные данные обрабатывались с помощью программного пакета IBM. SPSS Statistics 20.

Качественный анализ. С помощью смыслового контент-анализа были выделены следующие категории ответов о мотивах донорства и личностных качествах доноров: позитивные—негативные, центральные—периферические, социально ориентированные—индивидуально ориентированные. К работе по выделению категорий были привлечены эксперты — четыре психолога со стажем профессиональной исследовательской и преподавательской деятельности от 8 до 30 лет.

Количественный анализ. Статистическая обработка данных включала частотный анализ, корреляционный анализ с использованием коэффициента г-Спирмена, сравнение средних (непараметрические критерии Манна—Уитни и Краскала—Уоллиса), t-критерий парных выборок.

Результаты и их обсуждение

Результаты отношения молодежи к здоровью, полученные с помощью опросника Р.А. Березовской, показали, что в среднем по выборке наиболее востребованными ценностями участников исследования являются (в порядке убывания значимости) гармоничные семейные

отношения, хорошее здоровье, наличие верных друзей и интересная работа. При этом первые две ценности выражены значительно больше, чем другие (t-критерий парных выборок, $p \leq 0,001$). Ценности «материальное благополучие», «признание окружающих», «независимость» были наименее востребованными. Таким образом, хорошее здоровье является, наряду с гармонией семейных отношений, наиболее важной ценностью для большинства опрошенных.

С помощью опросника Р.А. Березовской изучалась и значимость здоровья для достижения успеха в жизни респондентов. Результаты исследования показали, что для большинства участников исследования ценность таких показателей, как «развитые способности», «наличие “нужных связей”» и «трудолюбие» выше, чем показателей «хорошее здоровье», «хорошее образование», «материальный достаток», «везение» (t-критерий парных выборок, $p \leq 0,01$). Таким образом, здоровье не является для большинства участников исследования важным средством для достижения успеха.

Наиболее референтным источником информации, влияющей на осведомленность опрошенных в области здоровья, являются, по их мнению, врачи (специалисты), а не СМИ, друзья или знакомые. Участники исследования считают, что их здоровье зависит, главным образом, от образа жизни, а не от качества медицинского обслуживания и экологической обстановки.

Отвечая на вопрос «Делаете ли Вы что-нибудь для поддержания здоровья и насколько регулярно?», большинство ответили, что стараются избегать вредных привычек, следят за своим весом, занимаются спортом или физкультурой, а также придерживаются диеты. Посещение врача

с профилактической целью и закаливание оказались наименее востребованными средствами поддержания здоровья.

Как упоминалось выше, с помощью контент-анализа и на основании экспертных мнений в нашем исследовании были выделены три пары категорий ответов о мотивах донорства и личностных качествах доноров (позитивные—негативные, центральные—периферические, социально ориентированные—индивидуально ориентированные). Отношение молодежи к донорству крови, выражаемое в оценке мотивов и личностных качеств доноров, у большинства опрошенных оказалось позитивным. Так, наиболее часто назывались просоциальные мотивы помощи людям (стремление быть полезными, спасать, жертвовать чем-то ради других людей и т. п.) и положительные морально-нравственные качества личности доноров (бескорыстие, доброта, отзывчивость, добропорядочность, искренность, самоотверженность и т. п.). В меньшей степени отмечались мотивы и характеристики, которые были отнесены к негативным: «хотят почувствовать себя важными», «самоутверждаются», «хотят денег или самоудовлетворения», «считают это простым заработком», «им нужна компенсация», «проявляют социально желательное поведение», а также «легкомыслие», «меркантильность», «демонстративность», «жадность», «гордыня», «нарциссизм» и т. п.

У большинства участников исследования завершение неоконченных предложений было логически выдержанным (что свидетельствует, на наш взгляд, об адекватном представлении опрашиваемых о донорстве), и такие ответы были объединены в категорию «центральных» (по аналогии с «центральными» реакциями на слова-стимулы в ассоциативном тесте).

Около 10% высказываний содержали фактические неточности (по-видимому, это свидетельствует о недостаточной информированности в вопросах донорства) и не имели прямой логической связи с предъявленными заданиями. Поэтому они были объединены в группу «периферических». Так, например, встречались мнения, что доноры — это «мужчины», «взрослые мужчины», «молодые люди», «верующие», «малообеспеченные», «люди с первой группой крови»; донорами становятся, потому что «их просят это делать родственники или врачи» и т. д.

Примерно треть ответов о мотивах донорства и личностных качествах доноров можно было отнести к индивидуально ориентированным (рациональность, терпеливость, внушаемость, практичность и т. п.). Остальные имели в большей мере социальную направленность (ответственность, сострадание, отзывчивость, равнодушие, информированность о происходящем в мире и т. п.).

Следующим этапом исследования было выявление связи между отношением молодежи к донорству и к собственному здоровью. Результаты корреляционного анализа данных позволили выявить наличие положительной связи между обобщенным показателем отношения к своему здоровью (получен с помощью поведенческой шкалы опросника Березовской) и некоторыми параметрами отношения к донорству. Так, чем больше молодые люди заботятся о поддержании своего здоровья, тем чаще их ответы о мотивах и личностных качествах доноров содержат позитивные, центральные и социально ориентированные суждения (коэффициент Спирмена, $p \leq 0,05$).

Мы не обнаружили значимых различий в отношении к донорству между мужчинами и женщинами, а также между

людьми с различным социальным статусом (использовались критерии Манна—Уитни и Краскала—Уоллиса соответственно). Однако мужчины высказывали меньше эмоционально окрашенных позитивных суждений, чем женщины, что вполне объясняется гендерными различиями. В ответах на вопрос о том, что опрашиваемые делают для поддержания своего здоровья, у мужчин больше, чем у женщин, были выражены показатели «придерживаюсь диеты», «занимаюсь спортом» и «закаливаюсь».

Служащие больше, чем студенты и рабочие, обращают внимание на соблюдение диеты и распорядка дня, отказываются от вредных привычек и занимаются спортом. Также служащие чаще, чем остальные участники исследования, называют хорошее здоровье необходимым условием достижения успеха (различия значимы на 5%-м уровне). По-видимому, более высокий, чем у других участников исследования, уровень образования служащих можно считать причиной осознания ими высокой значимости здоровья.

Далее мы сравнили результаты опроса трех категорий опрошенных («регулярные доноры», «первичные доноры» и «не доноры»). Результаты показали, что доминирующими ценностями для «регулярных доноров» являются семейные отношения, здоровье и независимость. Необходимыми для достижения успеха средствами они считают развитые способности, хорошее здоровье и трудолюбие.

Для представителей двух других категорий («первичные доноры» и «не доноры») доминирующими ценностями являются семейные отношения, хорошее здоровье и наличие верных друзей. Необходимыми для достижения успеха средствами они считают развитые способности, «нужные» связи и трудолюбие.

Сравнение ценностных профилей показало, что у лиц, регулярно сдающих кровь, больше выражены ценности здоровья и независимости, но меньше — дружеских связей и уважения к себе со стороны окружающих. Также регулярно сдающие кровь респонденты, по сравнению с остальными, для достижения своих целей считают менее важными материальный достаток и «нужные связи», однако в большей мере выделяют способности и хорошее здоровье.

Доноры больше, чем участники опроса, не имеющие опыта донации, интересуются информацией о здоровье, получаемой из СМИ. Также они чаще утверждают, что на здоровье преимущественно влияет образ жизни, а не другие факторы (экологическая обстановка и качество медицинского обслуживания).

Суждения о мотивах и личностных качествах доноров у опрошенных с обобщенным показателем отношения к своему здоровью выше среднего (т. е. склонных к здоровому образу жизни) были положительными и преимущественно центральными, в то время как у респондентов с показателем ниже среднего ответы включали также негативные и зачастую периферические высказывания. Это позволяет предположить, что молодежь, придерживающаяся здорового образа жизни, позитивнее воспринимает донорство крови и располагает более точными сведениями о нем.

Результаты нашего исследования показали, что регулярные доноры в большей мере соблюдают распорядок дня, закаливаются, избегают вредных привычек, а также чаще ходят в баню, чем «не доноры» (различия значимы на уровне $p \leq 0,05$). Интересно, что мужчины и женщины, имевшие единичный опыт донации, по большинству показателей за-

боты о своем здоровье оказались ближе к донорам, чем к людям, никогда не сдававшим кровь (рис.). Таким образом, чем больше молодые люди вовлечены в практику донорства, тем больше они предпочитают здоровый образ жизни.

С помощью критерия Манна—Уитни было показано, что обобщенный показатель отношения к своему здоровью у подгруппы «доноров» выше, чем у людей, не имеющих опыта донации. Причем чем больше количество донаций у человека, тем больше он соблюдает здоровый образ жизни (критерий Спирмена, $p \leq 0,01$).

В подгруппе «регулярные доноры» названные участниками исследования мотивы и личностные характеристики доноров оказались позитивными, центральными и более чем в половине суждений — социально ориентированными (например: «стремятся быть нужными, полезными для других людей», «готовы поделиться тем, чего не получишь искусственным путем»).

Ответы участников подгруппы «первичных доноров» были позитивными, более чем на 90% центральными и примерно в половине случаев социально ориентированными. В отличие от представителей подгруппы «регулярных доноров», эти молодые люди и «не доноры» упоминали мотивы любопытства и самореализации.

Суждения по поводу донорства в подгруппе «не доноры» разделились на позитивные и негативные (последние составили примерно 6% от всей выборки и пятую часть от ответов данной категории опрошенных). Среди «позитивных» чаще, чем у представителей других категорий респондентов, можно было встретить восторженные характеристики («герои», «способные к самопожертвованию», «самые лучшие люди» и т. п.). 32% суждений в подгруппе «не доноры» были отнесены к «периферическим», так как содержали фактические ошибки и неточности (например, «донор — это студент»). Сравнение с помощью критерия Манна—Уитни

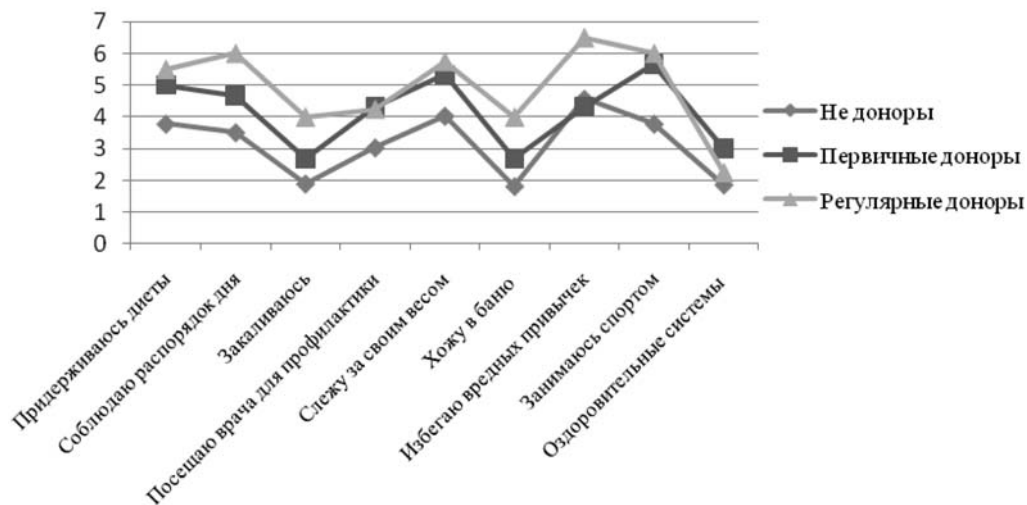

Рис. Отношение к своему здоровью у респондентов, имеющих и не имеющих опыта донорства крови (усредненные показатели, в баллах)

показателей «не доноров», высказавших позитивные и негативные суждения относительно донорства, показало, что для первых ценность здоровья существенно выше, чем для вторых (различия значимы на уровне $p < 0,01$).

Интересно, что в профиле личностных ценностей «не доноров», склонных к негативным суждениям, наблюдается относительное преобладание материальных ценностей, а среди первых трех средств достижения успеха они чаще, чем другие респонденты, называют «везение» и «нужные связи».

Полученные результаты, на наш взгляд, можно объяснить особенностями самоидентификации участников исследования. Молодые люди, в различной степени включенные в практику донорства, а также не имевшие подобного опыта, в различной мере идентифицируют себя с социальной группой доноров. Для первых сообщество доноров крови, видимо, является референтным, вследствие чего участвовавшие в нашем исследовании регулярные и первичные доноры склонны симпатизировать им и проявлять сходные ценностные ориентации, в том числе и в отношении здорового образа жизни. Представители подгруппы «не доноры», высказавшие положительные суждения, по-видимому, при определенных условиях могли бы пополнить ряды доноров (так, несколько участников исследования сообщили, что очень хотят стать донорами).

На основании полученных данных и их интерпретации можно сделать следующие выводы.

Выводы

1. Здоровье является одной из наиболее предпочитаемых ценностей для боль-

шинства участников нашего исследования. Служащие больше, чем студенты и рабочие, склонны к здоровому образу жизни и считают хорошее здоровье необходимым условием достижения успеха.

2. Респонденты считают, что их здоровье зависит, главным образом, от образа жизни, а не от качества медицинского обслуживания или экологической обстановки.

3. В целях поддержания своего здоровья участники исследования предпочитают избегать вредных привычек, следить за своим весом, заниматься спортом или физкультурой, придерживаться диеты. Посещение врача с профилактической целью и закаливание не являются популярными среди молодежи средствами оздоровления.

4. Существует положительная связь между отношением молодежи к своему здоровью и отношением к донорству. Чем больше человек заботится о своем здоровье, тем больше он склонен к позитивным, центральным и социально ориентированным суждениям о мотивах и личностных качествах доноров. Таким образом, молодежь, придерживающаяся здорового образа жизни, более положительно воспринимает донорство крови и располагает более точными сведениями о нем.

5. Существует положительная связь между отношением молодежи к донорству крови и собственной вовлеченностью в донорское движение. Чем больше молодой человек причастен к практике донорства, тем более позитивно он оценивает мотивы и личностные качества доноров.

6. Чем больше молодые люди вовлечены в практику донорства, тем больше они привержены здоровому образу жизни (соблюдают распорядок дня, избегают вредных привычек и т. п.). Регулярные

доноры больше, чем остальные участники нашего исследования, ценят здоровье и независимость, а также выделяют способности и хорошее здоровье в качестве важных средств достижения успеха. Доноры чаще, чем не доноры, интересуются информацией о здоровье в СМИ, а также больше уверены, что образ жизни является определяющим фактором поддержания здоровья.

Заключение

Результаты исследования показали, что доноры являются в целом привлекательной для молодежи социальной группой. Наиболее позитивное отношение к донорам выявлено у людей с опытом донорства, а также у мужчин и женщин с выраженной направленностью на здоровый образ жизни.

Существенное значение для повышения мотивации молодежи к участию в донорском движении имеют осведом-

ленность и преодоление различного рода психологических барьеров (предубеждений, страхов и т. п.). Однако решающее значение для мотивации к участию в донорском движении, по-видимому, имеет развитие самоидентификации человека в качестве донора. На наш взгляд, это справедливо как для первичных доноров, так и для лиц, не имеющих опыта сдачи крови.

На основании результатов работ, посвященных проблемам отношения молодежи к донорству крови, в том числе нашего теоретико-эмпирического исследования, можно заключить, что необходимо подробное и эмоционально окрашенное информирование молодежи о безопасности процедуры донации и о высокой социальной значимости применения сданной крови. Агитируя потенциальных доноров с помощью СМИ и специальных мероприятий, необходимо использовать средства, адекватные возрастным психологическим особенностям и интересам современной молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базарова Д.В., Буркин М.М., Иоффе Ю.Г. Социально-психологические особенности и мотивация доноров крови и потенциальных доноров гемопоэтических стволовых клеток // Клиническая онкогематология. 2010. Т. 3. № 3. С. 289–293.
2. Березовская Р.А. Отношение к здоровью // Практикум по психологии здоровья / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Питер, 2005. С. 100–110.
3. Информационный бюллетень ВОЗ № 279 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs279/ru/> (дата обращения: 10.09.2016).
4. Короткова М.Н., Таланова А.А. Об эффективности государственной политики в области донорства крови и ее компонентов // Молодой ученый. 2015. № 18. С. 416–419.
5. Лаврова В.А. Совершенствование агитации донорства крови и ее компонентов с учетом психологических особенностей доноров крови: дисс.... канд. мед. наук. СПб, 2009. 110 с.
6. Лаврова В.А., Колосков А.В. Анализ мотивационного спектра у доноров крови в Санкт-Петербурге // Гематология и трансфузиология. 2007. № 52 (1). С. 26–30.
7. Маринова Т.Ю. Здоровый образ жизни в структуре жизнедеятельности современного человека // Культурологические проблемы дошкольного образования в

- поликультурном регионе: сб. науч. статей / Чуваш. гос. пед. ун-т. Чебоксары, 2011. С. 40–42.
8. *Маринова Т.Ю.* Ценностные ориентации личности: отношение молодежи к своему здоровью // *Личность и группа в образовательном пространстве: сб. науч. трудов* / Под ред. О.Б. Крушельницкой. М., МГППУ, 2009. С. 91–94.
9. *Потанский В.М., Неминущая Е.И.* Аналитические выводы и пути решения проблемы донорства крови (компонентов) на основе социологического опроса (анкетирования) доноров учреждений службы крови ДЗ городов Москвы // *Трансфузиология*. 2013. Т. 14. № 1. С. 12–27.
10. *Социальная психология образования: учеб. пособие* / Под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой, Л.Б. Шнейдер. М.: Вузовский учебник, 2015. 320 с.
11. *Abderrahman B.H., Saleh M.Y.* Investigating Knowledge and Attitudes of blood donors and Barriers concerning blood donation in Jordan // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 116. Iss. 21. P. 2146–2154. doi:10.1016/j.sbspro.2014.01.535
12. *Alfieri S., Guidi P., Marta E., Saturni V.* Economic crisis and blood donation: How are donors' motivations changing? // *Transfusion and Apheresis Science*. 2016. Vol. 54. Iss. 3. P. 396–400. doi: 10.1016/j.transci.2016.03.001.
13. *Buciuniene I., Stoniene L., Blazeviciene A. et al.* Experimental Approaches to the Study of Charitable Giving // *BMC Public Health*. 2006. Vol. 6. P. 166.
14. *Burditt C., Robbins M.L., Paiva A. et al.* Motivation for blood donation among African Americans: developing measures for stage of change, decisional balance, and self-efficacy constructs // *Journal of Behavioral Medicine*. 2009. Vol. 32. Iss. 5. P. 429–442. doi: 10.1007/s10865-009-9214-7
15. *Bussey-Jones J., Garrett J., Henderson G. et al.* The role of race and trust in tissue // *Blood Donation for Genetic Research*. 2010. Vol. 12. Iss. 2. P. 116–121.
16. *Cai F., Wyer Jr. R.S.* The impact of mortality salience on the relative effectiveness of donation appeals // *Journal of Consumer Psychology*. 2015. Vol. 25. Iss. 1. P. 101–112. doi: 10.1016/j.jcps.2014.05.005
17. *Ferguson E., Farrell K., Lawrence C.* Blood donation is an act of benevolence rather than altruism // *Health Psychology*. 2008. Vol. 27. Iss. 3. P. 327–336. doi: 10.1037/0278-6133.27.3.327
18. *France J.L., France C.R., Carlson B.W., Kessler D.A., Rebosa M., Shaz B.H., Madden K., Carey P.M.* Motivating first-time, group O blood donors to return: Rationale and design of a randomized controlled trial of a post-donation telephone interview // *Contemporary Clinical Trials*. 2015. Vol. 44. P. 64–69. doi: 10.1016/j.cct.2015.07.020
19. *Guéguen N.* “Even a donation one time in your live will help...”: The effect of the legitimizing paltry contribution technique on blood donation // *Transfusion and Apheresis Science*. 2013. Vol. 49. Iss. 3. P. 489–493.
20. *Karacan E., Seval G.C., Aktan Z., Ayli M., Palabiyikoglu R.* Blood donors and factors impacting the blood donation decision: Motives for donating blood in Turkish sample // *Transfusion and Apheresis Science*. 2013. Vol. 49. Iss. 3. P. 468–473. doi: 10.1016/j.transci.2013.04.044
21. *Marantidou O., Loukopoulou L., Zervou E. et al.* Factors that motivate and hinder blood donation in Greece // *Transfusion Medicine Reviews*. 2007. Vol. 17. Iss. 6. P. 443–450. doi: 10.1111/j.1365-3148.2007.00797.x

22. *Masser B.M., White K.M., Hyde M.K., Terry D.J.* The Psychology of Blood Donation: Current Research and Future Directions // *Transfusion Medicine Reviews*. 2008. Vol. 22. Iss. 3. P. 215–233.
23. *Misje A.H., Bosnes V., Gasdal O. et al.* Motivation, recruitment and retention of voluntary non-remunerated blood donors: a survey-based questionnaire study // *Vox Sanguinis*. 2005. Vol. 89. Iss. 4. P. 236–244. doi: 10.1111/j.1423-0410.2005.00706.x
24. *Purewal S., van den Akker O.* Attitudes and intention to donate acolytes for research // *Fertility and Sterility*. 2010. Vol. 93. Iss. 4. P. 1080–1087.
25. *Shaz B.H., Demmons D.G., Crittenden C.P. et al.* Motivators and barriers to blood donation in African American college students // *Transfusion and Apheresis Science*. 2009. Vol. 41. Iss. 3. P. 191–197. doi: 10.1016/j.transci.2009.09.005
26. *Shenga N., Thankappan K., Kartha C. et al.* Analyzing sociodemographic factors amongst blood donors // *Journal of Emergencies, Trauma, and Shock*. 2010. Vol. 3. Iss. 1. P. 21–25.
27. *Toccaceli V., Fagnani C., Nistico L. et al.* Research understanding, attitude and awareness towards biobanking: a survey among Italian twin participants to a genetic epidemiological study // *BMC Medical Ethics*. 2009. Vol. 10. P. 4. doi: 10.1186/1472-6939-10-4
28. *Weinberg I., Zarka S., Levy Y. et al.* Why would young people donate blood? A survey-based questionnaire study // *Vox Sanguinis*. 2009. Vol. 96. Iss. 2. P. 128–132. doi: 10.1111/j.1423-0410.2008.01137.x
29. *Zago A., da Silveira M.F., Dumith S.C.* Blood donation prevalence and associated factors in Pelotas, Southern Brazil // *Revista de Saúde Pública*. 2010. Vol. 44. Iss. 1. P. 112–120.
30. *Zanin T.Z., Hersey D.P., Cone D.C., Agrawal P.* Tapping into a vital resource: Understanding the motivators and barriers to blood donation in Sub-Saharan Africa // *African Journal of Emergency Medicine*. 2016. Vol. 9. P. 70–79. doi: 10.1016/j.afjem.2016.02.003

Young people's attitudes towards their health and blood donation

O.B. KRUSHELNITSKAYA*,

*Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
social2003@mail.ru*

T.YU. MARINOVA**,

*Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
tamarinova@mail.ru*

A.V. MILEKHIN***,

*Ph.D. (Psychology), Vice-Rector for extracurricular and social work,
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,
milehinav@mgppu.ru*

The article presents the results of theoretical analysis of social and psychological problems of the donation, as well as researches of correlations between youth attitude towards their health and blood donation. The most active and safe donors are typically young volunteers with altruistic attitudes. Therefore, along with the study of altruism as the motive of the donation, an important aspect of the problem is the attitude of young people towards their health. 115 people were involved in an empirical study (39 men and 76 women) aged between 20 and 33 years, with and without experience of blood donation. We analyzed the young people's ideas about the personal qualities of the donor and donation motives. It has been shown that the more young people tend to lead a healthy lifestyle, the more positive their ideas are about the motives and personal qualities of the donor. There is a positive relationship between the youth attitude towards blood donation and its own involvement in donor movement. The more young people are involved in the donation practice, the more positive their evaluation of the motivations and personality traits of donors is. Also a positive relationship between the involvement of young people in the practice of donation and commitment to a healthy

For citation:

Krushelnitskaya O.B., Marinova T.Y., Milekhin A.V. Young people's attitudes towards their health and blood donation. *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 126–143. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080108

* *Krushelnitskaya Olga B.* — Ph.D. (Psychology), Head of the Department for Theoretical bases of social psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, social2003@mail.ru

** *Marinova Tatiana Y.* — Ph.D. (Biology), Dean of the Faculty of Social Psychology, Professor of theoretical bases of social psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, tamarinova@mail.ru

*** *Milekhin Andrey V.* - Ph.D. (Psychology), Vice-Rector for extracurricular and social work, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, milehinav@mgppu.ru

lifestyle was found. The study results suggest that the lack of awareness in donation issues is a significant obstacle for the expansion of youth participation in the donor movement.

Keywords: *altruism, donors, blood donation, youth, personal values, motivation, health, healthy lifestyle*

REFERENCES

1. Bazarova D.V., Burkin M.M., Ioffe Yu.G. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti i motivatsiya donorov krovi i potentsial'nykh donorov gemopoeticheskikh stvolovykh kletok [Socio-psychological characteristics and motivation of blood donors and potential donors of hematopoietic stem cells]. *Klinicheskaya onkogematologiya* [*Clinical Oncohematology*], 2010, t. 3, no. 3, pp. 289–293. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Berezovskaya R.A. Otnoshenie k zdorov'yu [Attitude to Health]. In Nikiforova G.S. (ed.) *Praktikum po psikhologii zdorov'ya* [*Health Psychology Workshop*]. SPb., Publ. Piter, 2005, pp. 100–110.
3. Informatsionnyi byulleten' VOZ № 279 [Elektronnyi resurs] [WHO Newsletter № 279] Available at: URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs279/ru/> (Accessed: 10.09.2016).
4. Korotkova M.N., Talanova A.A. Ob effektivnosti gosudarstvennoi politiki v oblasti donorstva krovi i ee komponentov [The effectiveness of the state policy in the field of blood donation and its components]. *Molodoi uchenyi* [*Young Scientist*], 2015, no. 18, pp. 416–419.
5. Lavrova V.A. Sovershenstvovanie agitatsii donorstva krovi i ee komponentov s uchedom psikhologicheskikh osobennostei donorov krovi. Diss.... kand. med. nauk. [Improving the campaign of blood donation and its components, taking into account the psychological characteristics of blood donors. Ph. D. (Medicine) Diss.]. Saint-Petersburg, 2009. 110 p.
6. Lavrova V.A., Koloskov A.V. Analiz motivatsionnogo spektra u donorov krovi v Sankt-Peterburge [An analysis of the motivational spectrum in blood donors in St. Petersburg]. *Gematologiya i transfuziologiya* [*Hematology and Blood Transfusion*], 2007, no. 52 (1), pp. 26–30.
7. Marinova T.Yu. Zdorovyi obraz zhizni v strukture zhiznedeyatel'nosti sovremennogo cheloveka [A healthy lifestyle in the structure of life of modern man]. *Kul'turologicheskie problemy doshkol'nogo obrazovaniya v polikul'turnom regione: sb. nauch. statei* [*Cultural problems of pre-school education in a multicultural region: coll. scientific. articles*]. Chuvash. gos. ped. un-t. Cheboksary, 2011, pp. 40–42.
8. Marinova T.Yu. Tsennostnye orientatsii lichnosti: otnoshenie molodezhi k svoemu zdorov'yu [Value orientation of personality: the attitude of young people towards their health]. In O.B. Krushelnitskaya (ed.). *Lichnost' i gruppa v obrazovatel'nom prostranstve: sb. nauch. trudov* [*Individual and group educational space: Sat. scientific. works.*]. Moscow: Publ. MSUPE, 2009, pp. 91–94.
9. Potapskii V.M., Neminushchaya E.I. Analiticheskie vyvody i puti resheniya problemy donorstva krovi (komponentov) na osnove sotsiologicheskogo oprosa (anketirovaniya) donorov uchrezhdenii sluzhby krovi DZ gorodov Moskvy [Analytical conclusions and solutions to the

- problem of blood donation (components) on the basis of a poll (survey) of donor blood service institutions DZ cities of Moscow]. *Transfuziologiya [Transfusion]*, 2013, t. 14, no. 1, pp. 12–27.
10. Sotsial'naya psikhologiya obrazovaniya: uchebnoe posobie [Social Psychology of Education: A Training Manual]. In Krushel'nitskaya O.B., Sachkova M.E., Shneider L.B. (ed.). Moscow: Publ. Vuzovskii uchebnik, 2015. 320 p.
11. Abderrahman B.H., Saleh M.Y. Investigating Knowledge and Attitudes of blood donors and Barriers concerning blood donation in Jordan. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014. Vol. 116, issue 21, pp. 2146–2154. doi:10.1016/j.sbspro.2014.01.535.
12. Alfieri S., Guidi P., Marta E., Saturni V. Economic crisis and blood donation: How are donors' motivations changing? *Transfusion and Apheresis Science*, 2016. Vol. 54, issue 3, pp. 396–400. doi: 10.1016/j.transci.2016.03.001.
13. Buciuniene I., Stoniene L., Blazeviciene A. et al. Experimental Approaches to the Study of Charitable Giving. *BMC Public Health*, 2006. Vol. 6, p. 166.
14. Burditt C., Robbins M.L., Paiva A. et al. Motivation for blood donation among African Americans: developing measures for stage of change, decisional balance, and self-efficacy constructs. *Journal of Behavioral Medicine*, 2009. Vol. 32, issue 5, pp. 429–442. doi: 10.1007/s10865-009-9214-7.
15. Bussey-Jones J., Garrett J., Henderson G. et al. The role of race and trust in tissue. *Blood Donation for Genetic Research*, 2010. Vol. 12, issue 2, pp. 116–121.
16. Cai F., Wyer Jr. R.S. The impact of mortality salience on the relative effectiveness of donation appeals. *Journal of Consumer Psychology*, 2015. Vol. 25, issue 1, pp. 101–112. doi: 10.1016/j.jcps.2014.05.005.
17. Ferguson E., Farrell K., Lawrence C. Blood donation is an act of benevolence rather than altruism. *Health Psychology*, 2008. Vol. 27, issue 3, pp. 327–336. doi: 10.1037/0278-6133.27.3.327.
18. France J.L., France C.R., Carlson B.W., Kessler D.A., Rebosa M., Shaz B.H., Madden K., Carey P.M. Motivating first-time, group O blood donors to return: Rationale and design of a randomized controlled trial of a post-donation telephone interview. *Contemporary Clinical Trials*, 2015. Vol. 44, pp. 64–69. doi: 10.1016/j.cct.2015.07.020.
19. Guéguen N. “Even a donation one time in your live will help...”: The effect of the legitimizing paltry contribution technique on blood donation. *Transfusion and Apheresis Science*, 2013. Vol. 49, issue 3, pp. 489–493.
20. Karacan E., Seval G.C., Aktan Z., Ayli M., Palabiyikoglu R. Blood donors and factors impacting the blood donation decision: Motives for donating blood in Turkish sample. *Transfusion and Apheresis Science*, 2013. Vol. 49, issue 3, pp. 468–473. doi: 10.1016/j.transci.2013.04.044.
21. Marantidou O., Loukopoulou L., Zervou E. et al. Factors that motivate and hinder blood donation in Greece. *Transfusion Medicine Reviews*, 2007. Vol. 17, issue 6, pp. 443–450. doi: 10.1111/j.1365-3148.2007.00797.x.
22. Masser B.M., White K.M., Hyde M.K., Terry D.J. The Psychology of Blood Donation: Current Research and Future Directions. *Transfusion Medicine Reviews*, 2008. Vol. 22, issue 3, pp. 215–233.
23. Misje A.H., Bosnes V., Gasdal O. et al. Motivation, recruitment and retention of voluntary non-remunerated blood donors: a survey-based questionnaire study. *Vox Sanguinis*, 2005. Vol. 89, issue 4, pp. 236–244. doi: 10.1111/j.1423-0410.2005.00706.x.

24. Purewal S., van den Akker O. Attitudes and intention to donate acoytes for research. *Fertility and Sterility*, 2010. Vol. 93, issue 4, pp. 1080–1087.
25. Shaz B.H., Demmons D.G., Crittenden C.P. et al. Motivators and barriers to blood donation in African American college students. *Transfusion and Apheresis Science*, 2009. Vol. 41, issue 3, pp. 191–197. doi: 10.1016/j.transci.2009.09.005.
26. Shenga N., Thankappan K., Kartha C. et al. Analyzing sociodemographic factors amongst blood donors. *Journal of Emergencies, Trauma, and Shock*, 2010. Vol. 3, issue 1, pp. 21–25.
27. Toccaceli V., Fagnani C., Nistico L. et al. Research understanding, attitude and awareness towards biobanking: a survey among Italian twin participants to a genetic epidemiological study. *BMC Medical Ethics*, 2009. Vol. 10, p. 4. doi: 10.1186/1472-6939-10-4.
28. Weinberg I., Zarka S., Levy Y. et al. Why would young people donate blood? A survey-based questionnaire study. *Vox Sanguinis*, 2009. Vol. 96, issue 2, pp. 128–132. doi: 10.1111/j.1423-0410.2008.01137.x.
29. Zago A., da Silveira M.F., Dumith S.C. Blood donation prevalence and associated factors in Pelotas, Southern Brazil. *Revista de Saúde Pública*, 2010. Vol. 44, issue 1, pp. 112–120.
30. Zanin T.Z., Hersey D.P., Cone D.C., Agrawal P. Tapping into a vital resource: Understanding the motivators and barriers to blood donation in Sub-Saharan Africa. *African Journal of Emergency Medicine*, 2016. Vol. 9, pp. 70–79. doi: 10.1016/j.afjem.2016.02.003.

Управление талантами: чему учить сотрудников сегодня, чтобы выжить завтра

А.Ю. БУХАРИНА *,

*Ассоциация независимых экспертов в области обучения и развития
(TnD Association); ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
a.bukharina@tndassociation.com*

Мир меняется, а вместе с ним меняются потребности в образовании. В статье определяется понятие VUCA-мира, освещаются технологии, позволяющие с точностью определить тренды, а также подробно рассматриваются ключевые вопросы, кого, как и чему учить в рамках работы с персоналом с позиции «управления талантами». Собран и обобщен новейший теоретический и практический опыт специалистов в области обучения и развития из США, Европы, а также передовых Российских консалтинговых компаний; приводятся примеры и данные с последних отраслевых выставок, а также ссылки на реальные реализованные проекты 2016 и начала 2017 гг. Эта статья будет интересна и полезна тем, кто интересуется практическим применением психологических методик и инструментария, а также интеграцией имеющегося материала в нестандартные практикоориентированные решения.

Ключевые слова: обучение, развитие, геймификация, тренинг, бизнес-игра, форсайт-сессия, тренды 2017, мировые практики, управление талантами, кадровый резерв, программа развития, оценка персонала, краудсорсинг, профессии будущего.

В каждое время человек пытался заглянуть в будущее, чтобы успеть подготовиться к тому, что еще не наступило. И если раньше это было скорее желанием, связанным с любопытством, то в последние сто лет предвидение глобальных трендов стало необходимым для выживания как отдель-

ного индивидуума, так и более серьезных общественных образований — транснациональных корпораций и даже целых стран.

В таком контексте помимо технологий, специальных служб и других форм отслеживания «новейшего настоящего» особый взгляд сегодня обращен к психологам: биз-

Для цитаты:

Бухарина А.Ю. Управление талантами: чему учить сотрудников сегодня, чтобы выжить завтра // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 144–162. doi:10.17759/sps.2017080109

* Бухарина Алина Юрьевна — управляющий партнер, Ассоциация независимых экспертов в области обучения и развития (TnD Association); магистрант кафедры социальной психологии развития, факультет социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, a.bukharina@tndassociation.com

нес и государственные организации обращаются к профессиональному сообществу, чтобы в прямом смысле предвидеть будущее, а если точнее, понять, какими компетенциями должен обладать сотрудник в будущем, чтобы развивать их уже сейчас. Именно такие сотрудники обеспечат если не прорыв, то хотя бы стабильное функционирование ключевых структур и обеспечат своим работодателям необходимую базу профессиональной компетентности, чтобы оставаться на плаву в долгосрочной перспективе. Ведь, если верить пророческим словам Льюиса Кэрролла, «нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее» [6].

В большинстве организационных структур сейчас озабочены вопросами: «кого учить», «как учить» и «чему учить» сегодня, чтобы быть готовыми к вызовам завтрашнего дня. Обзору современных подходов к решению именно этих вопросов и будет посвящена данная статья. Для этого воспользуемся классическим приемом системного мышления, предписывающим анализировать любую проблему через анализ:

- надсистемы;
- системы;
- подсистемы [8].

Под надсистемой мы должны понимать характеристики современного мира, точнее, того мира, который будет, начиная примерно с 2020 года. Сейчас среднесрочная стратегия любой компании ориентирована на данную цифру.

Для того чтобы «предвидеть мир», на сегодняшний день используются несколько технологий:

- краудсорсинг;
- трендсеттинг;
- форсайт-сессии.

Первая технология (краудсорсинг) позволяет собрать максимальное ко-

личество мнений — т. е., по большому счету, это глобальный мозговой штурм с участием практически неограниченного количества людей. Социальные сети, мгновенные качественные переводчики и развитие BigData очень облегчили технологическую базу для данного процесса и дали огромный толчок к его развитию.

На основе первой технологии активно развиваются две другие — трендсеттинг, т. е. понимание и вычленение основных трендов, а также форсайт-сессии — это прогнозирование и развертывание будущих сценариев развития общества (рис. 1).

Здесь стоит обратить внимание на один из последних фундаментальных трудов — «Атлас новых профессий», опубликованный Московской школой управления «Сколково» и Агентством стратегических инициатив (АСИ) в 2014 г. В основу «Атласа» легли данные исследования «Форсайт-компетенций», в котором приняли участие 2500 российских и иностранных признанных экспертов из 19 отраслей экономики.

«“Атлас” — это альманах перспективных отраслей и профессий на ближайшие 15–20 лет. Он поможет понять, какие отрасли будут активно развиваться, какие в них будут рождаться новые технологии, продукты, практики управления и какие новые специалисты потребуются работодателям» [2].

Данных на сегодняшний день масса, однако все они сходятся в одном — мир изменился. Наиболее точно состояние современных реалий характеризует аббревиатура VUCA. Точно не известно, кто ввел данный термин, однако большинство обозревателей ссылаются на доклады военного представительства США, датируемые 1990 г.

«V.U.C.A. является акронимом английских слов Volatility (нестабильность), Uncertainty (неопределенность), Complexity (сложность) и Ambiguity

Рис. 1. Материалы форсайт-сессии по анализу ценностей потребителя определенной возрастной группы в 2025 г. Январь 2017 г.

(неоднозначность)» [3]. Этим термином военные специалисты объясняли новые условия ведения войн и борьбы с терроризмом в непредсказуемом современном мире без правил и привязки к жесткой стратегии. Данное исследование оказалось настолько удачным по сути вопроса, что термин VUCA-мир прочно вошел в обиход бизнесменов и консультантов, которым необходимо было понять причину, вызвавшую невозможность «планировать, прогнозировать и поддерживать былую стабильность в корпоративном мире» [3]. Теперь же термин «VUCA-мир» прочно обосновался в литературе, посвященной стратегии и развитию общества, поэтому в дальнейшем будет применяться в данной статье.

Для дальнейшего понимания мы введем также термин «управление талантами». Отметим, что на данный момент не

существует единственного и всеми признанного определения этого термина, «как не существует и фундаментальной статьи или книги, вводящей и определяющей его» [13]. В то же время, несмотря на описание самой концепции в книге «Война за таланты» McKinsey, работавшей в GE с Джеком Уэлчем, в ней не упоминается такое понятие, как «управление талантами». Таким образом, с одной стороны, термин «управление талантами» является официальным и тиражируемым, а, с другой, не имеет единственно утвержденного трактования.

Обозначим также необходимые терминологические допущения, используемые в данной статье. Термин «талант» многогранен и имеет несколько значений. Так, например, Большой психологический словарь дает определение данного понятия как «высокий уровень развития способностей, про-

являющийся в творческих видах деятельности» (см.: Креативность, Одаренность общая) [7]. В то же время в управленческих дисциплинах «талант» понимается в ином контексте и трактуется как сильная сторона или «способность достигать исключительных результатов, признаваемых и вознаграждаемых владельцами, менеджерами и потребителями» [1, с. 213]. Здесь и далее в работе будет использоваться трактовка таланта как сильной стороны, потенциала к развитию той или иной компетенции.

Исходя из позиции менеджмента, если талант — это развиваемое качество, значит, им можно и необходимо управлять. По определению отечественного практика Е. Тарасковой: «Управление талантами — это деятельность компании, позволяющая использовать вложения в талантливый персонал в области среднего и высшего менеджмента» [10].

Однако следует рассмотреть и другие не менее тиражируемые трактовки данного понятия. Вследствие заимствования термина «Talent Management» из английского языка, российское HR-сообщество интерпретировало его смысл самостоятельно. Проблеме отсутствия единого понятийного аппарата в сфере развития и управления персоналом посвящено множество статей, однако в данном конкретном случае именно это послужило причиной формирования трех отдельных трактовок данного термина и, соответственно, разной его практической реализации.

Трактовка 1. «В узком смысле слова термин “управление талантами” довольно скоро стал обозначать стремление компании выделять своих талантливых сотрудников в отдельную группу» [15] и управлять ими неким особым образом.

Трактовка 2. Разделение персонала по категориям (ABC-анализ) предполагает наличие нескольких категорий со-

трудников. Сейчас в крупных компаниях из производственной, банковской сферы, IT присутствует больше трех категорий, т. е. А, В, С, D и Е. Практика показывает, что с сотрудниками С и D (средней и низкой эффективности) тоже нужно работать, чтобы они не превратились в категорию Е — кандидатов на увольнение.

Вследствие внедрения подобных мировых практик «... термин “управление талантами” стали интерпретировать широко: как управление совокупностью HR-процессов, позволяющих насытить компанию эффективными сотрудниками и поддерживать ее в таком состоянии» [13]. Именно так сегодня многие западные и российские HR-руководители и понимают управление талантами.

Трактовка 3. Невозможно обойти вниманием еще одну распространенную трактовку, делающую акцент на самом слове «талант», подразумевающую одаренность или даже гениальность талантливого человека. Этот подход также имеет значительную избирательность: в нем заложена идея о том, что в компании есть особо одаренные, «талантливые» сотрудники. Ввиду их, в первую очередь, личностных особенностей считается, что «такими людьми невозможно управлять в традиционном смысле слова, можно лишь создать условия для раскрытия их потенциала» [12]. Приверженцы данного подхода любят цитировать Стива Джобса: «Мы не нанимаем людей, чтобы потом говорить им, что делать. Мы нанимаем людей, чтобы они говорили нам, что делать» [13].

Чаще всего такую трактовку термина используют HR-ы в инновационных компаниях и компаниях с большим количеством представителей творческих профессий.

Возможность сравнить все три трактовки дают возможность материалы, представленные в табл.

Три трактовки управления талантами [13]

Трактовка термина	Кто такой талант и сколько талантов в компании	Управление талантами это	Типичные элементы
Трактовка 1. Управление талантами в узком смысле	<p>Талант – это эффективный сотрудник (сотрудник категории А).</p> <p>Талантов ограниченное количество, например 20% как в GE. Либо любое другое количество на усмотрение компании (золотая сотня, тысяча и т.д.)</p>	<p>Выделение талантов в отдельную категорию/группу и использование особых технологий работы с ними: создание осознанной разницы в их поощрении, развитии и продвижении по сравнению с другими сотрудниками, реализация специальных программ для талантов.</p>	<p>Четкое выделение группы талантов: категория А, группа HiPo, «золотой резерв» и т.д.</p> <p>Как правило, дается четкое определение, кто такой талант, либо описывается процедура попадания в «таланты».</p>
Трактовка 2. Управление талантами в широком смысле	<p>Талантами могут называть как и в первом варианте ограниченный круг сотрудников. Либо талантами считают всех сотрудников и не привязываются к этому термину.</p>	<p>Совокупность HR-процессов: подбор, оценка, мотивация, развитие, увольнение, продвижение и т.д. насыщающих компанию эффективными людьми и поддерживающими ее в таком состоянии.</p>	<p>HR-система может включать все элементы первого подхода, но также предполагает работу со средними по эффективности и неэффективными и сотрудниками.</p>
Трактовка 3. Управление талантами в буквальном понимании	<p>Талантами называют одаренных, почти гениальных людей, которых не может быть много. Либо талантами называют всех сотрудников творческих профессий, к которым также нужен «особый подход».</p>	<p>Создание атмосферы и условий для привлечения и раскрытия талантов, отказ от традиционных практик управления «не талантами».</p>	<p>Отсутствие механистичных методов материальной мотивации и контроля сотрудников. Поощрение лидерства, творчества, поддержание внутренней мотивации людей.</p>

В российской HR-практике используются все три трактовки и, соответственно, три подхода в зависимости от внутренней политики и культуры самой компании.

Кого учить?

Для того, чтобы составить портрет тех, кого предстоит учить, стоит обратить внимание на данные, полученные А. Робертсон и Г. Эбби в ходе широко-масштабного исследования сотрудников, идентифицируемых как «talants организации». Они выяснили, что у этой категории персонала есть целый ряд особых характеристик, выражающихся в стремлениях:

- к личному росту;
- к постоянному движению вперед;
- к осмысленности результатов;
- к действию и выбору;
- к чувству собственного достоинства;
- к непринужденности [10].

В то же время помимо этих характеристик есть несколько аспектов, которые необходимо принимать в расчет:

- рынок труда и поколения;
- потребность в новых лидерах;
- операционная эффективность, которая вдруг стала неизмеряемой.

Тенденция, прозвучавшая 5–7 лет назад: «люди есть, тех, кто нужен, — нет». Сейчас «Поколение Y» стало притчей во языцех, ведь им сейчас 25–30 лет, т. е. это люди, которые уже становятся руководителями и должны занять кресла ТОП-менеджеров на ближайших горизонтах. Но проблема в том, что они... НЕ ХОТЯТ! Более подробно с теорией поколений можно ознакомиться в ставшей современной классикой книге Уильяма

Штрауса и Нила Хоува «Поколения», написанной в 1991 г. [21].

Главное, что ценят в работе «игреки», — задание, а не время. Поэтому, чтобы в определенный момент не оказаться без персонала, современной компании необходимо внедрять хотя бы часть следующих нововведений:

- при постановке задачи четко указать, какой результат вы хотите получить, и назначить ответственного за работу;
- отменить обязательное присутствие в офисе, в том числе на собраниях;
- оценивать выполненную работу по ее качеству, а не количеству или времени «отсидки» в офисе;
- убедить менеджеров и рядовых сотрудников, что присутствие на рабочем месте вовсе не свидетельствует о преданности делу;
- позволить сотрудникам работать удаленно и поддерживать с ними связь с помощью современной техники;
- отводить специальные места для общения сотрудников и для групповой работы, чтобы тем самым способствовать переменам [14].

Людям поколения Z пока 16–20 лет, они только начинают выходить на рынок труда, но уже сейчас «цифровые» дети вызывают у родителей удивление и тревогу, а у работодателей — панику. Хотя, на первый взгляд, — это вопрос подбора, данные ценности напрямую влияют на мотивацию людей к обучению, без которой просто невозможен правильный механизм его реализации, а также на методы, приемы и обучающую среду, о которой речь пойдет позже.

Раньше тема поколений пугала, потом стала привычной. Сегодня есть решения и проекты в области работы с представителями разных поколений.

Не меньшим вопросом является поиск новых лидеров. Лидеры нужны организациям всегда, это — «вечная» потребность. Правда, ожидания от них и характеристики тех, кто нужен, разные. Сейчас, в VUCA-мире, растет спрос на agile — гибких. Для «новых лидеров» характерны способность и желание учиться на основе опыта и впоследствии применять полученные знания и навыки в новых ситуациях.

Вот компетенции лидера нового формата, по мнению Евгения Доценко (ГК «Институт тренинга — АРБ Про»):

- думать быстро;
- проявлять инициативу и любопытство;
- создавать новые связи;
- принимать интуитивные решения;
- мыслить широко [4].

В качестве примера из практики можно рассмотреть кейс, презентованный на World HRD Congress 2013 в Мумбаи. Раджив Дубей (Rajeev Dubey), вице-президент по HR Mahindra Group (крупная финансовая и девелоперская корпорация в Индии), описал принятый в компании подход к лидерству.

Первое требование к лидеру современности в Mahindra — Свежий разум, Мышление, Альтернативные ракурсы (agile, space, alternative thinking).

Второе требование — лидер должен быть mastermind, вдохновителем. Это способность увидеть в том, что происходит, в действиях других людей позитивное. «Нам неинтересны высокоинтеллектуальные люди. Интеллект — это часто враг. Если человек хорошо соображает, то зачастую он является разрушителем. Благодаря своему интеллекту он хорошо критикует, ставит под сомнение, разбирает по косточкам то, что происходит вокруг, и то, что делают другие. «Это как

раз НЕ нужно современному лидеру» [4], — говорил Раджив.

Третье требование — self-indulgent creativity, творчество, инновационность. «Инновационный лидер — это человек, который может обеспечить отдачу на неудачу» [4]. Способность вытащить пользу из исходно негативной ситуации была важна всегда и принципиально необходима лидерам будущего.

Четвертое требование — способность видеть что-то глобальное и держать это в фокусе внимания. По-английски mindfulness — вдумчивость, способность фокусироваться на идее, задаче, не расплываться на операционную круговерть. Это способность управлять ментальной загрузкой.

Пятое, и ключевое, требование — reliance, доверие. «Формирование отношений и резервов, действующих в условиях неопределенности, — критичная вещь. Чтобы доверие формировать, надо быть самим собой» [4].

Следующий вопрос, который требует рассмотрения, — это операционная эффективность, традиционно измеряющаяся в планах и ключевых показателях эффективности (KPI, КПЭ).

Ряд специалистов в управлении талантами продолжают надеяться, что постоянно изменяющаяся среда — явление кратковременное, однако реальность диктует, что это состояние перманентного хаоса и мы должны учиться профессионально управлять им. «Почти все в современном HR, в том числе управление талантами и планирование персонала, создавалось под более предсказуемые условия и времена» [9], поэтому такие подходы и механизмы перестают работать в хаотичной среде VUCA, где «... гораздо больше изменений, выше их скорость, динамика, размер измене-

ний, влияние на бизнес» [9]. Поэтому общество задает нам вопрос: «Как эффективно искать, отбирать, развивать, удерживать “таланты” и лидеров вашей организации в волатильной среде, где изменения происходят сейчас за месяц такие, как ранее за год?»

В первую очередь подвергается пересмотру система оценки эффективности. Как ставить плановые показатели, если реалии меняются так часто, что планы устаревают через месяц, а стратегия становится неактуальной к концу года? В частности, «... свои подходы к управлению результативностью сейчас пересматривают такие компании, как Deloitte, Accenture и даже корпорация GE, которая как раз и изобрела ежегодную оценку, которая сейчас подвергается довольно жесткой критике за несоответствие современным задачам» [9].

В соответствии с функционирующими в XX в. моделями управления в целом, будущее было относительно предсказуемым и прогнозируемым. Поэтому компании нанимали, обучали и развивали специалистов под определенный проектируемый вариант сценарного развития (в большинстве случаев сценарий А). Более продвинутые компании старались рассмотреть несколько вариантов стратегии и готовились «не только к самому вероятному сценарию будущего, но к еще одному или двум альтернативным сценариям (сценарии А, В, С). Но, к сожалению, в Мире VUCA использование традиционной модели означает, что вы будете подбирать персонал, обучать и развивать его под сценарии бизнеса, которые никогда не наступят. Ваши усилия по планированию и обучению пройдут впустую» [24], если будущее, под реалии которого вы обучали сотрудников, никогда не наступит.

Классическая система компетенций также оказалась чересчур жесткой, а поэтому ненадежной для построения функции управления персоналом с учетом повышенной активности рынка. Цитируя эксперта-практика: «Задача по составлению “профиля компетенций руководителя” сегодня сопоставима с задачей описать идеального жениха для невесты с прогрессирующим расщеплением личности» [9]. Например, в компании Google с недавних пор не используют интервью по компетенциям при подборе, так как компания открывает и закрывает направления бизнеса с такой скоростью, что невозможно предсказать компетенции, которые потребуются от сотрудников через полгода. Другой путь — переформулировать классический набор компетенций в более современный (например, в обучаемость, адаптивность, умение действовать в ситуации неопределенности). Правда, пока универсальной альтернативы модели компетенций не найдено.

Этим же объясняются затруднения с обучением. Если раньше хорошим тоном были детально прописанные карьерные планы и карты компетенций, то теперь кадровые резервы скорее похожи на отряды подготовки космонавтов, которые не знают (и не должны знать), куда и когда они полетят, и должны готовиться ко всему. Обучение и развитие, как и адаптация, превращаются в игру на скорость. Планировать необходимые компетенции, как мы уже говорили выше, затруднительно, поэтому часть обучения неизбежно будет происходить «на всякий случай». Учиться в современном изменчивом и непредсказуемом мире придется каждый день, а не несколько раз в год на тренингах [9].

Как учить?

Рассматривая потребности людей, неотделимые от их ценностей и устремлений, о чем мы рассуждали выше, мы получили новый тренд, который необходимо принимать во внимание, если мы действительно хотим получить высокую отдачу по результатам проведенного обучения.

На сегодняшний день очевиден спрос на гибкую подстройку под нужды клиента (кастомизацию), практичность выбранного решения и максимальное вовлечение участников. Значительная часть обучающих форматов существует уже давно. Люди к ним привыкли и выработали определенную «резистентность». Именно этим фактором обусловлен спрос на что-то новое и свежее: новые методики, форматы работы с людьми, новые модели и практики.

На глобальной конференции в области обучения и развития персонала ASTD 2016 уже второй год подряд лидирующей тенденцией была «геймификация» (gamefication) — применение игровых обучающих решений для вовлечения людей, создания мотивации, поддержки обучения и реализации посттренингового сопровождения. Сегодняшние участники не столько хотят, чтобы было «умно» или «красиво», они хотят, чтобы процесс обучения, в первую очередь, их развлекал, нужен некий постоянный эффект wow.

Даже самый базовый тренинг сейчас не обходится без элементов геймификации, скоринга (набора очков), что увеличивает вовлеченность участников.

Семимильными шагами развивается разработка деловых игр и бизнес-симуляций, так как знания, полученные на практике, усваиваются на 70% в отличие

от знаний, полученных в ходе лекционного занятия (Конус Эдгара Дейла). К тому же любая игровая форма позволяет наиболее эффективным способом реализовывать Цикл Колба, сразу переводя некомпетентность участников в разряд осознанной, а значит, минимизируя время тренера на преодоление сопротивления группы. За счет этого время тренинга можно сократить почти вдвое при использовании формата деловой игры, при этом не теряя в качестве обучения.

Здесь необходимо сделать следующую ремарку о терминологии.

Деловая игра воспроизводит некий довольно универсальный паттерн или проблему. Например, движок игры строится вокруг сложностей в коммуникации или управленческом цикле.

Бизнес-симуляция обычно с довольно высокой точностью воспроизводит бизнес-процесс определенной компании или отрасли. Она позволяет корректировать этот бизнес-процесс или использоваться для обучения управленцев высокого уровня, так как дает возможность «воспроизводить» реальность с довольно высокой точностью.

Online обучение больше не является опцией для обсуждения, уже никто не ставит вопрос, нужно оно или нет. Более того современные подходы в этом направлении грозят большими переменами в области образования в целом. Глобальный ресурс Coursera, уже имея более 13 млн активных учащихся на сегодняшний день, в 2016 г. начал массированную публикацию курсов на русском языке. Таким образом, чтобы учиться в ВШЭ или Гарварде, вам уже не надо никуда ехать, платить огромные деньги (обучение на ресурсе бесплатное, платно — только сертификат). Любой человек в любом конце земного шара может полу-

чать лучшее образование, не выходя из дома, бесплатно. Влияние данного факта сейчас не до конца оценено, однако, скорее всего, его плоды мы увидим, когда в компанию придут те самые технически «подкованные» Z-сотрудники.

Именно поэтому уже большинство компаний переключается в онлайн-формат многие технические курсы и профессиональное обучение.

Все чаще и чаще мы встречаем формат, когда вводный курс для молодого сотрудника (induction course) представляет собой деловую игру (рис. 2) и дальнейшее прохождение онлайн-курса с элементами геймификации (выполнил задание — получил награду).

В кадровых резервах для интенсификации обучения участники программы сначала проходят по максимуму материал на онлайн-портале, там же находится литература и предварительный тест, а уже затем приходят на очный тренинг, где эксперт уже отвечает на сложные вопросы и выводит предварительно полученную резервистами информацию на более высокий уровень обзора и прикладной аналитики.

Появляются решения, которые помогают реализовывать HR-задачи: личный кабинет каждого сотрудника на внутреннем портале, викторины и тесты, участие в обучающих онлайн стратегиях (например, The Fresh Connection), переход к

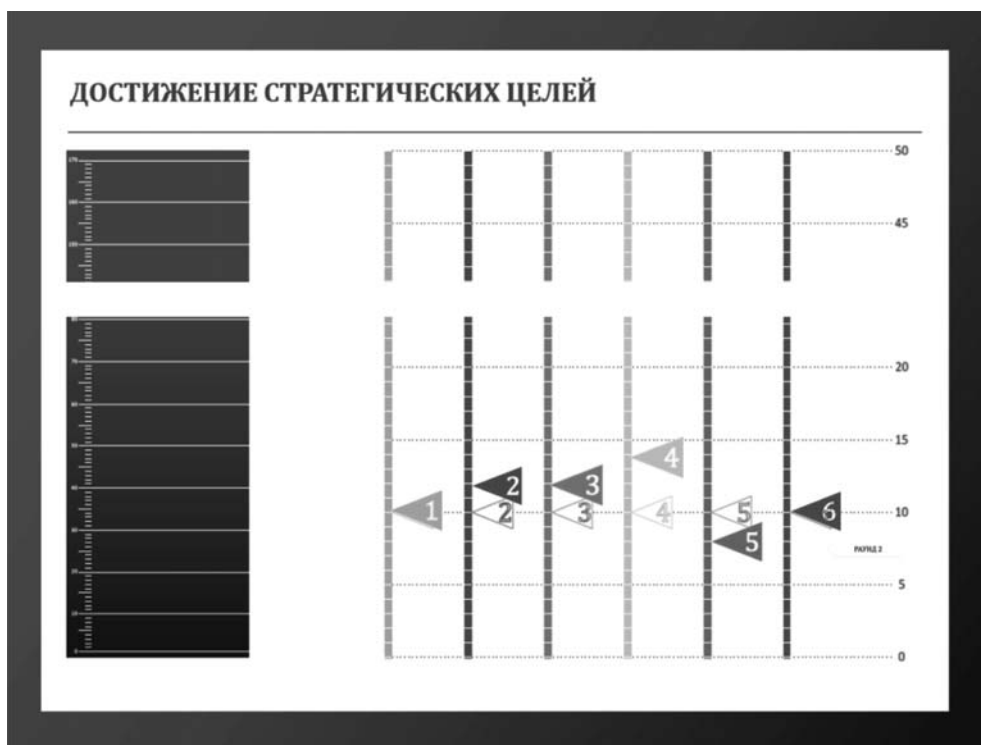

Рис. 2. Фрагмент игрового поля Вводного курса для новых сотрудников организации. Коммерческая разработка, февраль 2017 г.

полной онлайн поддержке конференций и крупных образовательных мероприятий, скрайб-доски и мемо-карточки по итогам стратегических сессий, интерактивные визуальные модели (от Lego до 3D-Mapping), мобильные приложения и многое другое.

Отдельно стоит выделить корпоративные обучающие социальные сети. Здесь идет не только общение сотрудников друг с другом (нетворкинг), но и осуществляется постоянная поддержка пользователей, например, состоящих в кадровом резерве: домашние задания, обсуждения творческих и иных задач, домашняя работа, работа в мини-группах, видео-чаты, вебинары, даже квесты — все это происходит теперь здесь. И уже неважно, где сидит твой коллега — в Берлине, Москве, Астане или Владивостоке — ваша команда работает так же эффективно, как и люди, сидящие в разных филиалах одного города.

Чему учить?

Вопрос «чему учить?» традиционно самый сложный. И если бы несколько лет назад ответ был бы скорее только про сферу компетенций, в данной статье хотелось бы дать на него более широкий ответ, так как наметился тренд — появился «запрос на гармоничность/счастье».

По официальной статистике Google, «... с 2005 г. упало количество запросов, содержащих слово “satisfaction” (“удовлетворенность”), на 20% увеличилось количество запросов, которые содержат слово “engagement” (“вовлеченность”), и значимо, практически в 2,5 раза, выросло количество запросов, содержащих слово “счастье” (“happiness”)». То есть люди ищут счастье в прямом и переносном смысле.

В HR-стратегиях целого ряда транснациональных компаний уже напрямую указывается, что задача HR состоит в том, чтобы управлять уровнем счастья сотрудников» [4].

Вследствие данного тренда в задачу HR-а добавился поиск практик, которые позволят сотрудникам компании чувствовать себя в прямом смысле счастливее на рабочем месте. В противном случае неизбежно наступит эмоциональное выгорание, и, как следствие, сотрудник либо начинает болеть (а значит, быть неэффективным), либо кладет вам заявление на стол. И здесь ни обучение, ни зарплата, ни любые другие блага не помогут.

С данным запросом, исходя из личной практики, мы сталкиваемся в следующих случаях. Чаще всего организации обращаются с запросом на тренинг по личной эффективности, управлению временем или чем-то подобным. Однако, если в компании нет высокой текучки или сильного повышения количества задач на одного сотрудника за последний год (т. е. люди те же, объем задач — примерно тот же), мы предлагаем протестировать сотрудников на предмет эмоционального выгорания. Исходя из личной практики (выборка 56 человек за последние 3 месяца), у нас есть данные, что 26% находятся в зоне высокого риска (сформированы в том числе доминирующие симптомы во всех трех фазах выгорания), 86% сотрудников выгорают хотя бы по двум и более симптомам.

Для того чтобы справиться с новым вызовом, необходимо убрать хотя бы часть факторов, которые делают людей несчастными.

В первую очередь, это бесконечный соревновательный эффект, бонусы и привилегии, которые разделены на уровни, — отличная вещь, которая, на первый

взгляд, потенцирует и мотивирует людей. Однако, благодаря проведенным исследованиям Мичиганского университета, было доказано, что данный фактор может вызывать неэтичное поведение, так как в первую очередь вызывает зависть и вражду между коллегами.

Другой не менее интересный фактор был назван «Saying A praising for B», что в переводе значит «говорим одно, а поощряем за другое». Классическая ситуация, иллюстрирующая данный подход: компания в стратегии заявляет, что ориентирована на командную работу и долговременные проекты, а поощряет при этом сотрудников индивидуально и по итогам одного года. Подобная ситуация — вклад в несчастье сотрудников.

Не менее важны корпоративная культура, оценка других и общественное мнение. Слухи, разговоры и непоследовательная или только негативная обратная связь снижают уровень счастья и, как следствие, показатели вовлеченности. У сотрудника формируется парадигма: «Что ни делай — все равно руководитель недоволен, зачем делать лучше (или делать вообще)». Именно по этой причине в ряде компаний, особенно производственного сектора, стали учить своих руководителей среднего звена и выше грамотному механизму подачи и получения обратной связи.

«Чувство вины... На чем основано то, что мы подчас называем “ответственный сотрудник”? На том, что он чувствует, что если он что-то не сделал, то компания и коллеги пострадали. Мотивируемый чувством вины, он становится, как кажется, более результативным, но — с возрастающей скоростью менее счастливым» [4] и абсолютно точно более выгорающим.

А что повышает уровень счастья? Полнота жизни. Именно поэтому по-

явился целый комплекс запросов на внедрение коучинговых практик, по сути, психологических тренингов, в корпоративный формат. Некоторые компании таким образом расширяют сотрудникам социальный пакет. За последний год мы с коллегами работали более, чем над десятком подобных запросов, успешно реализовав большое количество их модификаций. Вот лишь некоторые из них:

- Классический запрос на «счастье на работе» и удовлетворенность балансом рабочего и личного;

- Тренинг для инженерного резерва: нужно было через тему безопасности выйти на принципы сохранения физического и психоэмоционального здоровья, а также донесение того факта, что это ответственность не компании, а каждого конкретного участника подобного тренинга;

- Полноценный комплекс из тренинга и посттренингового сопровождения для ведущих специалистов компании, направленный на борьбу с эмоциональным выгоранием, уменьшение психологической нагрузки; техники *pojo*;

- Серия вечерних мероприятий, в рамках которой мы работали с личной миссией, постановкой жизненных целей, увязывали их с задачами компании, таким образом, поднимая вовлеченность и мотивацию людей;

- Проект по личному и групповому коучингу в дополнение к масштабной программе развития высшего управленческого состава — тот случай, когда нужно сделать из менеджеров — суперлидеров. И здесь недостаточно знаний, умений и навыков — необходима работа с глубинными установками, борьба со страхами и ограничениями, помощь в налаживании новой парадигмы жизни для таких людей.

Нами также регулярно проводятся мероприятия, связанные с эффективным планированием, исходя из Колеса баланса, а также принципами самонастройки; сессиями по поиску и созданию смыслов, личной мотивации и повышению качества жизни, управлению стрессом.

Что же касается привычной работы специалистов в области обучения и развития, здесь основным трендом становятся системные многомодульные программы развития, включающие в себя полную гамму форматов и активностей: оценка, индивидуальные планы развития, онлайн-обучение, наставничество, индивидуальный и групповой коучинг, бизнес-игры, домашние задачи, реализация практических проектов по запросу реального бизнеса в рамках программы обучения, очная и заочная аттестация — и все это в рамках единой программы. Подобная методика предполагает наличие довольно жесткой «канвы» программы и высокой гибкости с практически индивидуальной настройкой под каждого резервиста внутри нее.

Однако, возвращаясь к теме управления талантами в полной сюрпризов окружающей среде VUCA, можно с высокой долей уверенности сказать, что руководителям направлений обучения и развития сегодня необходимо следующее.

- Гибкие, динамичные работники (Agile employees) — полезно отбирать и делать ставку на гибких, быстрых, продуктивных в условиях изменений сотрудников.

- Гибкие процессы (Agile processes) — необходимо, чтобы все текущие и новые программы по управлению талантами по умолчанию строились на принципе гибкости как ключевом элементе и имели возможность меняться под заказчика и его нужды.

- Учитывать само-устаревание процессов (Self-obsolence of processes) — при разработке программ развития необходимо «включать компонент, который постоянно проверяет программы на “моральный износ” и устаревание» [24].

- Тренировать навык решения неожиданных проблем (Train to solve unanticipated problems) — необходимо воспитывать у сотрудников способность предвосхищать риски, неожиданные ситуации и продумывать решения до их реального возникновения.

- Фокусироваться на инновациях — искать людей, способных генерировать и внедрять новые идеи, а также быть драйверами изменений.

- Тренд на быстрое обучение (Rapid learning). Сегодня организации нужны люди с навыком невероятно быстрого самообучения практически в любой сфере: от создания сайтов до преподавательской деятельности. Задача — работать над увеличением скорости любого обучения, а также над созданием самообучаемой среды (принцип «все учат всех», впервые опробованный в Facebook).

- Больше внутренних перемещений (More internal movement) — необходимо продумывать процесс быстрой ротации сотрудников на позиции, где они будут более полезны. Это должно быть не отдельной функцией, а обязательной частью системы управления талантами.

- Проектная (условная) занятость (Contingent labor) — использовать по максимуму временных работников на проектной основе, чтобы быть готовым к изменчивой динамике рынка, изменяющимся требованиям к компетенциям, знаниям, умениям, навыкам.

- Быстрое увеличение числа талантов внутри компании (Rapid talent increasing) — необходимо развивать

способность быстрого поиска и подбора талантов разнообразными способами. Сейчас все больше экспертов говорят не только о внутренних кадровых резервах, но и о построении «внешних» кадровых резервов, включая банки данных, построение профессиональных сообществ и переманивание персонала у конкурентов.

- Быстрый «сброс» талантов («Rapid release of talent») — развивать способность быстро избавляться от работников с избыточными или ненужными компетенциями, навыками, знаниями.

- Подвижные (гибкие) должностные инструкции (Fluid job descriptions) — необходимо постоянно следить за тем, чтобы должностные инструкции оперативно менялись и отражали реальную ситуацию, новые стандарты работы и изменения в деятельности сотрудников.

- Аутсорсинг, обеспечивающий внутреннюю гибкость (Outsourcing for flexibility) — необходимо использовать привлечение внешних экспертов или подрядчиков для выполнения горящих задач и непредвиденных объемов работ.

- Конкурентные преимущества (Competitive advantage) — чтобы быть конкурентоспособной компанией, необходимо растить конкурентные преимущества внутри компании. Это возможно, развивая качества и редкие компетенции у своих сотрудников, что повышает их конкурентоспособность по сравнению с другими.

Многие зарубежные практики склоняются к следующим неизбежным изменениям, к которым необходимо готовиться сегодня:

- «... постоянно меняющийся набор требований к компетенциям работника и требований к должности, огромный разрыв между необходимым и имеющимся набором компетенций;

- полное изменение представлений о ключевых компетенциях лидера с фокусом на скорости и гибкости (agility), развитии способности команды принимать решения «точно в срок («just-in-time»);

- резкие колебания в уровне текучести кадров;

- постоянные изменения в ожиданиях сотрудников;

- изменения в качестве и ценности работников;

- постоянное развитие инструментов обучения и коммуникаций;

- смена поколений, которая будет проходить каждые 6 лет, а не 20» [24].

Таким образом, вопрос об управлении талантами в полном новыми непредсказуемыми вызовами VUCA-мире становится острым и дискуссионным одновременно, так как нельзя наверняка принять определенное решение, невозможно проверить все варианты и выбрать 100% верное направление. С одной стороны, это похоже на хаос, однако, с другой стороны, такое положение вещей дает неповторимый простор для чистого творчества психолога-специалиста в области обучения и развития персонала, неограниченного практически ничем, для реализации потребностей бизнеса, страны, общества. Более того, никогда ранее не требовались такой широкий кругозор и необходимость применения всех знаний, умений, технологий — от организационной психологии до терапевтических методов — с целью решения поставленной задачи. Развитие системного мышления, а также постоянное самосовершенствование — вот основа качественной работы психолога будущего. И, как сказал Вольтер, наверняка «Все к лучшему, в этом лучшем из миров».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архипова Н.И., Седова О.Л.* Управление персоналом организации. Краткий курс для бакалавров: учеб. пособие. М.: Проспект, 2015. 213 с.
2. Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. М.: Агентство стратегических инициатив, Бизнес-школа «Сколково», 2014. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (дата обращения: 12.01.2017)
3. *Беннет Н., Лемуан Д.Д.* VUCA: с чем это едят и какая от этого польза? [Электронный ресурс]. Harvard Business Review Россия. 28.02.2014. URL: <http://hbr-russia.ru/management/operatsionnoe-upravlenie/a13351/> (дата обращения: 12.01.2017)
4. *Доценко Е.* Эволюция HR: Добро пожаловать в мир VUCA [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trainings.ru/library/articles/?id=15938> (дата обращения: 12.01.2017)
5. *Карташов С.А., Одегов Ю.Г., Шаталов Д.В.* Управление талантами как HR-технология [Электронный ресурс] // Вестник Омского Университета. Серия «Экономика». 2013. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-talantami-kak-hr-tehnologiya> (дата обращения: 12.01.2017)
6. *Кэрролл Л.* «Алиса в Стране Чудес». Сборник цитат. [Электронный ресурс]. URL: <http://greatwords.org/authors/623/> (дата обращения: 12.01.2017)
7. Модель компетенций и компетентный подход к определению уровня компенсаций [Электронный ресурс]. URL: http://studopedia.ru/3_105215_model-kompetentsiy-i-kompetentniy-podhod-k-opredeleniyu-urovnya-kompensatsiy.html (дата обращения: 12.01.2017)
8. *О'Коннор Д., Макдермотт И.* Искусство системного мышления. Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. М.: Альпина Паблишер, 2014. 254 с.
9. *Стрельцова Ю.* Советы консультанта: Революция в отделах персонала [Электронный ресурс] // Ведомости. 09.09.2015. № 3913, URL: <http://www.vedomosti.ru/management/blogs/2015/09/09/608024-revolyutsiya-otdelah-personala> (дата обращения: 12.01.2017)
10. *Тараскова Е.* Правильное решение. Управляем талантами [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://www.ancor.ru/labourmarket/article/articleid/2013/> (дата обращения: 12.01.2017)
11. *Ужакина Ю.* Методы обучения и развития персонала в России и зарубежом [Электронный ресурс]. URL: <http://delovoymir.biz> (дата обращения: 12.01.2017)
12. Философия практик управления талантами [Электронный ресурс] // Официальный блог «Экопси консалтинг». URL: <http://assessment.livejournal.com/5686.html> (дата обращения: 12.01.2017)
13. Что такое управление талантами? [Электронный ресурс] // Блог компании «Экопси консалтинг». URL: <http://talentcode.ru> (дата обращения: 12.01.2017)
14. *Эрикссон Т.* Задача, а не время: работа для поколения Y. [Электронный ресурс] // Harvard Business Review Россия. 2010. 18.01. URL: <http://hbr-russia.ru/liderstvo/psikhologiya/a9348/> (дата обращения: 12.01.2017)
15. *Юлдашев С.* Советы консультанта: Как трактовать таланты [Электронный ресурс] // Ведомости. 24.06.2014. № 3615, URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/06/24/kak-traktovat-talanty> (дата обращения: 12.01.2017)

16. *Busrai A.* Transforming Manager into a Coach [Электронный ресурс]. 2014. November. URL: www.shrm.org (дата обращения: 12.01.2017)
17. *Chesbrough H.W.* The era of open innovation // MIT Sloan Management Review. 2003. Vol. 44. № 3. P. 35–41.
18. *Dries N.* The psychology of talent management: A review and research agenda [Электронный ресурс] // Human Resource Management Review. 2013. № 23(4). P. 272–285. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1053482213000296> (дата обращения: 12.01.2017). doi: 10.1016/j.hrmr.2013.05.001
19. *Ericsson K.A.* Deliberate practice and the modifiability of body and mind: Toward a science of the structure and acquisition of expert and elite performance // International Journal of Sport Psychology. 2007. № 38. P. 4–34.
20. *Hana U., Lucie V.* Investigating Talent Management Philosophies // Journal of Competitiveness. 2015. Vol. 7(3). P. 3–18. doi: 10.7441/joc.2015.03.01
21. *Howe N., Strauss W.* The History of America's Future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow Paperbacks, 1992. 544 p.
22. *Kirkpatrick D.L., Kirkpatrick J.D.* Evaluating Training Programs. The Four Levels (3rd Edition). Berrett-Koehler Publishers, Incorporated, 2006. 399 p.
23. *Meyers M.C., Van Woerkom M., Dries N.* Talent – Innate or acquired? Theoretical considerations and their implications for talent management // Human Resource Management Review. 2013. Vol. 23. № 4. P. 305–321. doi: 10.1016/j.hrmr.2013.05.003
24. *Sullivan J.* VUCA: The new normal for Talent Management and Workforce Planning [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ere-media.com/ere/vuca-the-new-normal-for-talent-management-and-workforce-planning/>; Перевод: URL: http://www.pmuni-versity.ru/upload/iblock/613/vuca_novaya-sreda-upravleniya-talantami-i-planirovani-ya-personala.pdf (дата обращения: 12.01.2017).

Talent management: what to teach employees today to survive tomorrow

A. Y. BUKHARINA *,

*Independent training and development experts Association (TnD Association);
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
a.bukharina@tndassociation.com*

The world is changing, and along with it – the need for education. The article defines the concept of VUCA-world, covers technologies that allow to precisely determine trends, and detail the key issues of who, how and what to teach within the framework of Human Resources with the position of "talent management". Compile and synthesize the latest theoretical and practical experience of experts in the area of education and development of the United States, Europe, and the Russian advanced consulting companies; examples and data from recent trade shows, as well as links to real projects implemented in 2016 and early 2017. This article would be interesting and to those who are interested in practical use of psychological methods and tools, as well as the integration of existing material in the non-standard practice-solutions.

Keywords: *learning, development, T&D, L&D, gamification, training, business game, foresight projects, foresight session, Russian best practice, talent management, HiPo, HiPro, talent development program, assessment, crowdsourcing, future profession.*

REFERENCES

1. Arhipova N.I., Sedova O.L. Upravlenie personalom organizacii. Kratkii kurs dlya bakalavrov: ucheb. posobie [The organization Human Resource Management. Short course for bachelors: a tutorial. Moscow: Prospekt, 2015. 213 p.
2. Atlas novyh professii [Atlas of new professions] [Elektronnyi resurs]. Moscow: Agentstvo strategicheskikh iniciativ, Biznes-shkola "Skolkovo", 2014. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (Accessed: 12.01.2017)
3. Bennet N., Lemuan D.D. VUCA: s chem eto edyat i kakaya ot etogo pol'za? [VUCA: what is eaten and what is the use?] [Elektronnyi resurs]. *Harvard Business Review Rossiya*

For citation:

Bukharina A.Y. Talent management: what to teach employees today to survive tomorrow. *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 144–162. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080109

* *Bukharina Alina Y.* – Managing Partner, Independent training and development experts Association (TnD Association); student, MA Social Psychology of Development, Faculty of the Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, a.bukharina@tndassociation.com

- [*Harvard Business Review Russia*]. 28.02.2014. URL: <http://hbr-russia.ru/management/operatsionnoe-upravlenie/a13351/> (Accessed: 12.01.2017)
4. Docenko E. Evolyuciya HR: Dobro pozhalovat' v mir VUCA [Welcome to the world VUCA] [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.trainings.ru/library/articles/?id=15938> (Accessed: 12.01.2017)
 5. Kartashov S.A., Odegov Yu.G., Shatalov D.V. Upravlenie talantami kak HR-tehnologiya [Talent Management as the HR-technology] [Elektronnyi resurs]. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya "Ekonomika" [Herald of Omsk University. Series "Economics"]*, 2013, no. 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-talantami-kak-hr-tehnologiya> (Accessed: 12.01.2017)
 6. Keroll L. "Alisa v Strane Chudes". Sbornik citat.[Elektronnyi resurs] ["Alice in Wonderland". Collection of quotations]. URL: <http://greatwords.org/authors/623/> (Accessed: 12.01.2017)
 7. Model' kompetencii i kompetentnyi podhod k opredeleniyu urovnya kompensacii [Model competencies and competent approach to determining the level of compensation] [Elektronnyi resurs]. URL: http://studopedia.ru/3_105215_model-kompetentsiy-i-kompetentnyy-podhod-k-opredeleniyu-urovnya-kompensatsiy.html (Accessed: 12.01.2017)
 8. O'Konnor D., Makdermott I. Iskustvo sistemnogo myshleniya. Neobhodimye znaniya o sistemah i tvorcheskome podhode k resheniyu problem [The art of systems thinking. Necessary knowledge of systems and creative approach to problem solving]. Moscow: Al'pina Publisher, 2014. 254 p.
 9. Strel'cova Yu. Sovety konsul'tanta: Revolyuciya v otdelakh personala [Tips consultant: A revolution in the personnel departments] [Elektronnyi resurs] // *Vedomosti*, 2015, no. 3913, 09.09. URL: <http://www.vedomosti.ru/management/blogs/2015/09/09/608024-revolyutsiya-otdelakh-personala> (Accessed: 12.01.2017)
 10. Taraskova E. Pravil'noe reshenie. Upravlyaem talantami [Correct solution. manage talent] [Elektronnyi resurs]. 2008. URL: <http://www.ancor.ru/labourmarket/article/articleid/2013/> (Accessed: 12.01.2017)
 11. Uzhakina Yu. Metody obucheniya i razvitiya personala v Rossii i zarubezhom [Methods of training and development in Russia and abroad] [Elektronnyi resurs]. URL: <http://delovoymir.biz> (Accessed: 12.01.2017)
 12. Filosofiya praktik upravleniya talantami [The philosophy of talent management practices] [Elektronnyi resurs]. *Oficial'nyi blog "Ekopsi konsalting" [Official Blog "Ecopsy Consulting"]*. URL: <http://assessment.livejournal.com/5686.html> (Accessed: 12.01.2017)
 13. Chto takoe upravlenie talantami? [What is the talent management] [Elektronnyi resurs]. *Blog kompanii "Ekopsi konsalting" [Company Blog "Ecopsy consulting"]*. URL: <http://talentcode.ru> (Accessed: 12.01.2017)
 14. Erikson T. Zadacha, a ne vremya: rabota dlya pokoleniya Y [The problem, rather than time job for generation Y]. [Elektronnyi resurs]. *Harvard Business Review Rossiya [Harvard Business Review Russia]*. 2010. 18.01. URL: <http://hbr-russia.ru/liderstvo/psikhologiya/a9348/> (Accessed: 12.01.2017)
 15. Yuldashev S. Sovety konsul'tanta: Kak traktovat' talanty [Tips consultant: How to treat the talents] [Elektronnyi resurs]. *Vedomosti [Vedomosti]*, 24.06.2014, no. 3615, URL:

- <http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/06/24/kak-traktovat-talanty> (Accessed: 12.01.2017).
16. Busrai A. Transforming Manager into a Coach [Elektronnyi resurs], 2014, November. URL: www.shrm.org (Accessed: 12.01.2017).
 17. Chesbrough H.W. The era of open innovation. *MIT Sloan Management Review*, 2003. Vol. 44, no. 3, pp. 35–41.
 18. Dries N. The psychology of talent management: A review and research agenda [Elektronnyi resurs]. *Human Resource Management Review*, 2013, no. 23(4), pp. 272–285. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1053482213000296> (Accessed: 12.01.2017). doi: 10.1016/j.hrmr.2013.05.001
 19. Ericsson K.A. Deliberate practice and the modifiability of body and mind: Toward a science of the structure and acquisition of expert and elite performance. *International Journal of Sport Psychology*, 2007, no. 38, pp. 4–34.
 20. Hana U., Lucie V. Investigating Talent Management Philosophies. *Journal of Competitiveness*, 2015. Vol. 7 (3), pp. 3–18. doi: 10.7441/joc.2015.03.01
 21. Howe N., Strauss W. *The History of America's Future, 1584 to 2069*. N.Y.: Morrow, 1991. 544 p.
 22. Kirkpatrick D.L., Kirkpatrick J.D. *Evaluating Training Programs. The Four Levels* (3rd Edition). Berrett-Koehler Publishers, Incorporated, 2006. 399 p.
 23. Meyers M.C., Van Woerkom M., Dries N. Talent – Innate or acquired? Theoretical considerations and their implications for talent management. *Human Resource Management Review*, 2013. Vol. 23, no. 4, pp. 305–321. doi: 10.1016/j.hrmr.2013.05.003
 24. Sullivan J. VUCA: The new normal for Talent Management and Workforce Planning [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.eredia.com/ere/vuca-the-new-normal-for-talent-management-and-workforce-planning/>; translation URL: http://www.pmuniversi.ru/upload/iblock/613/vuca_novaya-sreda-upravleniya-talantami-i-planirovaniya-personala.pdf (Accessed: 12.01.2017)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Комплексное исследование жизнеспособности человека и семьи:

теория, эмпирика, перспективы

Рецензия на монографию А.В. Махнача

«Жизнеспособность человека и семьи:

социально-психологическая парадигма»

М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.

Е.А. РЫЛЬСКАЯ*,

**ФГБОУ ВО РАНХ и ГС при Президенте РФ, Челябинский филиал,
Челябинск, Россия, elena_rylskaya@mail.ru**

Рецензируемая монография подготовлена на материале комплексного теоретико-эмпирического исследования значимой междисциплинарной проблемы жизнеспособности человека и семьи, рассмотренной в современной социально-психологической парадигме. В статье обсуждается концепция автора рецензируемой монографии, разработанная с позиции структурно-динамического подхода, раскрыты теоретические и методические основы исследования жизнеспособности семьи, описаны результаты эмпирического исследования жизнеспособности замещающей семьи.

Ключевые слова: *жизнеспособность человека, жизнеспособность семьи.*

Рецензируемая монография отражает многолетний научно-практический опыт автора в исследовании нового, сложного и неоднозначно оцениваемого психоло-

гическим сообществом феномена жизнеспособности. В соответствии с названием и естественной логикой научного изложения, книга включает два объемных

Для цитаты:

Рыльская Е.А. Комплексное исследование жизнеспособности человека и семьи: теория, эмпирика, перспективы. Рецензия на монографию А.В. Махнача «Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма». Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с. // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 163–167. doi:10.17759/sps.2017080110

* *Рыльская Елена Александровна* — доктор психологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ФГБОУ ВО РАНХ и ГС), Челябинский филиал, Челябинск, Россия, elena_rylskaya@mail.ru

раздела. В первом рассматривается феномен жизнеспособности человека как объекта познания, во втором представлены результаты теоретико-эмпирического исследования жизнеспособности семьи.

Концепт «жизнеспособность» подвергается всестороннему анализу в междисциплинарном аспекте. В фокусе внимания автора оказываются философские и исторические представления о жизнеспособности, специфика формирования этой категории в контексте кибернетических идей обеспечения устойчивости разнообразных сложных систем, принципов и механизмов управления экономическими, экологическими, социальными системами. С точки зрения педагогической науки, понятие «жизнеспособность» рассматривается как основа развития и адаптации ребенка в трудных жизненных ситуациях. Уделяется внимание исследованиям жизнеспособности в соотношении с качеством жизни человека и его психологическим здоровьем, являющимся предметом изучения в биологии, медицине, психологии здоровья, валеологии. Финальные результаты размышлений автора резюмируются в сравнительной характеристике двух моделей исследования жизнеспособности человека: медицинской (монокаузальной) и социальной (мультикаузальной).

Глубокий междисциплинарный анализ тезауруса жизнеспособности постепенно приводит читателя к пониманию востребованности исследований жизнеспособности в психологической науке «... по причине осознания специалистами глобальной гуманитарной задачи формирования этого качества в каждом члене общества» ..., а также в связи «с парадигмальной ориентацией психологической науки в направлении от концепции бо-

лезни к концепции здоровья, что заложено в позитивной психологии» [1, с. 76].

В следующей главе жизнеспособность человека рассматривается как объект изучения в психологической науке. Автор систематизирует исследовательские интересы к проблеме, группируя их в так называемые «волны» исследований. Подчеркивается, что изначально они были направлены на выделение статичных специфических черт и защитных механизмов жизнеспособного человека («первая волна»), продолжены в лонгитюдных экспериментах («вторая волна») и разработках в рамках ресурсного подхода, проводимых на больших популяционных выборках («третья волна»). Завершая исторический экскурс, автор цитирует зарубежных коллег, отмечающих, что «... четвертая волна исследований убедительно продемонстрировала необходимость понимания жизнеспособности как индивидуальной способности идти по своему пути к ресурсам психологического здоровья человека и здоровья социума в контексте культуры» [1, с. 90], и приходит к выводу, что в последнее время ученые делают акцент на экологическом подходе в изучении жизнеспособности («пятая волна»).

Нельзя не отметить пристального внимания к психологическим трактовкам понятия «жизнеспособность». Такое внимание не просто оправданно, а в сложившихся условиях жизненно важно. Дело в том, что терминологическое поле концепта «жизнеспособность» по-прежнему остается весьма аморфным. Синонимичные русскоязычные и иноязычные категории, используемые для обозначения сходных с жизнеспособностью феноменов, характеризуются явным семантическим неравенством. В итоге, понятие «жизнеспособность»

«перекрывается» многочисленными родственными понятиями с похожими референтами (чувство связности — the sense of coherence; разрастание — thriving; неуязвимость — invulnerability; жизнестойкость — hardiness; сопротивляемость — resistance; «резильентность» — resilience; самоэффективность — self-efficiency; субъективная витальность — subjective vitality и проч).

В современной отечественной психологии наибольшая сумятица возникает в связи с использованием двух англоязычных терминов «resilience» и «hardiness», которые нередко путают даже весьма близкие к психологии люди. Автор рецензируемой работы высказывает четкую и аргументированную позицию по этому вопросу: «С нашей точки зрения, переживание трудных жизненных ситуаций формирует жизнестойкость, в основе которой лежит совокупность установок и навыков. Это качество, в свою очередь, является одним из множества других, способствующих формированию жизнеспособности человека» [1, с. 126].

И еще одна показательная цитата: «Можно сказать, что в семантике слова «жизнестойкость» в отличие от слова «жизнеспособность» нет основного: первое не выражает способности человека существовать и развиваться, не содержит идеи приспособления человека к жизни, фиксируя в семантике слова «жизнестойкость» жизненную силу человека, его стойкость по отношению к жизненным трудностям. Таким образом, понятие «resilience», которое часто ошибочно переводится как синонимичное понятию «жизнестойкость», по нашему убеждению, необходимо переводить как «жизнеспособность» и тем самым разграничить эти два разных понятия современной психологии» [1, с. 129]. Мы

полностью согласны с этой точкой зрения автора.

Неоднозначность трактовок понятия «жизнеспособность» зачастую приводит к некоторой девальвации самого феномена, что выражается, в частности, в появлении исследований, в которых критикуется и само понятие, и широта его использования. В рецензируемой монографии делается попытка (вполне успешная, на наш взгляд) ослабить критические позиции некоторых авторов по отношению к феномену жизнеспособности. Мнение о «контрпродуктивности изучения жизнеспособности» в силу того, что оно приводит к формированию менталитета «виноватой жертвы», актуально лишь в том случае, если понимать жизнеспособность как статичную черту человека, трактуемую в рамках нормативно-дефицитарных традиций. Автор же призывает обратить внимание на изменившееся за последние десятилетия понимание феномена жизнеспособности: «В трактовке, созвучной сегодняшним представлениям, это интегративное качество человека представляет собой неисчерпаемый источник, в котором всегда найдутся внутренние и внешние характеристики, делающие возможным существование человека в любых условиях» [1, с. 134].

Второй раздел монографии, посвященный жизнеспособности семьи, может быть особо интересен для читателей в силу выраженной практической актуальности. Действительно, трудно не согласиться с автором в его утверждении о том, что «... практически каждая семья в России находится под воздействием социального стресса, но нестабильное положение российской семьи не вызвало адекватного ответа, а число работ по теме совладания, ресурсов, жизнеспособности семьи незначительно [1, с. 220].

Привлекает этот раздел работы и своеобразными эмпирическими находками. Остановимся более подробно на некоторых из них. Так, например, результаты исследования жизнеспособности кандидатов в замещающие родители (выборка 622 человека; мужчин — 223, женщин — 399) показали наличие более выраженных психопатологических симптомов у женщин по сравнению с мужчинами. В связи с этим автор обоснованно замечает, что «высокие значения показателей шкал «Соматизация» (SOM), «Депрессия» (DEP), «Тревожность» (ANX), «Враждебность» (HOS) и PSDI (индекс наличного симптоматического стресса) следует рассматривать как противопоказания для создания замещающей семьи» [1, с. 358].

Интересные данные получены на группах, различающихся по возрасту. Практически все показатели компонентов жизнеспособности оказались выше у сорокалетних кандидатов по сравнению с тридцатилетними. По большинству показателей оценки психопатологических симптомов обе выборки также отличаются. Все диагностированные симптомы такого рода статистически значимо выше в группе тридцатилетних. Результаты позволили автору сделать вывод о том, что «... более эффективными замещающими родителями могут быть те, кому за 40: они более жизнеспособны, ресурсны и

психически здоровы» [1, с. 358]. К сожалению, интерпретацию этой закономерности и поиск ее возможного объяснения автор оставляет на усмотрение читателя, которому были бы интересны его предположения по этому вопросу.

В заключении монографии обозначены перспективные направления психологических исследований жизнеспособности, включающие междисциплинарные разработки представителей психологии и психопатологии развития, социальной психологии, психологии семьи, организационной психологии и психологии труда с обязательным участием представителей биологической науки, которые смогут обеспечить изучение нейронных, нейроэндокринных функций организма, иммунной системы, нейрофизиологических оснований положительных эмоций и оптимизма как факторов, влияющих на жизнеспособность человека.

Завершая анализ монографии А.В. Махнач, выражаем глубокую уверенность в том, что эта книга может быть по-настоящему полезной и интересной не только психологам — исследователям и практикам, но и представителям практически всех отраслей гуманитарного и естественнонаучного знания, педагогам, работникам детских учреждений, правозащитникам, всем, кого интересуют проблемы непростого социального бытия современного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махнач. А.В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.

**The Integrative Research of the Resilience of a Person and the Family:
the Theory, Experience, Perspectives.**

Review of the monograph by A.V. Makhnach

“The Resilience of a Person and the Family: Socio-Psychological Paradigm”.
Moscow: Publ. “Psychology Institute of Russian Academy of Sciences”,
2016. 459 p.

EA. RYLSKAYA *,

**Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Che-
lyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia, elena_rylskaya@email.ru**

The peer-reviewed monograph is based on the material of comprehensive theoretical and empirical research of the important interdisciplinary problem of the resilience of a person and the family, examined through the modern socio-psychological paradigm. The monograph reflects the author's conception of the resilience of a person, developed by the structural-dynamic approach. Also the theoretical and methodical foundations of the research of the resilience of the family are presented, the results of empirical studies of the resilience of substitute family are described.

Keywords: *the resilience of a person, the resilience of the family.*

REFERENCES

1. *Makhnach. A.V. Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: social'no-psihologicheskaya paradigma [The Resilience of a Person and the Family: Socio-Psychological Paradigm]. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2016. 459 p.*

For citation:

Rylskaya E.A. The Integrative Research of the Resilience of a Person and the Family: the Theory, Experience, Perspectives. Review of the monograph by A.V. Makhnach «The Resilience of a Person and the Family: Socio-Psychological Paradigm». Moscow.: Publ. «Psychology Institute of Russian Academy of Sciences», 2016. 459 p. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 163–167. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2017080110

* *Rylskaya Elena A.* — Doctor of sciences (Psychology), Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Chelyabinsk, Russia, elena_rylskaya@email.ru

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051, г. Москва, Сретенка, д. 29, комн. 207

Тел.: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

Факс: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390, г. Москва, Шелепихинская наб., д. 2А, комн. 409

Тел.: +7(499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Переводчики *К.А. Майоров, В.В. Новожилов*

Корректор *Р.К. Лопина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: *spas2010@mgppu.ru*

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: *k-409rio@list.ru*

Translators *K.A. Maiorov, V.V. Novozhilov*

Technical editor *R.K. Lopina*

Maker-up *M.A. Baskakova*